

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

- с + - кон. год -
- с - ошибки на в. р.
- с - казны, казв. в. р.

5

1 9 5 3

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,  
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

30-й ГОД  
ИЗДАНИЯ

№ 5

М А Й  
1 9 5 3

ПРОКУРАТУРА СССР  
Всесоюзная прокуратура  
Инд. № 0804/4  
БИБЛИОТЕКА

## СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ НА СТРАЖЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Советский народ под руководством Коммунистической партии и Советского правительства успешно осуществляет построение коммунистического общества путем постепенного перехода от социализма к коммунизму. Главным орудием построения коммунизма в нашей стране является советское социалистическое государство. Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустанную заботу о всестороннем укреплении нашего великого социалистического государства — оплота мира и безопасности народов.

Советское социалистическое государство с первых дней своего существования организовало деятельность всех своих органов на основе строгой законности. Советской властью были изданы законы, определяющие деятельность как высших, так и местных органов власти, государственного управления и органов социалистического правосудия. Советской властью был создан совершенно новый, социалистический правопорядок.

Советские законы охраняют советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, интересы государственных и общественных предприятий и учреждений. Советские законы охраняют политические, трудовые, жилищные, имущественные и другие права и интересы граждан, гарантированные Конституцией СССР. Советский социалистический правопорядок имеет своей основой Конституцию СССР.

Социалистическая законность означает точное соблюдение всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами советских законов и актов органов государственной власти и управления. Соблюдение социалистической законности является непременным условием успешного выполнения социалистическим государством его основных функций и задач. Строжайшее проведение социалистической

законности является одним из основных принципов деятельности всего советского государственного аппарата, всех органов государственной власти, органов социалистического правосудия и государственного управления.

На всех этапах развития Советского государства Коммунистическая партия и Советское правительство неуклонно требовали строжайшего соблюдения советских законов. В. И. Ленин учил, что для достижения победы над врагами Советской власти «...необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми... Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся» (Соч., т. 29, стр. 514—515).

Социалистическая законность всегда была мощным средством осуществления задач социалистического строительства, укрепления диктатуры рабочего класса и государственного руководства.

Социалистическая законность полностью соответствует правосознанию трудящихся, интересам всего советского народа.

Социалистическая законность представляет прямую противоположность законности в буржуазных государствах. В буржуазных странах законы выражают волю господствующих классов капиталистов, банкиров, помещиков. Буржуазные законы и законность защищают власть угнетателей, частную собственность, являющуюся источником жестокой эксплуатации трудящихся. В современных буржуазных странах существует произвол и беззаконие, права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Современные империалистические государства характеризуются уничтожением последних остатков буржуазной законности и демократии, господством законов, беспощадно подавляющих стремления прогрессивно настроенных лиц к миру, свободе и демократии. В капиталистических странах растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства. Реакционность буржуазной законности проявляется в том, что наряду с вопиющим экономическим неравенством устанавливается прямое и открытое неравенство граждан перед законом.

Социалистическая законность выражается в том, что требования закона безусловно и одинаково обязательны для всех граждан, учреждений, организаций и должностных лиц. Все граждане равны перед законом независимо от служебного положения, национальности и расовой принадлежности, образования, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Советское государство обеспечивает строжайшее выполнение законов и распоряжений, не оставляя без внимания малейшее нарушение законности.

Уважение к закону — неотъемлемое моральное качество советского

че  
вл  
за  
дь  
за  
до  
ск  
об  
к  
ж;  
до  
ви  
те  
го  
Сл  
да  
нс  
ст  
в  
ле  
бо  
ст  
тв  
со  
на  
де  
по  
ск  
ти  
пр  
в  
дс  
ст  
гр  
эт  
те  
кс  
ос  
то  
1\*

человека. Исполнение законов, постановлений и распоряжений органов власти и государственного управления является конституционной обязанностью советских людей. Конституция СССР устанавливает, что каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития. Коммунистическая партия, являющаяся руководящей и направляющей силой советского общества, неустанно воспитывает советских людей в духе уважения к социалистическому правопорядку и к советским законам, в духе строжайшего исполнения всех требований социалистической законности.

Соблюдение социалистической законности всеми учреждениями, должностными лицами и отдельными гражданами — неперемнное условие нашего успешного продвижения вперед. Интересы государства и интересы трудящихся — вот что должно быть главным в работе органов государственного управления и органов социалистического правосудия. Строгое соблюдение социалистического правопорядка является гарантией дальнейшего укрепления могущества нашей Родины, ее культурного расцвета, подъема материального благосостояния народа. Социалистическая законность, охрана прав советских граждан, закрепленных в Конституции СССР, — важная основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства.

Социалистическая законность стоит на страже великих прав и свобод советских граждан, гарантированных Конституцией СССР.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство проявляют неустанную заботу о человеке, о максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей советских людей, так как благо советских людей, процветание советского народа является высшим законом для нашей партии и правительства.

В СССР впервые в истории создано общество, где личность освобождена от гнета и эксплуатации, где созданы действительные условия для полного развития всех способностей человека. Советское социалистическое государство предоставляет всем гражданам материальные и политические возможности для счастливой и культурной жизни.

Гражданам СССР предоставлено право на труд, право на отдых, право на образование, право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности. Эти права не только предоставлены гражданам, но гарантируется и их действительное осуществление. Советское законодательство стоит на страже этих прав граждан.

Особая ответственность ложится на должностных лиц за выполнение этих предписаний Конституции СССР и других законов. В СССР деятельность этих должностных лиц постоянно находится под неустанным контролем общественности, вышестоящих должностных лиц и органов, осуществляющих надзор за соблюдением социалистической законности.

Конституция СССР в соответствии с интересами трудящихся не только предоставляет право, но и гарантирует советским гражданам

свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций и предоставляет широкие права для объединения в общественные организации. Социалистическая законность бдительно охраняет эти священные права советских граждан.

Конституция СССР обеспечивает равноправие мужчины и женщины во всех областях общественно-политической жизни. Социалистическая законность охраняет политические, имущественные, семейные и другие права женщин, чем обеспечивает незыблемость гарантированных Конституцией СССР прав женщины.

Конституция СССР гарантирует равноправие граждан независимо от национальности и расы. В Советском государстве успешно разрешен один из самых сложных вопросов в истории развития общества — национальный вопрос. В братской семье советских народов все нации добились невиданного политического, культурного и хозяйственного развития. Создано полное равноправие всех наций и народов, населяющих СССР. Великая Отечественная война, явившаяся суровой школой испытания и проверки всех сил народа, показала, что советский многонациональный государственный строй с успехом выдержал испытание, еще больше окреп за время войны и оказался вполне жизнеспособным государственным строем.

Советское государство охраняет национальное равноправие граждан. «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, — указывается в ст. 123 Конституции СССР, — или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения — караются законом».

Враги советского народа, засылаемые из капиталистического окружения, а также отдельные отщепенцы и авантюристы делали и могут делать попытки возродить чувство национальной вражды и недоверия среди народов СССР. Подобные враждебные действия врагов советского народа сурово наказываются. Коммунистическая партия и Советское правительство стоят на страже интересов всех народов Советского Союза и воспитывают граждан в духе равенства и братства всех наций.

Советское государство проявляет постоянную заботу о советских гражданах. Советские законы и органы социалистического правосудия всемерно охраняют личность советского гражданина, его жизнь, здоровье, честь и достоинство. Личность советского гражданина охраняется всем содержанием социалистических общественных отношений.

Советский общественный и государственный строй в корне изменил духовный облик людей нашей страны, воспитал в них новые качества: беззаветную любовь к своему народу, глубокую преданность социалистическому отечеству, уверенность в победе коммунизма.

В социалистическом обществе гармонически сочетаются интересы личности и коллектива. Советское государство осуществляет все свои

мероприятия в области внутренней и внешней политики в направлении обеспечения интересов личности и всемерной ее охраны.

«В области внутренней политики, — сказал товарищ Г. М. Маленков в своем выступлении 9 марта 1953 г., — наша главная забота состоит в том, чтобы неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей. Законом для нашей партии и Правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей».

В исполнение этой цели Советское государство развивает социалистическую промышленность, всемерно укрепляет колхозный строй, добивается дальнейшего подъема и процветания всего народного хозяйства.

Советское правительство не только создает условия для процветания личности, но и осуществляет мероприятия, направленные на охрану прав и интересов советских граждан.

Социалистическое государство проявляет постоянную заботу о семье. Установив строгий порядок регистрации браков, материальную государственную помощь многодетным гражданам, постоянно проявляя заботу о детях и их правильном воспитании, Советское государство тем самым укрепляет семью, пресекает легкомысленное отношение к семье и родительским обязанностям со стороны отдельных граждан. Социалистическая законность охраняет интересы матери — воспитательницы подрастающего поколения будущих строителей коммунизма, гарантирует осуществление льгот и преимуществ, установленных государством для матерей.

Свобода личности в СССР строго охраняется Советским государством. Конституция СССР гарантирует неприкосновенность жилища и охраняет тайну переписки. «Гражданам СССР, — указывается в ст. 127 Конституции, — обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Советские законы устанавливают, что никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе как в случаях, специально предусмотренных в законе, и в порядке, строго определенном законом. Советские процессуальные законы устанавливают строгий порядок применения в отношении виновного исключительной меры — заключения под стражу.

Работники органов социалистического правосудия, являющиеся слугами народа и исполнителями его воли, обязаны зорко стоять на страже интересов граждан и социалистической законности. Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно требуют от должностных лиц строгого и точного соблюдения законов, охраняющих права и интересы советских граждан.

Советское государство, создавая условия для зажиточной жизни граждан, строго охраняет их имущественные интересы. «Право личной собственности граждан, — устанавливает Конституция СССР, — на их

трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом». Советское правительство следит за неуклонным выполнением этих предписаний Конституции СССР и сурово наказывает лиц, пытающихся поживиться за чужой счет или в той или иной форме нарушающих незыблемое право личной собственности советских граждан.

Священные права советских граждан, гарантированные Конституцией СССР, незыблемы — их охраняет социалистическая законность.

Советский народ, занятый мирным созидательным трудом, настойчиво претворяет в жизнь решения XIX съезда Коммунистической партии, уверенно идет по пути к коммунизму.

Советский Союз стал несокрушимой твердыней социализма, оплотом мира и демократии потому, что наша партия постоянно укрепляла и укрепляет социалистическое государство.

Свидетельством великой жизненной силы и могущества Советского государства явился исторический указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

Советское правительство провело за последнее время ряд важных мероприятий, имеющих целью улучшение государственного и хозяйственного руководства, повышение благосостояния народа и охрану незыблемых прав советских граждан. Разрабатываются меры по дальнейшему укреплению социалистической законности и правопорядка.

Важнейшей основой дальнейшего развития и укрепления Советского государства является строжайшее проведение социалистической законности, точное соблюдение советских законов, социалистического правопорядка, охрана прав советских граждан, закрепленных в Конституции СССР.

В этих условиях с особой силой встает вопрос о борьбе с нарушениями должностными лицами законных прав и интересов граждан. Советское законодательство дает в руки органов социалистического правосудия мощное средство защиты интересов советских граждан. С этой целью необходимо также широко использовать меры административного и общественного воздействия на должностных лиц, нарушающих советский закон.

Коммунистическая партия и советское правительство требуют, чтобы работа всех звеньев государственного аппарата, деятельность всех должностных лиц протекала в строгом соответствии с законом. Малейшее нарушение или ущемление охраняемых советским законом прав и интересов советских граждан должно незамедлительно и эффективно пресекаться, нарушенные права граждан должны полностью и безоговорочно восстанавливаться, а виновные в беззаконии должностные лица привлекаться к строгой ответственности.

Смело вскрывая недостатки в работе государственного аппарата, в том числе факты произвола и беззакония, допускаемые отдельными

должностными лицами, со всей решительностью и непримиримостью искореняя эти недостатки, Советское правительство открыто и прямо говорит о них народу. Это свидетельствует о великой силе Советского государства и социалистического строя. Источник этой силы в том, что наше правительство тесно и неразрывно связано с народом, опирается на народ во всей своей деятельности, твердо и последовательно проводит политику, отвечающую жизненным интересам народа.

Советское правительство следит за тем, чтобы советские законы, выражающие волю советского народа, свято и неуклонно исполнялись всеми. Каждый рабочий, каждый колхозник, каждый интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его права находятся под надежной охраной советской социалистической законности.

Советское правительство неуклонно добивается дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей. Законом для нашей партии и правительства является постоянная забота о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей. Советское правительство проводило и проводит последовательную политику сохранения и упрочения мира, для него является священным желание народа не допускать пролития крови миллионов людей и обеспечить мирное строительство счастливой жизни.

Советский народ единодушно поддерживает свое родное правительство и оказывает ему полное доверие. Весь наш советский народ с глубокой патриотической гордостью за наше могучее социалистическое государство, за непобедимый общественный и государственный строй честно выполняет свой общественный долг, свято соблюдает законы социалистического государства и самоотверженно трудится на благо нашей великой Родины.

## ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СТАДИИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Конституция СССР закрепила великие права граждан советского социалистического государства: право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в случае болезни и в старости, равноправие всех граждан независимо от их пола, национальности, расы во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни.

На страже этих великих прав и свобод советских граждан, гарантированных Конституцией СССР, стоит социалистическая законность.

Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали необходимость непримиримой борьбы с нарушениями советских законов.

В системе государственных органов, на обязанности которых лежит обеспечение строжайшего соблюдения советских законов и охрана прав граждан, важное место занимают прокуратура и советский суд. Всей своей деятельностью советский, подлинно демократический суд служит интересам социалистического государства, неразрывно связан с народом и осуществляет его волю, выраженную в законах Советского государства.

Неуклонно соблюдая закрепленные в главе IX Конституции СССР принципы правосудия: гласность, устность, непосредственность судебного разбирательства, судоговорение на национальном языке (республики, области), с обеспечением для обвиняемого права пользоваться родным языком, право обвиняемого на защиту, — советский суд, рассматривая уголовные и гражданские дела на основании действующих процессуальных законов, гарантирует охрану прав лиц, фигурирующих в процессе в качестве обвиняемых, ответчиков, потерпевших или истцов.

Объективность, всесторонность, полнота судебного процесса, строжайшее соблюдение норм материального и процессуального права — нерушимое правило, которым всегда обязан руководствоваться суд в своей повседневной деятельности.

В полной мере это требование относится и к важнейшей стадии судебного рассмотрения уголовного дела — судебному следствию.

Именно в стадии судебного следствия суд и стороны, проверяя полноту и основательность представленных по делу доказательств, могут убедиться в том, насколько в процессе предварительного следствия были соблюдены гарантированные законом права обвиняемых, насколько полно, всесторонне и объективно проведено предварительное следствие, не содержит ли оно пробелов и может ли суд восполнить эти пробелы или ему следует обратиться к доследованию.

Именно в стадии судебного следствия по своей инициативе или ходатайству сторон суд имеет широкую возможность восстановить, если они были нарушены на предварительном следствии, предоставленные обвиняемому законом права путем истребования в порядке ст. ст. 253, 272 и 273 УПК РСФСР новых доказательств, тщательной и объективной проверки показаний подсудимого, путем исследования и оценки имеющихся по делу доказательств. Следует помнить, что от того, насколько суд тщательно и всесторонне исследует доказательства, насколько правильно он их оценит, зависит установление истины по делу.

гу  
ес:

те.  
во  
и

пр  
ня

пк  
те.  
до  
оп  
ил  
бь  
ст  
ки

та  
не  
ж  
ус

за  
за  
С  
ес  
от  
ст  
ча

де  
н

за  
У  
и  
в

с:  
м  
ш  
о  
я

и  
с  
С  
Р  
ш  
З  
Г  
с

Собранные в стадии предварительного следствия доказательства могут быть положены судом в основание приговора лишь при условии, если они тщательно проверены в судебном заседании.

Успешное проведение судебного следствия, исследование доказательств с наибольшей полнотой во многом зависит от хорошего, отчетливого знания судом и сторонами всех материалов дела, от умения быстро и правильно ориентироваться в них.

Изучение дела преследует цель установить полноту проведенного предварительного следствия и соблюдение в процессе его прав обвиняемого.

Если изучивший дело судья или прокурор обнаружит, что в нарушение прав обвиняемого органы предварительного следствия неосновательно отказали в истребовании тех или иных доказательств, он обязан доложить об этом при рассмотрении дела в подготовительном заседании, определением которого дело должно быть возвращено на исследование или, если имеющиеся по делу недостатки следствия восполнимы, должны быть определены доказательства, которые надлежит истребовать и допустить в порядке ст. ст. 253 и 272 УПК РСФСР для исследования и оценки их в стадии судебного следствия.

Совершенно недопустимо такое явление, когда, обнаружив в результате изучения дела нарушение прав обвиняемого, суд или прокурор не реагируют на это, ошибочно считая, что подобное нарушение не может оказать влияния на исход судебного рассмотрения дела или будет устранено в судебном заседании.

Следует твердо помнить, что ни одно нарушение гарантированных законом прав обвиняемого (потерпевшего, свидетеля) не должно оказаться вне поля зрения судей или прокурора и остаться неустраненным. Состав суда в подготовительном заседании всегда обязан реагировать, если обнаружит при изучении дела нарушения требований закона и прав обвиняемого, допущенные в стадии предварительного следствия, и выносить по этому поводу в адрес соответствующего следственного органа частное определение, указывая в нем на допущенные нарушения.

Безразличное отношение суда к нарушениям прав обвиняемого по делу совершенно нетерпимо и должно быть полностью изжито в судебной практике.

Закрепленное в ст. 111 Конституции СССР право обвиняемого на защиту, действующие уголовно-процессуальные законы, в частности Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, неуклонно обязывают суд и стороны предоставлять подсудимому в стадии судебного следствия возможность активной защиты.

Важным условием для этого является своевременное вручение подсудимому обвинительного заключения, обладая которым он имеет возможность подготовиться к участию в судебном рассмотрении дела. Нарушение судом ст. 235 УПК РСФСР, устанавливающей срок вручения обвинительного заключения не позже чем за три дня до слушания дела, является безусловным поводом к отмене приговора.

Верховный суд СССР отменил приговор в отношении Лещевского и Милонас, осужденных за хищение государственного имущества, в связи с нарушением судом ст. 235 УПК РСФСР. Верховный суд (определение Судебной коллегии по уголовным делам) установил: «...Народный суд рассмотрел дело с нарушением ст. 235 УПК РСФСР, так как дело слушалось 6 декабря, а обвинительное заключение подсудимым вручено 3 декабря, т. е. менее чем за трое суток до начала рассмотрения дела. При исчислении сроков сутками согласно правилам, установленным ст. 83 УПК РСФСР, трое суток с момента вручения копии обвинитель-

ного заключения в данном случае истекли только в 24 часа 6 декабря, а к этому времени дело судом уже было рассмотрено»<sup>1</sup>.

Важнейшее значение имеет неуклонное соблюдение судом ст. 110 Конституции СССР и ст. 22 УПК РСФСР, обязывающих суд приглашать переводчика в случаях, когда обвиняемые не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу. Судебное рассмотрение дела без переводчика в отношении лица, не владеющего языком судопроизводства, недопустимо и является поводом к отмене приговора. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР (определение от 28 апреля 1951 г.) отменен приговор в отношении Шебзухова, Лушева и Таова в связи с тем, что суд не обеспечил подсудимых переводчиком. Все следственные действия и судебное разбирательство велись на русском языке, а Лушев, Шебзухов и Таов — кабардинцы по национальности, русским языком в достаточной степени не владеют. Следовательно, в отношении осужденных «нарушена ст. 110 Конституции СССР и ст. 22 УПК РСФСР, поскольку права обвиняемых на защиту были нарушены — следствие и судебное разбирательство велись без участия переводчика»<sup>2</sup>.

Не менее значительным является соблюдение судом требований ст. 268 УПК РСФСР, устанавливающей, что при неявке адвоката и в случае невозможности заменить его другим, причем только с согласия на то подсудимого, дело должно быть отложено слушанием. Отменив по этому основанию приговор в отношении Казакова, Верховный суд СССР в определении указал: «Приговор подлежит отмене, так как судом по делу допущены процессуальные нарушения. Несмотря на то, что согласно определению суда дело надлежало слушать с участием сторон, оно слушалось без участия адвоката. Так как адвокат не явился, суду надлежало выполнить определение подготовительного заседания и, в соответствии со ст. 268 УПК РСФСР, отложить дело слушанием для вызова в суд адвоката или же заменить его другим лицом с согласия на то обвиняемого»<sup>3</sup>.

В тех случаях, когда подсудимый отказывается от защитника, суд обязан предоставить ему право произнесения защитительной речи. Лишение подсудимого этого права является грубым нарушением ст. 304 УПК РСФСР. В связи с указанным нарушением процессуального закона Верховный суд СССР отменил приговор в отношении Титова, осужденного за хищение государственных средств. Судебная коллегия по уголовным делам указала, что «приговор подлежит отмене по следующим основаниям: дело было назначено к слушанию с участием обвинения и защиты, однако на суде Титов отказался от защиты и взял защиту на себя, в связи с чем явившийся в суд адвокат был освобожден от участия в судебном заседании. В этом случае суд был обязан на основании ст. 304 УПК РСФСР предоставить Титову слово для защиты, чего сделано, однако, не было»<sup>4</sup>.

Охраняя гарантированное законом право подсудимого на защиту, суд обязан не допускать таких случаев, когда адвокат защищает нескольких подсудимых, интересы которых противоречат друг другу. На это обстоятельство в ряде определений указывает Верховный суд СССР. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам отменен приговор в отношении Вартанова, Сабиашвили и Годердзишвили. Несмотря на то, что Годердзишвили и Сабиашвили оговаривали друг друга

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 46.

<sup>2</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 24—25.

<sup>3</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 46.

<sup>4</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 6.

и Вартанова, отрицая при этом свою вину, что, таким образом, защита одного из них противоречила защите другого, суд назначил им всем троим одного защитника. Вартанов вообще отрицал свое участие в преступлении, заявив, что он на месте происшествия не присутствовал. При таких обстоятельствах один защитник не мог защищать всех троих осужденных, — поэтому фактически они были лишены защиты.

Важнейшее значение в судебной практике имеет защита несовершеннолетних. Вне зависимости от характера совершенного преступления несовершеннолетний должен быть на суде всегда обеспечен защитой. Рассмотрение дела без адвоката недопустимо и является поводом к отмене приговора. Верховным судом СССР был отменен приговор в отношении несовершеннолетнего Покроповича, осужденного за кражу личной собственности, в связи с тем, что он на суде не был обеспечен защитой<sup>1</sup>.

Не менее важными являются и другие права подсудимого в стадии судебного следствия: право подсудимого задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277 УПК РСФСР); право подсудимого заявлять ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств (ст. 272 УПК РСФСР); право в случае необходимости знакомиться с материалами дела, участвовать в осмотре документов, выезде на место преступления (ст. 301 УПК РСФСР). Все эти права свидетельствуют о широких гарантиях прав подсудимого в стадии судебного следствия. От суда и сторон требуется строжайшее соблюдение всех этих гарантий, проведение судебного следствия в точном соответствии с требованиями процессуального закона.

Какоз бы то ни было упрощенчество, нарушение или извращение этого закона, ограничение подсудимого в его правах должно рассматриваться как нарушение социалистической законности и наказываться.

Гарантированное законом право подсудимого давать объяснения по существу дела обязывает суд не только предоставлять подсудимому полную возможность давать показания на всем протяжении судебного следствия, но и тщательно проверять доводы подсудимого об его невиновности, заявления его о порочности, недостоверности тех или иных доказательств. Имеются в виду утверждения подсудимого о ложности уличающих его свидетельских показаний, порожденных неприязненными отношениями или стремлением свидетеля скрыть собственную вину, ссылки на алиби, на оговор со стороны другого подсудимого, на нарушения в процессе предварительного следствия ст. 136 УПК РСФСР.

Охраняя права личности, суд в стадии судебного следствия должен всесторонне проверять подобные заявления подсудимого или возвращать для этой цели дело на следствие. Что касается ссылки подсудимого на ложность показаний свидетеля на почве неприязненных отношений, то способы проверки судом такого заявления различны. Чаще всего они заключаются в вызове дополнительных свидетелей, объективность которых не вызывает сомнений, удостоверяющих характер взаимоотношений подсудимого и свидетеля. Иногда проверка производится путем истребования документов (приказов, распоряжений), из которых видно, что подсудимый в свое время увольнял свидетеля с работы, накладывал на него взыскания и пр. По поводу сложившихся отношений со свидетелем подсудимый подвергается допросу, иногда очной ставке со свидетелем.

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 1.

Суд обязан проверять при наличии об этом показаний подсудимого или иных данных по делу, не вызваны ли показания свидетеля, уличающего подсудимого, стремлением скрыть свою собственную вину. Имеются в виду известные практике случаи, когда лицо, совершившее преступление, ложно уличает в этом другое, стремясь избежать ответственности. Проверка показаний таких свидетелей представляет значительную трудность и далеко не всегда возможна в стадии судебного следствия. В пределах последнего суд, как правило, может лишь подвергнуть частичной проверке основательность утверждения подсудимого о ложности показаний свидетеля, вызванных якобы стремлением скрыть свою вину. С этой целью возможен допрос в порядке ст. ст. 272 и 273 УПК РСФСР новых свидетелей, проверка служебных обязанностей свидетеля, уличающего подсудимого, степени его ответственности за порученную работу, характера взаимоотношений с подсудимым и т. д. Если эта проверка не рассеет сомнения суда в достоверности показаний свидетеля, а они имеют существенное значение для установления истины, дело подлежит возвращению к доследованию для подробной проверки показаний свидетеля и определения его роли.

Гарантируя охрану прав личности, объективно и всесторонне устанавливая истину, суд в стадии судебного следствия обязан проверять ссылку подсудимого на его алиби. Какое бы впечатление у суда ни создалось о доказанности обвинения, обоснованная ссылка на алиби подлежит обязательной проверке. Если последняя невозможна в стадии судебного следствия, дело следует вернуть на доследование. В противном случае может быть допущено неосновательное осуждение. Суд не вправе отвергать имеющиеся в деле доказательства алиби подсудимого, если достоверность этих доказательств после тщательной проверки не вызывает сомнений.

Между тем иногда суды совершенно неосновательно отвергают такие доказательства, вынося обвинительные приговоры.

На подобные недопустимые факты в ряде определений указывает Верховный суд СССР. Так, им отменен приговор в отношении Леденева (определение Железнодорожной коллегии от 27 мая 1950 г.), осужденного по ч. 2 ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Леденев был признан виновным в вооруженном ограблении гр-ки Осиповой, в чем уличался показаниями последней и свидетеля Церковной, присутствовавшей при ограблении Осиповой. На протяжении всего предварительного и судебного следствия Леденев, не признавая себя виновным, заявлял, что в день и часы, когда произошло ограбление, он находился на работе. То, что Леденев действительно находился на работе, подтвердили свидетели Андрейченко, Бойко и другие — всего восемь человек. Свидетели Дмитриенко, Нестеров и Вакуленко показали, что Леденева ругал бригадир Андрейченко за несвоевременное выполнение его указания. Верховный суд констатировал, что «показания этих свидетелей не опорочены и обвинение Леденева основано исключительно на противоречивых показаниях Осиповой и Церковной. При этом суд не указал в приговоре, почему он отверг показания вышеуказанных свидетелей, которыми опровергнуты показания Осиповой и Церковной<sup>1</sup>. За недоказанностью предъявленного обвинения дело Леденева в уголовном порядке было прекращено.

Важнейшее значение имеет проверка заявления подсудимого об оговоре его, представляющая наибольшую трудность для суда и сторон.

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 8, стр. 8.

«Оговор — это опаснейшее средство в руках обвиняемого, опаснейшее орудие против правосудия» (А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1950, стр. 265). Действительно, нередко показания подсудимого, ложно уличающего другого подсудимого или признающего свою вину, звучат настолько убедительно и правдоподобно, что не вызывают у суда сомнений и используются в качестве доказательств. Задача суда и сторон состоит в том, чтобы путем глубокой, тщательной проверки показаний подсудимого и сопоставления их с имеющимися по делу доказательствами установить, не являются ли показания оговором и какими мотивами он вызван. Судебный опыт показывает, как различны и многочисленны мотивы, вызывающие оговор или самооговор, и поэтому суду и сторонам при исследовании показаний подсудимого раньше всего следует установить именно эти мотивы. Игнорирование судом заявлений подсудимого об оговоре его другим лицом, оставление таких заявлений без всесторонней проверки совершенно недопустимо, так как в результате оговора может последовать неосновательное осуждение.

Неуклонно соблюдая законы, гарантирующие охрану прав личности, суд обязан тщательно проверять каждое заявление подсудимого или свидетеля о нарушении в отношении его в стадии предварительного следствия требований ст. 136 УПК РСФСР. Ссылки подсудимого или свидетеля на то, что при допросе органами предварительного следствия применялись угрозы, насилие и другие абсолютно недопустимые и запрещенные советским законом меры, должны подвергаться в процессе судебного следствия глубокой проверке; если же последняя не даст результата, дело подлежит возвращению к доследованию.

Всегда помня, что никому не будет позволено нарушать советскую законность, суд обязан немедленно реагировать на каждый установленный им в стадии судебного следствия факт нарушения ст. 136 УПК РСФСР путем вынесения соответствующих частных определений.

Не менее важным, чем право давать объяснения, является право подсудимого активно участвовать в судебном следствии: задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым.

Суд не может ограничить число вопросов или изменить их характер при условии, разумеется, если эти вопросы относятся к существу рассматриваемого дела. Следовательно, уголовно-процессуальные законы гарантируют подсудимому не только право давать объяснения по существу всего дела и собранным по нему доказательствам, но и предоставляют широкую возможность участвовать в проверке и исследовании этих доказательств. Различные формы этого участия: вопросы свидетелям, потерпевшим, другим подсудимым при их допросах, очные ставки с ними, вопросы экспертам по существу как заключения, данного в стадии предварительного следствия, так и заключения в судебном заседании, и т. д. — служат свидетельством обширных прав подсудимого в стадии судебного следствия. Требуется строжайшее соблюдение этих прав, предоставление подсудимому возможности широкого выяснения вопросов при допросах свидетелей, экспертов, остальных подсудимых.

Важным является право подсудимого, гарантированное ст. ст. 253, 272 УПК РСФСР, на заявление ходатайств о вызове новых свидетелей и экспертов и об истребовании или о приобщении к делу других доказательств. Пользуясь этим правом, подсудимый приобретает путем представления новых доказательств широкую возможность восполнить пробелы предварительного следствия, а также установить обстоятельства, неизвестные последнему. Имеются в виду, например, показания новых свидетелей, удостоверяющих в судебном заседании алиби подсудимого,

которое не было проверено в стадии предварительного следствия, или документы, неизвестные предварительному следствию, заключение экспертизы, в производстве которой обвиняемому на предварительном следствии было отказано, и т. д. Исходя из интересов установления истины, суд обязан удовлетворить ходатайство об истребовании или о допуске нового доказательства, убедившись в том, что это доказательство устанавливает или подтверждает обстоятельства, имеющие существенное значение по делу.

Следует всегда помнить, что правильное разрешение судом ходатайств, заявленных в порядке ст. ст. 253, 272 и 300 УПК РСФСР, гарантирует объективное и всестороннее проведение судебного следствия, обеспечивает право подсудимого на защиту. Необоснованный отказ в истребовании новых доказательств является поводом к отмене приговора.

Верховный суд СССР (определение Судебной коллегии по уголовным делам от 14 февраля 1951 г.) отменил приговор по делу Казаченко, Чеха и др., обвинявшихся в хищениях, в связи с грубым нарушением судом ст. 253 УПК РСФСР. В определении Верховного суда СССР указывается, что «Судебное следствие по делу проведено поверхностно. Объяснения подсудимых не были проверены, представленные дополнительно подсудимыми документы судом не были приняты, причем отказ в принятии документов суд ничем не мотивировал. Чех в судебном заседании возбудил обоснованное ходатайство, поддержанное другими подсудимыми, о вызове и допросе в качестве свидетелей гр-н С. и В. Казаченко просил вызвать К. и В. Подсудимые утверждали, что эти лица, являющиеся руководителями местных районных организаций, могут дать показания, имеющие весьма существенное для дела значение. Суд обязан был или удовлетворить эти ходатайства, или мотивированно их отклонить. Однако в нарушение ст. 253 УПК РСФСР суд оставил вопрос о ходатайстве подсудимых открытым, и только в конце судебного следствия суд отклонил заявленные в начале заседания ходатайства по тем мотивам, «что виновность подсудимых в достаточной мере подтверждается». Между тем до вынесения приговора суд не мог утверждать о доказанности обвинения, тем более, что ни один из подсудимых виновным себя не признал. На основании ст. 253 УПК РСФСР суд должен был удовлетворить заявленные ходатайства о вызове свидетелей, так как обстоятельства, в подтверждение которых свидетели вызывались, имели существенное значение, поскольку следствие по делу проведено односторонне. Приговор вследствие поверхностного исследования дела и ввиду нарушения ст. 253 УПК РСФСР подлежит отмене в отношении всех осужденных»<sup>1</sup>.

Суд не вправе отклонить ходатайство подсудимого, заявленное в порядке ст. 272 УПК РСФСР, например, о допросе свидетеля по мотивам, заранее предрешающим содержание показаний свидетеля. По этим основаниям Верховным судом СССР был отменен приговор в отношении Широкова, осужденного за хищение угля. Широков виновным себя не признал и в хищении уличался единственным свидетелем по делу Кравченковым, утверждавшим, что задержал Широкова с углем в пять часов утра.

Отрицая показания свидетеля, Широков сослался на алиби, объяснив, что Кравченков не мог задержать его в пять часов утра, так как он, Широков, в восемь часов утра ходил в буфет и у буфетчицы купил папиросы. Поэтому подсудимый просил суд вызвать буфетчицу в каче-

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 21—22.

стве свидетеля. Суд неосновательно отклонил ходатайство Широкова на том основании, что буфетчица в настоящее время на прежнем месте не работает, если же и вызвать ее в суд, то она может и не помнить, в какое время Широков заходил к ней в буфет за папиросами. Отменяя приговор, Верховный суд СССР указал, что «такие мотивы для отклонения законного требования Широкова о вызове свидетельницы в суд являются необоснованными. Отказ в вызове буфетчицы в судебное заседание привел к тому, что существенные обстоятельства по делу остались невыясненными»<sup>1</sup>.

Недопустим отказ в ходатайстве по тем мотивам, что оно не было возбуждено в начале судебного заседания или не заявлялось в стадии предварительного следствия, в частности при выполнении по делу ст. 206 УПК РСФСР.

В судебной практике имеют место случаи подобных совершенно неосновательных отказов. Так, по делу Матвеева, обвинявшегося в хищении государственных средств, суд отказал удовлетворить ходатайство подсудимого об истребовании и приобщении к делу ряда важных бухгалтерских документов, ссылаясь на то, что такое ходатайство следовало заявить при ознакомлении Матвеева с делом. Между тем без этих документов суд был лишен возможности объективно рассмотреть дело и проверить обоснованность доводов подсудимого. В результате, незаконно лишив Матвеева одного из прав на защиту и не выяснив существенных обстоятельств, суд вынес неправильный приговор, отмененный вышестоящей инстанцией.

По другому делу Верховный суд СССР отменил приговор в отношении Богаткиной в связи с тем, что суд отказал в ходатайстве подсудимой о вызове новых свидетелей на том основании, что Богаткина не возбуждала об этом ходатайства в момент окончания расследования, при выполнении ст. 206 УПК РСФСР. В определении Верховный суд отметил, что «эти мотивы отклонения ходатайства Богаткиной являются ошибочными, так как в силу ст. 272 УПК РСФСР обвиняемый имеет право возбуждать ходатайство во всех стадиях процесса (Сборник «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР», стр. 274).

Суд не имеет права отклонять ходатайство относительно нового доказательства, ссылаясь на то, что вина подсудимого установлена имеющимися по делу доказательствами. Пленум Верховного суда СССР по этим основаниям отменил приговор в отношении Троицкого, указав в своем постановлении: «На суде Троицкий возбудил ходатайство о вызове ряда свидетелей, которые дали бы о нем характеристику и подтвердили бы, что он не совершал инкриминируемые ему действия. Суд отклонил ходатайство Троицкого на том основании, что обвинение, предъявленное Троицкому, подтверждено показаниями допрошенных свидетелей. Тем самым суд до окончания судебного следствия и удаления в совещательную комнату предрешил вынесение обвинительного приговора Троицкому, хотя вопрос о виновности или невиновности подсудимого может быть решен судом только в совещательной комнате и выражен в форме приговора. Своими действиями суд нарушил ст. ст. 317 и 320 УПК РСФСР»<sup>2</sup>.

Приведенные примеры убедительно показывают, как вдумчиво и внимательно должен относиться суд к разрешению ходатайств по поводу новых доказательств. Неосновательный отказ суда в истребовании

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 6, стр. 44.

<sup>2</sup> Сборник «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР», стр. 253.

или допуске новых доказательств препятствует подсудимому осуществить одно из важных, гарантированных ему законом прав.

Большое практическое значение имеет право подсудимого знакомиться в стадии судебного следствия с материалами дела и отдельными документами независимо от того, что подсудимый знакомится с делом при выполнении ст. 206 УПК РСФСР. Хотя это право и не регламентировано в действующих уголовно-процессуальных законах, судебная практика, исходя из общих принципов права обвиняемого на защиту, совершенно правильно пошла по пути предоставления подсудимым возможности в случае необходимости знакомиться с материалами дела в процессе судебного рассмотрения его. При заявлениях подсудимого, что он недостаточно ознакомился с делом при выполнении ст. 206 УПК РСФСР и нуждается в дополнительном ознакомлении с ним, суд должен или возвратить для этой цели дело на исследование, или, объявив перерыв судебного заседания, предоставить подсудимому возможность ознакомиться с интересующими его материалами непосредственно в суде. Игнорирование судом ходатайства подсудимого о дополнительном ознакомлении с материалами дела недопустимо.

Суд обязан удовлетворять ходатайства подсудимых об участии их при производстве экспертизы в стадии судебного следствия. Больше того, суд должен выяснять у подсудимых, насколько в стадии предварительного следствия они имели возможность участвовать при производстве экспертизы: ставить на разрешение эксперта вопросы, давать объяснения, заявлять ходатайства. На практике иногда наблюдаются случаи проведения экспертиз до предъявления обвинения лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, и они, естественно, лишены возможности использования своих прав на отвод и дополнение экспертов и не могут представить им свои вопросы. Суд обязан принимать во внимание заявления подсудимых относительно нарушения их прав при производстве экспертизы в стадии предварительного следствия и предоставлять подсудимым полную возможность участия в работе экспертизы на суде. Практически подобное участие имеет в виду постановку подсудимым вопросов эксперту, ознакомление с документами, объяснения отдельных обстоятельств по делу и т. д.

Подсудимому должно быть предоставлено право участия в осмотре вещественных доказательств, письменных документов, места преступления, причем заявления, которые при этом делаются подсудимым, должны фиксироваться в протоколе судебного заседания.

Существенным также является право подсудимого, гарантированное ст. 303 УПК РСФСР, на дополнение судебного следствия. Обладая этим правом, подсудимый имеет широкую возможность дополнительно изложить те или иные обстоятельства по делу, которые он мог упустить в ранее данных показаниях, задать ряд вопросов, представить документы и т. д. Суд обязан предоставить подсудимому возможность в полной мере использовать и это право, предварительно разъяснив его.

Лишь при неуклонном соблюдении судом и сторонами гарантированных законом прав обвиняемого судебное следствие будет проведено объективно и всесторонне, достигнув своей основной цели — установления истины по делу.



## **ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ**

*Н. Якубович*

Социалистическая законность в Советском государстве означает строгое и точное соблюдение законов и актов высших государственных органов власти всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Выражая волю советского народа, политику Коммунистической партии и советской власти, интересы которых едины, советские законы стоят на страже этих интересов. Они охраняют общественную, социалистическую собственность, являющуюся священной и неприкосновенной экономической основой советского строя. Они охраняют закрепленные в Конституции СССР великие права и свободы граждан.

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда придавали огромное значение укреплению социалистической законности и требовали на всех этапах строительства советского общества ее строгого соблюдения.

Органом, на который Советским государством возложен надзор за строжайшим соблюдением законов всеми должностными лицами и гражданами СССР, является прокуратура. Созданная по инициативе Ленина и Сталина, прокуратура призвана от имени государства осуществлять неослабный надзор за осуществлением и соблюдением законов министерствами, подведомственными им учреждениями и должностными лицами и гражданами СССР.

Советская прокуратура вела и ведет решительную и непримиримую борьбу с засылаемыми в нашу страну шпионами, вредителями, террористами, с расхитителями государственного и общественного имущества, с бандитами и убийцами, с хулиганами и взяточниками, с ворами и спекулянтами и всеми прочими преступными элементами, которые нарушают законы. Прокуратура являлась и является действенным орудием в руках Советского государства в борьбе с преступностью.

Наряду с этой стороной задачи укрепления социалистической законности есть еще и другая, очень важная сторона этой же задачи — это охрана и соблюдение всех прав и свобод, гарантированных гражданам Конституцией СССР.

Обязанностью работников прокуратуры является охрана интересов как Советского государства, так и его граждан.

Уголовное преследование является наиболее решительным и острым из всех способов, которыми охраняется социалистическая законность. Этим оружием работники прокуратуры, в частности работники следственного аппарата прокуратуры, должны пользоваться твердо, но осторожно и умело, чтобы ни один преступник не ушел от ответственности и чтобы в то же время ни один честный гражданин не оказался его жертвой.

«Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, — говорил М. И. Калинин, — при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которой каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный советской властью прокурор»<sup>1</sup>.

Охраняя и защищая социалистическую законность от нарушителей, работники прокуратуры, в первую очередь работники следствия, обязаны сами строго и неуклонно соблюдать требования закона в своей деятельности, строго соблюдать права советских граждан.

Передовая «Правды» от 6 апреля 1953 г. писала: «В Конституции СССР записаны великие права граждан Советского социалистического государства. Статья 127-я Конституции СССР обеспечивает гражданам СССР неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Социалистическая законность, охрана прав советских граждан, записанных в Конституции СССР, — важнейшая основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства.

Никому не будет позволено нарушать советскую законность. Каждый рабочий, каждый колхозник, каждый советский интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его гражданские права находятся под надежной охраной советской социалистической законности.

Это означает, что ни одно лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности без достаточных к тому поводов и оснований, четко установленных уголовно-процессуальным законом. Ибо неосновательное возбуждение уголовного преследования является грубым нарушением прав гражданина и, следовательно, нарушением социалистической законности. Это также означает, что наряду с применением всех средств, предоставляемых уголовно-процессуальным законом для изобличения преступника, следователь не должен забывать об обеспечении прав привлекаемого к уголовной ответственности. Он не должен забывать, что при расследовании по делу, наряду со своевременным выявлением в проверкой обстоятельств, изобличающих привлеченного к уголовной ответственности, должны быть выявлены и проверены обстоятельства, оправдывающие и смягчающие его вину, а также устранены все стесняющие его права меры, кроме строго предусмотренных законом.

Возбуждение уголовного преследования и правильное его проведение против подлинных нарушителей социалистической законности является действенным средством борьбы с преступниками и эффективным методом охраны социалистической законности.

Неосновательное же и незаконное возбуждение уголовного преследования влечет отрицательные результаты: не только необоснованное опорочение лиц и незаконное лишение их свободы, но и дискредитирование следственных органов, потерю доверия и уважения к ним со стороны трудящихся.

Социалистическая законность, таким образом, определяя условия, характер и методы проведения уголовного преследования, является основным принципом, которым должны руководствоваться органы прокуратуры и следствия в своей работе.

<sup>1</sup> «Правда» 28 мая 1947 г.

Принцип законности в деятельности органов прокуратуры и следствия находится в тесной связи с принципом обеспечения права обвиняемого на защиту. Соблюдение этих принципов является необходимым условием для установления истины по делу и, следовательно, для наиболее успешного, т. е. объективного, полного, быстрого, раскрытия преступления и изобличения подлинного преступника. Указанные требования, предъявляемые к предварительному расследованию, находят свое четкое выражение в статьях уголовно-процессуальных кодексов РСФСР и других союзных республик (ст. ст. 111, 114, 128 — 129, 135, 136, 169, 171, 174, 206, 212 и др. УПК РСФСР).

Направленность советского предварительного расследования на выяснение истины по делу, проведение законности в действиях работников следствия, обеспечение гарантированных уголовно-процессуальным законом прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности, свидетельствуют о подлинном демократизме советского уголовного процесса, коренным образом отличающегося от буржуазного уголовного процесса, являющегося послушным орудием в руках правящей буржуазии, призванного служить целям упрочения и усиления эксплуатации трудящихся. Провозглашенные в буржуазных конституциях и кодексах внешне демократические формы давно выброшены за борт.

Для советских прокуроров и следователей соблюдение социалистической законности является непреложным законом.

Прокуроры и следователи всегда должны помнить, что они — слуги народа.

В статье «Социалистическая законность на страже интересов народа», помещенной в журнале «Коммунист» (1953 г. № 6), указывается: «Каждый гражданин СССР, а тем более каждое должностное лицо Советского государства обязаны соблюдать Конституцию, строго и точно исполнять законы. Работники нашего государственного аппарата — слуги народа, и вся их деятельность должна протекать под бдительным контролем руководящих органов и всего советского общества. Этому всегда требовали и требуют Коммунистическая партия и Советское правительство, со всей решительностью пресекая нарушения советской социалистической законности».

Факты нарушения социалистической законности свидетельствуют о том, что есть еще отдельные прокуроры и следователи, которые не прониклись глубоким сознанием необходимости строгого соблюдения советских законов, которые нарушают требования процессуального закона об объективности, полноте и скорости расследования по уголовным делам, что иногда приводит к неосновательному привлечению к уголовной ответственности граждан и к грубому нарушению их прав.

Привлечение к уголовной ответственности граждан строго обусловлено советским законом. Ни один гражданин не может быть привлечен к уголовной ответственности без достаточных к тому оснований. В силу ст. ст. 128 и 129 УПК РСФСР (и соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик) следователь может предъявить определенному лицу обвинение в совершении преступления лишь при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления такого обвинения; следователь обязан при этом составить мотивированное постановление и указать в нем основания привлечения данного лица в качестве обвиняемого. Знать, в чем конкретно состоит обвинение, является правом обвиняемого (ст. 135 УПК РСФСР). Обвиняемый имеет право давать объяснения по существу предъявленного ему обвинения, выдвигая доводы и соображения в свою защиту. Это право обвиняемого

осуществляется им при допросе его следователем, которого закон обязывает допрашивать в рамках, установленных им, запрещая ему домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер (ст. 136 УПК РСФСР). Это требование закона обусловлено занимаемым в советском обществе положением личности и определяет ее положение в советском уголовном процессе.

Всякое принуждение как обвиняемого, так и свидетеля к показаниям путем применения незаконных мер преследуется в уголовном порядке (ст. 115, ч. 2, УК РСФСР). Применение незаконных методов ведения следствия, в частности допроса, наносит тяжелый ущерб интересам социалистического правосудия. Несоблюдение этих требований, их игнорирование является грубейшим нарушением социалистической законности и гарантированных ею прав советских граждан.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что отдельные следователи допускали подобные нарушения требований закона, позволяя себе недобросовестно относиться к своему служебному долгу.

Так, грубейшие нарушения требований закона об обоснованности привлечения к уголовной ответственности граждан были допущены прокурором Абдулинского района Чкаловской области Демидовым и следователем того же района Морозовым, ныне уволенными из органов прокуратуры. Ими неосновательно был привлечен к уголовной ответственности за якобы совершенное им убийство агронома Коробова и арестован гр-н Кобзев.

Установив из показаний одного из свидетелей, что между Коробовым и Кобзевым были неприязненные отношения из-за гр-ки Г., за которой они оба ухаживали, и исходя из факта обнаружения трупа Коробова в 18 шагах от дома, где ночевал Кобзев, следователь Морозов счел эти обстоятельства вполне достаточными для того, чтобы привлечь Кобзева к уголовной ответственности по обвинению его в убийстве Коробова, а прокурор Демидов — для того, чтобы санкционировать арест Кобзева. Не собрав по делу никаких доказательств, которые изобличали бы Кобзева в совершении преступления, следователь Морозов тем не менее вынес необоснованное постановление о привлечении Кобзева в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что он неоднократно вступал в драки с Коробовым, угрожая ему убийством и захватом его имущества, и 9 апреля, находясь в нетрезвом виде, с корыстной целью убил Коробова.

Это обвинение было необоснованным, оно противоречило собранному в процессе расследования материалам, которые свидетельствовали о невинности Кобзева. Привлекая Кобзева к уголовной ответственности, следователь Морозов пренебрег принципом объективности следствия; он игнорировал ряд фактов, установленных в процессе расследования, тщательная проверка которых помогла бы выявить действительных убийц агронома Коробова и мотивы этого убийства.

При осмотре места происшествия и трупа было установлено, что Коробов был убит около дома Юдиной, а затем перенесен на 300 метров в сторону от ее дома и положен в 18 шагах от дома, где ночевал Кобзев. Об этом свидетельствовало обнаружение следов крови у дома Юдиной и отсутствие таких следов на месте обнаружения трупа. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что эта кровь принадлежит человеку. Этим фактам следователь не придал должного значения. В процессе расследования были установлены и другие факты, требующие тщательной проверки, но не проверенные следователем.

Так, располагая сведениями, что агроном Коробов неоднократно выступал на колхозных собраниях и приводил факты расхищения кол-

хоз  
лен  
ной  
Юд  
ски  
чен  
рал  
пр  
де.

Ко  
ва  
пр  
Кс

до  
но  
не  
те.  
де  
эт  
зо  
до

ма  
о  
де  
не  
не  
Рс  
св  
те  
ль

щ  
ви  
14

на  
ко  
П  
ст  
те  
но  
с  
л  
(  
б  
с  
о  
т  
Д  
а

н

хозного зерна и что по его сигналам ревизией в колхозе была установлена недостача большого количества семенной пшеницы, а также установив, что счетовод колхоза Золин, налоговый агент сельского совета Юдин, кладовщица колхоза Юдина и ревизор Ямалетдинов систематически вместе пьянствовали, следователь прошел мимо этих фактов. В течение нескольких дней он закончил расследование по делу. Прокурор района Демидов, несмотря на явную недоброкачественность и неполноту проведенного следствия, утвердил обвинительное заключение и направил дело в суд.

При рассмотрении этого дела в суде несостоятельность обвинения Кобзева выяснилась. Факты, мимо которых так беспечно прошел следователь Морозов, обратили на себя внимание суда и не без основания привели его к предположению, что преступление было совершено не Кобзевым, а Золиным и Юдиным.

Кобзев был освобожден из-под стражи, и дело было возвращено на доследование для привлечения Золина и Юдина к уголовной ответственности. Однако результат первоначального следствия по делу ничему не научил следователя Морозова. Допросив Золина, Юдина и ряд свидетелей, следователь ничего нового не установил и, заведя следствие по делу в тупик, прекратил его. При проверке обоснованности прекращения этого дела вышестоящим прокурором постановление следователя Морозова было отменено и дело передано для расследования другому следователю.

Новым расследованием было установлено, что Золин и Юдин систематически расхищали колхозное зерно, а ревизор Ямалетдинов, зная о крупных хищениях в колхозе и недостаче зерна, скрывал преступную деятельность расхитителей, будучи их собутыльником. Агроном Коробов неоднократно сообщал о преступной деятельности этой шайки в районный отдел сельского хозяйства и разоблачал ее на колхозных собраниях. Решив отомстить Коробову за разоблачения и избавиться от него как свидетеля их преступлений, Золин и Юдин убили его. Все это было подтверждено материалами предварительного и судебного следствия. Подлинными преступниками были осуждены и понесли заслуженное наказание.

Необоснованное привлечение к уголовной ответственности и запрещенные законом методы расследования были допущены по делу по обвинению гр-н Ханина и Бедюка в преступлении, предусмотренном ст. ст. 142, ч. 1, и 74, ч. 2, УК РСФСР.

Основными доказательствами по этому делу, избличавшими Ханина и Бедюка в нанесении из хулиганских побуждений тяжких телесных повреждений потерпевшему, служили факты опознания их свидетелями Подзноевым и Лежневой. На основании этих показаний Ханин был арестован. Но, как выяснилось в дальнейшем, и Ханин и Бедюк неосновательно подверглись уголовному преследованию. Причем неосновательность эта была очевидна с самого начала расследования, ибо наряду с показаниями указанных свидетелей в деле имелись показания других лиц о том, что Ханин и Бедюк в ночь, когда совершилось преступление (с 11 на 12 июля 1952 г.), находились не в Николаевске-на-Амуре, где было совершено преступление, а в другом месте. Об этом же свидетельствовала выписка из вахтенного журнала катера, на котором служили обвиняемые. Несмотря на такие противоречия, которые настоятельно требовали их проверки и разрешения, заместитель прокурора Нижне-Амурской области Хабаровского края т. Селиверстов санкционировал арест Ханина.

На явную неполноту произведенного расследования и недостаточность собранных по делу доказательств обратил внимание лишь выше-

стоящий прокурор, проверявший дело, в связи с чем им было дано указание произвести следствие и проверить все доказательства по делу. Во время следствия было установлено, что катер, на котором служили Ханин и Бедюк, в ночь с 11 на 12 июля находился не в Николаевске-на-Амуре, а у районного центра Тахты и прибыл в Николаевск только 12 июля утром, примерно через восемь часов после того, как было совершено преступление; Ханин и Бедюк безотлучно находились на катере. Это было подтверждено свидетелями Мироновым и Малыгиным, в ночь с 11 на 12 июля безотлучно находившимися на катере. В результате дополнительного расследования было также установлено, что доказательства, на которых было построено обвинение против Ханина и Бедюка, оказались фальсифицированными, ибо свидетели Подзноев и Лежнева, якобы опознавшие Ханина и Бедюка, фактически их не опознали. Свидетель Подзноев заявил при его допросе, что Ханина он не опознавал, а указал на него как на участника нападения под влиянием работников милиции, объяснявших ему, что это нужно для раскрытия преступления. Лежнева также не опознала Бедюка как участника нападения, а лишь высказала предположение, что, возможно, Бедюк и совершил нападение, так как он имеет некоторое сходство с одним из лиц, принимавших участие в нападении.

Таким образом, в результате всестороннего и объективного исследования обстоятельств этого дела выявилась вся несостоятельность и незаконность первоначально предъявленного Ханину и Бедюку обвинения. Дело в отношении их было производством прекращено. Ханин освобожден из-под стражи, а лица, допустившие неправильное ведение следствия и нарушения закона, были наказаны.

К нарушениям законности при расследовании по делу может привести необъективность, предвзятость следователя.

Примером такой необъективности, предвзятости, приведшими к тяжелой судебной ошибке, может служить расследование, произведенное народным следователем Мулачем по делу Самуся, обвинявшегося в убийстве Кононенко. Самусь оказался привлеченным к уголовной ответственности и осужден за преступление, которое в действительности не было совершено. Это случилось потому, что следователь Мулач произвел расследование по этому делу с грубым нарушением требований ст. 112 УПК РСФСР, обязывающих следователя производить расследование наиболее полно и всесторонне.

Прямых доказательств, уличающих Самуся в убийстве, не было. Это обязывало следователя особенно осторожно и вдумчиво подойти к оценке имеющихся косвенных доказательств, которые могут иметь большую доказательственную силу лишь во всей своей совокупности тогда, когда они составляют неразрывную цепь, исключающую возможность иного объяснения фактов.

Приступив к расследованию по делу, следователь на протяжении всего расследования придерживался лишь одной версии, казавшейся ему абсолютно правильной, и не пытался выдвинуть и проверить иные версии, хотя объективность и полнота расследования по делам, где обвинение обосновывается лишь косвенными уликами, обеспечиваются лишь тогда, когда следователь рассмотрит и проверит все возможные при данных обстоятельствах версии совершения преступления и оставит только ту, которая подтверждается собранными уликами.

Обвинение Самуся было основано лишь на предположении самого следователя. Ведь нельзя же принимать серьезно за доказательства такие факты, которыми следователь обосновал выдвинутую им версию, как

факт знакомства Самуся с Кононенко, ссоры между ними и угрозы в адрес Кононенко со стороны Самуся на почве ревности, упорное желание Самуся устроиться на работе там, где работала Кононенко. Эти факты явились достаточными, по мнению следователя, доказательствами для обоснования его предположения, что убийство совершил Самусь. Иных доказательств следователь не искал. Проводя расследование односторонне, он не проявил инициативы и настойчивости в поисках орудий совершения преступления, а из материалов дела видно, что убийство было совершено выстрелом из огнестрельного оружия и путем нанесения ударов по голове каким-то тупым предметом. Он искал и отбирал только те доказательства, которые подтверждали лишь избранную им версию, не замечая, а в ряде случаев игнорируя другие факты, которые имели важное значение для дела и при должной проверке помогли бы установить истину.

Следователь Мулач некритически оценил «опознание» рядом лиц предъявленного им трупа. Факт правильности опознания этими лицами должен был бы вызвать сомнение, потому что никто из них не был предварительно допрошен о приметах Кононенко. Труп был предъявлен для опознания в том виде, как был обнаружен, т. е. с разможенной головой и кровоподтеками на лице; предъявление трупа в таком виде создавало опасность ложного его опознания, так как внешне облик трупа был искажен и лица, опознающие его, находясь под влиянием известных событий, связанных с этим делом, легко могли ошибиться, полагая, что убитой является Кононенко. Не придав значения следователь и тому обстоятельству, что при предъявлении для опознания трупа Самусю последний заявил, что у Кононенко были очень характерные приметы: на лице ее имелись многочисленные следы от перенесенного заболевания оспой (рябины) и волосы были длинные. Этим же примет предъявленный для опознания труп не имел: кожа на лице была гладкой и волосы короткие. Самусь высказал сомнение в том, что предъявленный ему труп — это труп Кононенко. Но следователь, не желая отказаться от своего предположения, что убитая именно Кононенко, заявил ему, что рябины могли «сойти» и поэтому лицо стало «чистым», а волосы стали короткими потому, что Кононенко били по голове и тянули за волосы, когда убивали. Навязав, таким образом, свое мнение обвиняемому, следователь внушил ему, что обнаруженный труп — это труп Кононенко, с чем Самусь и согласился.

Неполно и односторонне расследованное дело было направлено в суд, который также не дал должной оценки собранным предварительным следствием доказательствам. Самусь был осужден за убийство.

А спустя некоторое время выяснилось, что Кононенко никто не убивал, что она жива и проживает в другой местности. В связи с этими обстоятельствами приговор по этому делу был отменен по протесту прокурора Украинской ССР, и судебная ошибка была исправлена.

Этой ошибки могло бы и не быть, если бы следователь проявил объективность и производил расследование так, как этого требует советский закон.

Существенным правом обвиняемого в советском уголовном процессе является его право заявлять на протяжении всего следствия различного рода ходатайства, знакомиться после окончания предварительного расследования со всеми материалами, собранными по делу, и ходатайствовать о дополнительных следственных действиях по истребованию, приобщению и проверке доказательств, подтверждающих его невиновность или смягчающих его вину (ст. 206 УПК РСФСР).

Лишение обвиняемого возможности ознакомиться с доказательствами, собранными предварительным расследованием по делу, когда следствие закончено, является нарушением права обвиняемого на защиту в стадии предварительного расследования.

Подобные нарушения законности иногда имеют место. Так, по делу Галактионова и других следователь грубо нарушил требования ст. 206 УПК РСФСР, переложив свою обязанность по ознакомлению обвиняемого с материалами дела на экспертов, проводивших по данному делу техническую и бухгалтерскую экспертизы. Обвиняемый Галактионов просил подробнее ознакомить его с материалами дела, хотя бы в присутствии секретаря прокуратуры, а не эксперта, но в этом ходатайстве следователь безмотивно ему отказал. Вследствие нарушения ст. 206 УПК дело было возвращено Водно-транспортной коллегией Верховного суда СССР на доследование<sup>1</sup>.

К отрицательным, иногда к тяжелым последствиям приводит затяжка расследования по уголовным делам. Длительное расследование, приводящее подчас к волоките, является также нарушением закона, которым установлены сроки расследования дел. Подобного рода нарушения закона, как правило, есть результат отсутствия плановости, неорганизованности в работе следователя. Длительный перерыв между отдельными следственными действиями, отсутствие должной подготовки материалов для проведения экспертиз и несвоевременное их назначение, отсутствие оперативности и инициативы при производстве обысков и розыска — все это снижает качество расследования, приводит к тому, что в конечном итоге доказательства, имеющие значение для установления факта совершения преступления и лица, совершившего его, утрачиваются либо теряют свою убедительность и остроту. Быстрота, оперативность и полнота следствия является необходимым условием успешной борьбы с преступлениями, с одной стороны, и гарантией обеспечения прав привлеченного к уголовной ответственности, с другой стороны.

Каждый прокурор, каждый следователь должны проникнуться глубоким сознанием исключительной ответственности за соблюдение советской социалистической законности, за твердое и неуклонное проведение ее в жизнь.

Ведя непримиримую борьбу с нарушителями советской социалистической законности, привлекая к уголовной ответственности тех, кто ее нарушает, бдительно охраняя интересы Советского государства и советских граждан, неуклонно соблюдая все требования советской законности в своей деятельности, органы прокуратуры и следствия вносят свой вклад в дело дальнейшего укрепления советской социалистической законности.

<sup>1</sup> «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 27—28.



ни  
ти  
ски  
ос  
  
пе  
би  
чл  
сп  
зс  
ст  
пр  
гс  
  
па  
на  
ни  
ти  
зс  
ус  
  
ш  
ту  
ва  
д:  
с:  
  
с:  
с:  
не  
  
п  
з  
и  
и  
г  
  
о:  
ч  
к  
р  
с  
г  
н  
с

## ВАЖНАЯ ЗАДАЧА

*С. Бордонов*

Вся деятельность нашей партии подчинена великой цели — построению коммунизма в СССР. Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» ярким светом марксизма-ленинизма осветили дальнейший путь советского народа.

Товарищ Сталин, формулируя основные предварительные условия перехода к коммунизму в нашей стране, указал на необходимость: «...добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии».

Исходя из этих исторических указаний товарища Сталина, XIX съезд партии в своих директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. предусмотрел дальнейшее развитие заочных и вечерних высших и средних специальных учебных заведений. XIX съезд партии поднимает на новую, высшую ступень всю систему заочного образования в СССР, ставит перед ней задачи, вытекающие из современных условий.

Только в стране, идущей к вершинам коммунизма, возможна столь широкая и последовательная государственная забота о поднятии культурного уровня широких масс трудящихся. В этом, в частности, сказывается принципиальное отличие нашего советского общественного и государственного строя от режимов, существующих в капиталистических странах.

Юридическое образование в нашей стране служит благородным, светлым целям коммунистического строительства. Советская юридическая наука — важная отрасль человеческих знаний, содействует выполнению задач, стоящих перед советским народом.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза придает большое значение дальнейшему развитию юридического образования. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. об улучшении и расширении юридического образования в стране содержит программу и определяет пути, раскрывает формы и методы улучшения юридического образования.

Заочное юридическое образование является серьезным средством осуществления политики партии в области повышения идейно-теоретического уровня работников социалистического правосудия. В заочных юридических учебных заведениях обучается значительное количество работников органов юстиции и суда. Там, где министерства юстиции союзных республик проявляют должную заботу об идейно-теоретическом росте работников, достигнуты положительные результаты. Так совсем недавно успешно окончили юридические институты заместитель Министра юстиции Украинской ССР т. Шиков, Министр юстиции Татарской

АССР т. Нацibuллин, начальник управления юстиции по Свердловской области т. Куксов, председатель Челябинского областного суда т. Коло- тыгин, заместитель Министра юстиции Марийской АССР т. Вязников и др. Хорошо и отлично учатся многие народные судьи в Татарской АССР, Удмуртской АССР и других областях, краях и республиках.

Наряду с этим есть руководящие работники юстиции, которые пока- зывают дурной пример. Вот, например, начальник управления юстиции по Тюменской области т. Подколызин не выполнял учебного плана и да- же не выезжал на очередные учебные сессии, за что исключен из инсти- тута. Отстают в учебе члены Верховного суда Армянской ССР т.т. Мхи- тарян и Бакоев.

Успешно учатся заочники органов юстиции Белорусской ССР, абсо- лютное большинство которых выполняет учебные планы: Впереди по успеваемости идут заочники органов юстиции и суда Литовской ССР и Украинской ССР. Хуже с выполнением учебных планов у заочников органов юстиции и суда Азербайджанской ССР и Таджикской ССР. Поч- ти одна треть заочников этих республик имеет академическую задолжен- ность. Плохо выполняют учебные планы многие заочники из числа ра- ботников органов юстиции и суда Эстонской, Латвийской, Туркменской и Узбекской союзных республик.

За последнее время несколько повысилось внимание министерств юстиции союзных республик к заочному юридическому образованию. Однако это внимание нередко проявляется в довольно общей форме, в то время как важное значение имеет разработка организационных мер, на- правленных к улучшению заочного юридического образования.

Всем известно, что элементарным началом, организующим труд за- очника, является индивидуальный план. Между тем, как показали про- верки, Министерство юстиции РСФСР не обращает должного внимания на эту сторону дела. В результате во многих областях (Молотовской, Архангельской, Сталинградской и др.) заочники не имеют индивидуаль- ных учебных планов. Более того, методисты-консультанты управления юстиции не оказывают должной помощи заочникам в составлении этих планов. То же самое можно сказать и по поводу выполнения заочниками письменных работ.

Несомненно, что самостоятельное творческое выполнение заочника- ми письменных работ в значительной мере решает успех дела. Несмотря на большое значение этой работы Министерство юстиции Узбекской ССР, например, не уделяет ей должного внимания. Результаты не замедлили сказаться: многие заочники срывают выполнение письменных работ; лишь в немногих случаях консультанты-методисты советуют заочнику, как организовать и лучше выполнить письменные работы.

Факты показывают, что рассмотрение на заседаниях коллегий мини- стерств юстиции союзных и автономных республик и специальных сове- щаниях докладов о ходе учебы заочников имеет весьма положительное значение. Здесь вскрывается, насколько энергично работает сам заочник, и в то же время выясняются недостатки в работе органов юстиции, обя- занных ему помочь. Министерство юстиции Эстонской ССР почему-то пренебрегает этой организационной формой воздействия на ход заочного образования работников; доклады многих заочников, которые отстают в учебе, на заседаниях коллегии Министерства не рассматриваются.

Неоднократно уже отмечалось, что производимые на местах реви- зии органов юстиции и судов надлежит использовать как средство улуч- шения заочного образования. За последнее время в актах ревизии мини- стерств юстиции союзных республик можно найти указания по поводу

тог  
как  
все  
тич  
и с  
в п  
вил  
скс  
не  
риа  
и J

упр  
Им  
зн:  
сес  
юс  
зав  
ск:  
ни  
са:  
оче  
вы  
по  
на  
вь

до  
кс  
ск  
зу  
ск

на  
не  
за  
к:  
ва  
н:  
та  
за

н  
ф  
ис  
в  
к  
н  
Л  
н  
Е  
к  
и  
д  
Е

того, сколько людей учится заочно, как они выполняют учебные планы, какие оценки получают заочники. Но до сих пор во время ревизии не всегда выясняется и не показывается, как плохая учеба заочника, теоретическая его неподготовленность отрицательно сказывается на уровне и содержании его служебной деятельности. Основное зло заключается в примитивном подходе к выяснению последствий, вытекающих из неправильного отношения работника к повышению своего идейно-теоретического уровня. Материалы ревизии иногда не убеждают, не воспитывают, не вызывают желаемых результатов. Такие недостатки отмечены в материалах ревизий, произведенных министерствами юстиции Казахской и Латвийской ССР.

Важное значение имеет постоянная связь министерств юстиции и их управлений с учебными заведениями, в которых занимаются работники. Имея постоянную связь с учебными заведениями, органы юстиции всегда знают, какой работник отстает в учебе, во-время не прибыл на учебную сессию, раньше срока уехал с сессии и т. д. Например, Министерство юстиции Эстонской ССР устранилось от постоянной связи с учебными заведениями, лишает себя ценной информации и, следовательно, упускает возможность оперативно воздействовать на ход учебы своих работников. Уместно указать и на то, что еще не изжиты и такие факты, когда сами министерства и управления юстиции не отпускают заочников на очередные учебные сессии и, таким образом, тормозят своевременное выполнение заочниками учебных планов. Ту же неблагоприятную роль выполняют и те управления юстиции, которые не заботятся об обеспечении народных судей заместителями, из-за чего многие народные судьи не выезжают на сессии.

Министерства юстиции Узбекской и Казахской ССР не придают должного значения проведению соответствующих консультаций заочников в межсессионный период. Консультации имеют не только методическое значение, но в известной степени с помощью консультации организуется и направляется труд заочника. Эти ошибки, в частности, допускаются Министерством юстиции Мордовской АССР.

В истекшем году отмечены многочисленные факты неявки заочников на учебно-экзаменационные сессии без уважительных причин, однако дисциплинированность заочников в ряде случаев оставалась безнаказанной. Обязанность министерств юстиции и управлений юстиции—после каждой сессии устанавливать, сколько заочников должно было участвовать на сессии, сколько фактически участвовало, и разобраться в причинах неявки на сессию каждого заочника. Если бы всегда существовала такая система проверки, то можно с уверенностью сказать, что неявка заочника на сессию была бы крайне редким явлением.

Много недостатков имеется и в работе заочных юридических учебных заведений. Плохо еще организуется учебный процесс. В Московском филиале ВЮЗИ дело дошло до отмены некоторых сданных экзаменов из-за неправильной их организации. Отдельные учебные заведения не вызывали заочников на очередные учебно-экзаменационные сессии. Такие факты имели место в Ростовском филиале ВЮЗИ. Отмечены случаи несвоевременной рассылки программ для вступительных экзаменов. Места не обеспечивались учебными программами и контрольными заданиями. Эти ошибки допустили Куйбышевский и Казанский филиалы ВЮЗИ. Преподаватели Ашхабадского филиала ВЮЗИ допускали волокиту с рецензированием письменных работ. Большинство филиалов ВЮЗИ и заочных отделений юридических институтов и факультетов не проводит надлежащей работы по оказанию заочникам методической помощи в межсессионный период, ссылаясь на отсутствие средств.

Серьезные недостатки имеются в работе управления учебными заведениями Министерства юстиции СССР по заочному образованию; управление еще слабо контролирует эту работу местных органов юстиции; в юридических школах Министерства юстиции СССР учится большой отряд практических работников юстиции, но школы не обращают должного внимания на подтягивание лиц, отстающих в учебе.

Органы юстиции не могут снять с себя ответственность за недостатки в работе заочных юридических учебных заведений, обязаны со всей решительностью реагировать на отрицательные стороны в деятельности учебных заведений.

Советский народ с большим воодушевлением встретил решения сессии Верховного Совета, направленные к дальнейшему улучшению руководства государственной и хозяйственной деятельностью. Эти решения повысят уровень хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной роли всех органов социалистического государства. Принятые за последнее время партией и правительством меры по реорганизации аппарата государственных учреждений предъявляют новые, еще более высокие требования к идейно-теоретическому росту работников, призванных решать более сложные задачи, вставшие в современных условиях.

Товарищ Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XIX съезде партии указал: «Все наши кадры, все без исключения, обязаны работать над повышением своего идеологического уровня, овладеть богатым политическим опытом партии, дабы не отставать от жизни и стоять на высоте задач партии». Эти указания имеют исключительно важное значение для работников советской юстиции, деятельность которых всецело направлена на дальнейшее укрепление социалистического государства — главного орудия построения коммунизма в СССР.

Министерства юстиции СССР, союзных и автономных республик должны максимально использовать все возможности, которые заложены в заочном юридическом образовании, для повышения юридической квалификации и идеологического уровня работников юстиции. Эту важную и ответственную задачу можно решить лишь в том случае, если будет создана в органах юстиции обстановка, подсказывающая каждому заочнику, что невыполнение своего долга по повышению квалификации и идеологического уровня неизбежно влечет за собой отставание в работе.

При организации руководства заочным образованием надо исходить из того неоспоримого обстоятельства, что подавляющее большинство работников желает повышать свои знания. Но для достижения поставленной цели им нужна помощь. Поэтому партийным и служебным долгом руководителей органов юстиции является чуткое и внимательное рассмотрение причин отставания в учебе каждого заочника. Тем из них, которые нуждаются в помощи, надо оказывать ее своевременно и квалифицированно.

Особенно полезно такое мероприятие, как подведение итогов очередных учебно-экзаменационных сессий заочников. Заслуживает поощрения оправдавшееся на практике рассмотрение на заседаниях коллегий министерств юстиции и на специальных совещаниях итогов учебно-экзаменационных сессий заочников; таким путем выясняются все стороны деятельности заочников и по выясненным результатам принимаются необходимые меры. В некоторых областях РСФСР и Украинской ССР после каждой сессии заочников проводятся конференции, на которых участвуют все заочники, сдавшие экзамены; на этих конференциях организуется обмен опытом.

Разумеется, повышение внимания к результатам сессии вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает внимательное, добросовестное, кро-

по  
во  
ст  
ус  
рс  
су  
та  
би  
  
р  
ни  
  
не  
не  
  
ку  
д  
па

потливое отношение к каждому заочнику в межсессионный период. Здесь возможны различные формы контроля и оказания помощи заочнику: составление индивидуальных планов, выбор темы контрольной работы, установление календарных сроков их выполнения и т. д. Большую роль в улучшении заочного образования должны сыграть консультанты-методисты управлений юстиции. Недопустимо, что консультанты нередко превращаются в статистиков, секретарей; они должны быть использованы по прямому назначению.

Задачи улучшения заочного юридического образования выдвигают ряд важных вопросов, над разрешением которых должны работать Министерство культуры СССР и Министерство юстиции СССР.

Нельзя терпеть такое положение, когда заочники не обеспечены необходимыми учебными пособиями. ВЮЗИ необходимо устранить этот недостаток.

Только совместными усилиями органов юстиции и Министерства культуры СССР можно будет решить задачу улучшения заочного юридического образования, вытекающую из решений XIX съезда нашей партии.



## РОЛЬ СОВЕТСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА В БОРЬБЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

*В. Ачаркан*

Одной из важнейших предпосылок для осуществления указанных товарищем Сталиным в гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» основных предварительных условий подготовки перехода от социализма к коммунизму является рост производительности труда.

В нашей стране рост и совершенствование социалистического производства происходит за счет внутренних накоплений, основой которых является подъем производительности труда. Только при условии подъема производительности труда можно провести серьезные изменения в нынешнем положении труда, сократить рабочий день, т. е. создать условия для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования.

В свою очередь рост общественного производства на базе высшей техники, сокращение рабочего времени и культурный рост общества являются важнейшими факторами дальнейшего роста производительности труда.

Максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей нашего общества осуществляется главным образом за счет подъема производительности труда, так как около трех четвертей всего прироста промышленной продукции в нашей стране производится за счет подъема производительности труда.

Преимущества социалистического строя создают благоприятные возможности для непрерывного роста производительности труда. Советский строй родил новые, не свойственные другим экономическим формациям факторы роста производительности труда, такие, как рост материального благосостояния и культурного уровня советского народа, заинтересованность трудящихся в развитии и совершенствовании социалистического производства, сознательное отношение к труду, плановая организация труда.

Но возможности, как известно, не претворяются в действительность самотеком. Для осуществления и полного использования возможностей, предоставленных советским общественным строем для роста производительности труда, необходима организующая и направляющая сила партии, активная роль Советского государства, повседневное и систематическое участие профсоюзов в укреплении социалистической организации труда. Одним из важнейших средств, при помощи которого государство осуществляет возможности подъема производительности труда, содержащиеся в советском общественном строе, является советское трудовое право.

Советское трудовое право как часть надстройки оказывает непосредственное воздействие на экономические, организационные и моральные факторы роста производительности труда. На такие же факторы, как естественные условия труда, улучшение орудий производства, их применение, развитие естественных наук, право может оказывать воздействие не непосредственно, а через производственные отношения, так

К  
Н  
Э

Н  
И  
Л  
О  
К  
В  
З  
В  
К  
Т  
Л  
С  
Р  
Д  
Н

Я

О

Н  
В

П

С

К

П

С

Х

Р

С

Ч

Т

Н

М

Н

П

Т

И

М

Г

Т

Э

как надстройка выступает как мощный стимул подъема производительности труда, связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса.

Уровень материального благосостояния оказывает огромное влияние на производительность труда. В советском трудовом праве находит одно из своих выражений действие основного экономического закона социализма. При помощи советского трудового права государство использует основной экономический закон социализма в интересах строительства коммунизма, осуществляя контроль над мерой труда и потребления, ставит меру потребления через регулирование технического нормирования, заработной платы, социального страхования и других условий труда в прямую зависимость от меры труда, от его количества и качества. Известно, что уровень удовлетворения потребностей зависит от меры потребления, которая устанавливается государством в зависимости от количества и качества труда, его производительности. Трудовое право выступает как мощный стимул роста производительности труда, регулируя ряд важнейших мероприятий Советского государства, направленных на дальнейший подъем материального благосостояния и культурного уровня жизни народа.

Одним из факторов, определяющих рост производительности труда, является культурно-технический подъем. Современная техника требует от рабочего профессиональных навыков, глубоких и всесторонних знаний. Высокую производительность труда могут дать только кадры, в совершенстве овладевшие техникой. Квалификация рабочего влияет на производительность труда путем сокращения затрат рабочего времени на производство единицы изделия, уменьшения брака, предупреждения несчастных случаев. Трудовое право является одним из средств, при помощи которых Советское государство содействует культурно-техническому подъему трудящихся, способствует каждому гражданину развивать свои способности, обеспечивает рабочим и служащим свободное время, необходимое для всестороннего развития. Это достигается путем правового регулирования режима работы и отдыха, проведения в жизнь норм, создающих условия для производственной учебы, а также путем обеспечения использования трудящихся по специальности и квалификации, путем создания наиболее благоприятных условий для квалифицированного труда.

Основным показателем производительности труда считается отношение произведенной продукции к затраченному рабочему времени. Чем меньше рабочее время, затраченное на производство определенных предметов, тем выше производительность труда. Советское государство, устанавливая продолжительность рабочего дня, опирается на марксистское положение о взаимозависимости нормы рабочего времени и производительности труда. Маркс учит: «... рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда» (Капитал, т. I, стр. 46). Намеченное товарищем Сталиным сокращение рабочего времени Советское государство сможет осуществить только при условии роста производительности труда.

В нашей стране установлен самый короткий в мире рабочий день. Это само по себе является условием того, чтобы он был самым производительным. Трудовое право регулирует фонд рабочего времени, т. е. количество рабочих часов в день, месяц, год, что является важным фактором, определяющим сменную, месячную, годовую производительность труда. Советское трудовое право не допускает отступлений от установленной законом продолжительности рабочего дня как в сторону его увеличения, так и уменьшения. Сверхурочная работа может оказать пони-

жающее влияние на производительность труда как непосредственно в сверхурочные часы, так и в последующем. Сверхурочная работа мешает рабочему сочетать труд с учебой, тормозит его культурно-технический рост. Наше законодательство строго регламентирует случаи применения сверхурочных работ, устанавливает особый порядок их разрешения. Но на производительность труда оказывает влияние и главным образом степень его использования. Праву советского рабочего на самый короткий в мире рабочий день соответствует обязанность полного его использования. Советское трудовое право стимулирует наиболее полное использование рабочего времени, устанавливая оплату труда по количеству и качеству выработанной продукции, запрещая в рабочее время делать все, что непосредственно не относится к выполнению служебных обязанностей, регулируя вопросы перевода работников во время простоя и оплаты времени простоя. Прямо направлены на более полное использование рабочего времени результативные системы оплаты труда. Эта же идея лежит в основе законодательства об ограничении совместительства. Заинтересованность трудящихся в уплотненном использовании рабочего дня проявляется в различных формах соревнования. Многостаночная работа, совмещение профессий и другие формы борьбы за уплотнение рабочего дня, рожденные стахановским движением, были поддержаны и распространены государством и профсоюзами.

Стимулируя культурно-технический подъем, Советское государство создает наиболее благоприятные условия для квалифицированного труда. Государственное признание квалификации рабочего находит свое выражение в охране квалификации как личного права советского гражданина.

Защита квалификации состоит в том, что каждому рабочему предоставляется право требовать, во-первых, установления его квалификации, во-вторых, использования его по квалификации, в-третьих, осуществления его прав как квалифицированного рабочего.

Использование по специальности и квалификации дает работнику возможность максимально проявить свои способности. С народнохозяйственной точки зрения это дает возможность получить от работника максимум того, что он способен дать по своим личным качествам.

Так на основе сочетания личного и общественного интереса растет производительность труда.

Широкий размах производственной учебы, когда каждый год повышают свою квалификацию миллионы рабочих, делает в настоящее время актуальным вопрос о праве рабочего требовать, чтобы его использовали по фактической квалификации.

Использование работника не по квалификации противоречит правилам внутреннего трудового распорядка, коллективным договорам, в которых администрация обязывается использовать работников по квалификации. Этой обязанности администрации соответствует право работника требовать предоставления ему более квалифицированной работы при наличии такой работы. Если администрация отказывает ему в этом, работник может обратиться в РКК. На случай, если РКК найдет, что администрация не может удовлетворить требования работника, мы считаем целесообразным установить порядок, в силу которого при желании работника разрешалось бы ему расторгнуть трудовой договор при условии перехода на другое предприятие на более квалифицированную работу или администрация обязывалась бы ставить перед вышестоящей организацией вопрос о переводе такого работника в другое предприятие или учреждение, где он может быть использован по квалификации.

ва о  
зова  
ляет  
тия  
в за

во в  
рени  
изво  
стах  
ния  
рова  
ного

чих  
и пр  
пере  
долж  
со с  
обра  
осис  
рабо  
ност  
рабо  
кац

в со  
явля  
про

стра  
ский  
фор  
шен

пер  
при  
ден  
тод  
стра  
тру.

чес  
сод  
зав  
за

и д  
спс  
низ  
раб  
ван  
к о  
и д

3 с

Спорным представляется право трудящегося, получившего без отрыва от производства вторую специальность, требовать, чтобы его использовали по этой новой специальности. Решение этого вопроса представляется целесообразным оставить на усмотрение руководителя предприятия или учреждения, кроме случаев, прямо предусмотренных в законе.

Основные формы производственной учебы проводятся, как правило, во вне рабочее время, которым трудящийся располагает по своему усмотрению. Нельзя признать правильным установление обязательности производственного обучения в рабочее время даже в таких формах, как стахановские школы. Вопрос об обязательности производственного обучения нельзя решать в общей форме, к нему надо подходить дифференцированно, в зависимости от категорий работников и форм производственного обучения.

Правовое регулирование должно способствовать вовлечению рабочих в производственную учебу путем установления дополнительных прав и преимуществ для обучающихся и прошедших обучение, а не путем перевода нежелающих повышать квалификацию на нижеоплачиваемые должности, как практики незаконной. Если рабочий успешно справляется со своими производственными обязанностями, отсутствие определенного образования или нежелание повышать квалификацию не могут служить основанием для перевода на нижеоплачиваемую работу. Конечно, если работник не повышает квалификацию, это может привести к непригодности как основанию для перевода с его согласия на нижеоплачиваемую работу, но самый факт того, что работник не повышает свою квалификацию, таким основанием не является.

Новое отношение к труду, которое находит свое прямое выражение в социалистическом соревновании, в сознательной трудовой дисциплине, является невиданным в истории, коммунистическим методом подъема производительности труда.

В соответствии с хозяйственно-политическим положением внутри страны и международной обстановкой в каждый конкретный исторический период Советское государство искало и находило наиболее гибкие формы борьбы за укрепление трудовой дисциплины, определяло соотношение методов убеждения и принуждения в этой борьбе.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны, успехи первой послевоенной пятилетки, рост коммунистической сознательности привели к укреплению трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях. Это позволило государству шире применять разнообразные методы в воспитании трудовой дисциплины; усилилась роль администрации и общественных организаций в укреплении дисциплины труда.

Советское трудовое право воспитывает и культивирует коммунистическое отношение к труду путем регулирования различных мероприятий, содействующих развитию социалистического соревнования, устанавливая зависимость между количеством и качеством труда и вознаграждением за труд, укрепляя трудовую дисциплину.

Социалистическое соревнование — это почин масс. Но можно и должно требовать от руководителей введения организационных форм, способствующих распространению стахановского опыта, созданию организационно-технических и иных условий для усвоения этого опыта всеми рабочими. Руководители обязаны возглавлять социалистическое соревнование, обобщать и распространять стахановский опыт. Это относится к обязанностям руководителей от директора предприятия до мастера и десятника включительно. Закрепляются эти обязанности в приказах,

инструкциях, коллективных договорах. Рабочие имеют право требовать от администрации изучения, обобщения и распространения стахановского опыта, создания условий, благоприятных для развития соревнования; отстающие рабочие имеют право требовать, чтобы им помогли догнать передовиков; стахановцы имеют право требовать, чтобы их опыт распространялся, чтобы им предоставляли льготы и преимущества, установленные для передовиков производства. Администрация не может быть освобождена от обязанностей по созданию условий, благоприятных для развития соревнования.

Социалистическое соревнование и дисциплина труда развиваются на основе осознания трудящимся своей роли, своего места в производстве, понимания им своих общественных и личных интересов. Коммунистическое отношение к труду — основа социалистической дисциплины труда, целью которой является укрепить в каждом работнике сознательное отношение к труду, как к делу чести, славы, доблести и геройства. В настоящее время в понятие соблюдения дисциплины труда входит проявление инициативы, постоянное совершенствование в своей специальности, улучшение использования оборудования, перевыполнение установленных норм выработки, т. е. те элементы, в которых проявляется социалистическое соревнование.

Основные обязанности рабочих и служащих и администрации, последствия их нарушения предусматриваются в правилах внутреннего трудового распорядка. Правила внутреннего трудового распорядка обеспечивают нормальный ход работы, ликвидацию обезлички, повышение производительности труда. Это прямо указано в правилах и вытекает из круга регулируемых ими вопросов, направления регулирования.

При обезличке, при отсутствии четкого внутреннего трудового распорядка никакие мероприятия по повышению производительности труда не могут дать должного эффекта. Товарищ Сталин учит, что результатом обезлички является отсутствие стимула к поднятию производительности труда<sup>1</sup>. Важным стимулом высокой производительности труда является широкая система поощрений и награждений. Руководители предприятий и учреждений обязаны систематически поощрять добросовестную работу трудящихся, ориентировать их на передовую часть; активно бороться против нарушителей трудовой дисциплины. Широкая практика поощрений является в настоящее время одним из условий укрепления дисциплины и на этой основе роста производительности труда. Видя, что труд их высоко оценивается, люди стараются работать еще лучше. Морально-политическое единство нашего общества придает огромную силу поощрению. Поощрение работника администрацией означает, что его поощряет все общество, интересы которого на предприятии выражает администрация и коллектив работников.

Плановая подготовка, распределение и перераспределение кадров рабочих и специалистов, основанные на законе планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, позволяют обеспечивать кадрами прежде всего ведущие отрасли производства, развитие которых определяет подъем всего народного хозяйства, своевременно устранять несоответствие, возникающее временами между географическим размещением трудовых ресурсов и размещением промышленности, особенно в связи с появлением новых районов промышленного, железнодорожного и гидротехнического строительства. Распределяя и перераспределяя кадры рабочих и специалистов, устраняя указанные несоответствия, социа-

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 62.

Л  
Н  
Н  
К  
К  
Ч  
И  
В  
Ц  
Б  
С  
Н  
Л  
Ч  
К  
П  
И  
Д  
У  
К  
П  
К  
Э  
Т  
О  
П  
Н  
Д  
Д  
У  
Н  
Т  
В  
Д  
Ч  
Ц  
П  
С  
Ц  
К  
Т  
И  
П  
Б  
К  
М  
Т  
С  
З  
Т  
З

листическое государство обеспечивает наиболее правильное использование трудовых ресурсов и тем самым способствует росту производительности труда.

Осуществляемые в СССР правовые мероприятия по распределению кадров можно обобщить в виде следующей схемы: а) распределение кадров, образующих государственный резерв квалифицированной рабочей силы и специалистов; б) распределение части сельского населения и незанятого городского населения по срочным трудовым договорам; в) распределение наличных кадров квалифицированных рабочих и специалистов внутри отраслей народного хозяйства; г) распределение работников, высвобождающихся в связи с совершенствованием административно-управленческого аппарата; д) межотраслевое распределение наличной рабочей силы и специалистов путем дифференцированного регулирования условий труда.

В отчетном докладе XIX съезду партии товарищ Маленков отметил, что текучесть до сих пор наносит еще большой ущерб производству. Такие последствия текучести, как нехватка на предприятиях рабочей силы, производственный травматизм, рассеивание производственного опыта и навыков к труду, распад производственных бригад, снижают производительность труда. Новые рабочие, которые принимаются для замены ушедших, нередко дают в первое время более низкую выработку, чем кадровые. Для создания постоянных кадров в советском трудовом праве последовательно осуществляется принцип: чем длительнее связь работника с предприятием, тем больше преимуществ предоставляется работнику. Это выражается в правовом регулировании заработной платы, мероприятий, проводимых в порядке социального страхования, в награждении орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу и др.

Особое внимание уделяется закреплению на производстве решающих кадров в ведущих отраслях народного хозяйства в отдаленных местностях. Для борьбы с текучестью и повышения производительности труда огромное значение имеет создание благоприятных бытовых условий для рабочих и служащих, в частности жилищных. В ряде случаев закон устанавливает право на жилую площадь в связи с трудовым отношением. В этих случаях с возникновением, изменением и прекращением трудового правоотношения возникает, изменяется или прекращается право на жилую площадь.

Задачам борьбы с текучестью служит установленный нашим законодательством порядок ухода с предприятий и учреждений, ограничение права администрации увольнять работников по своей инициативе строго установленными в законе случаями. При увольнении по пп. «а», «в», «г» ст. 47 Кодекса законов о труде и соответствующих статей кодексов законов о труде других союзных республик администрация осуществляет отбор лучших в производственном отношении работников, способных обеспечить надлежащий уровень производительности труда. Право увольнения по пп. «д», «ж» ст. 47 Кодекса законов о труде и соответствующих статей кодексов законов о труде других союзных республик связано с созданием постоянных кадров. Предприятие должно быть обеспечено постоянными работниками. Прием временных работников обычно не благоприятствует росту производительности труда, к тому же не всегда можно таких работников найти. Кроме того, законодательство о временных работниках ограничивает применение их труда сроком, в течение которого за временно отсутствующим работником на законном основании сохраняется его должность.

Определяя условия, необходимые для выполнения задач пятого пятилетнего плана, директивы XIX съезда партии требуют обеспечить

дальнейшее улучшение охраны труда в промышленных предприятиях.

Советское трудовое право является важнейшим фактором охраны труда. Эту свою роль оно осуществляет путем регулирования продолжительности и порядка чередования времени труда и отдыха, путем обеспечения технически безопасных и гигиенических условий труда, путем обеспечения надзора за соблюдением законодательства об охране труда. Гарантируя трудящемуся технически безопасные и благоприятные для здоровья условия труда, охраняя его от утомления и обеспечивая нормальное восстановление сил, советское трудовое право создает условия, благоприятные для роста производительности труда.

В нашей стране организация режима труда и отдыха построена на строго научной основе. В течение рабочего дня производительность труда возрастает с каждым часом, но до известного предела, по достижении которого она снова начинает падать. В это время закон и устанавливает перерыв, уничтожающий утомляемость и повышающий на этой основе последующую производительность труда. Правовое регулирование графика сменности, обеспечивающего регулярные, ежедневные, еженедельные перерывы, а также правовое регулирование отпуска, непосредственно оказывает влияние на производительность труда.

Советское государство всегда рассматривало улучшение условий труда как условие его производительности и решительно пресекало попытки отдельных хозяйственников добиваться повышения производительности труда в ущерб интересам охраны труда. Большинство правил, инструкций по охране труда и технике безопасности утверждаются органами государства и приобретают тем самым правовой характер. Правовой характер этих норм свидетельствует о том, какое значение придает государство оздоровлению и охране труда. Эффективность выполнения этих правил должна оцениваться не только по снижению числа и тяжести несчастных случаев, сокращению заболеваемости, повышению работоспособности, но и по непосредственному влиянию их на производительность труда. Сознание рабочим того, что он работает на агрегате, где соблюдены все требования техники безопасности, дает ему возможность полностью отдаться работе. Рабочий избавляется от необходимости следить за безопасностью своих движений. Он может все внимание отдать производству, работать увереннее, быстрее. В деятельности органов надзора за охраной труда проявляется активная роль Советского государства, направленная на изменение окружающей среды в целях охраны и укрепления здоровья трудящихся, чтобы создать им условия, благоприятные для труда. Перестройка внешней среды в интересах охраны здоровья трудящегося повышает его работоспособность, обеспечивает обстановку, благоприятную для роста производительности труда.

Роль советских профессиональных союзов в борьбе за повышение производительности труда все время возрастает. Организуя социалистическое соревнование, борясь за укрепление дисциплины труда, осуществляя государственное социальное страхование и контроль над соблюдением трудового законодательства, заключая коллективные договоры и добиваясь выполнения условий коллективных договоров, советские профсоюзы оказывают действенное влияние на рост производительности труда.

ресо  
сокр  
лам  
из-з  
счет  
шен  
ных

но 1  
прес  
стве  
стег  
стве  
ност  
щес  
как

успе  
кур  
пра  
лам  
сро  
иму

тол  
но 1  
шег  
для  
этой  
гор  
неп  
доп  
мен  
ные  
буж  
и с

при  
дел  
ост  
25  
не  
на,  
пре

## РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Е. Долицкий*

Задачи советских органов расследования, стоящих на страже интересов государства и законных прав граждан, обязывают их всемерно сокращать сроки и повышать качество расследования по уголовным делам. Факты неоправданного промедления в расследовании, задержки из-за этого в вынесении судебных приговоров и снижение, в конечном счете, эффективности наказания преступников представляют собой нарушение социалистической законности и подрывают авторитет следственных органов в глазах трудящихся.

Это относится к расследованию по делам о всяких преступлениях, но в первую очередь к расследованию по делам о наиболее опасных преступлениях, особенно о крупных хищениях государственного и общественного имущества. Известно, что дела этой категории имеют первостепенную важность, так как посягательство на социалистическую собственность является противогосударственным актом, серьезность и опасность которого нельзя недооценивать. Хищения государственного и общественного имущества должны расследоваться в первую очередь, без какого бы то ни было промедления.

За последнее время органы прокуратуры добились значительного успеха в сокращении сроков предварительного следствия. Многие прокуроры республик, областей и городов оканчивали расследование, как правило, в месячный срок, и лишь в отдельных случаях по сложным делам срок следствия колебался от одного до двух месяцев. В такие же сроки расследовались и хищения государственного и общественного имущества.

Практика работы передовых органов прокуратуры показала не только возможность очень значительного сокращения сроков следствия, но и то, что сокращение сроков следствия по всем делам, а также уменьшение остатков неоконченных дел создало особо благоприятные условия для общего значительного повышения качества следствия. Именно поэтому органам прокуратуры, добившимся сокращения сроков следствия, гораздо меньше возвращалось судами к доследованию дел по мотивам неполноты произведенного следствия. В этих органах прокуратуры не допускалось нарушений закона о подследственности, прокуроры своевременно передавали следователям подследственные им дела, возбужденные органами милиции, и не задерживали разрешения вопроса о возбуждении уголовных дел по поступившим к ним первичным материалам и сообщениям о совершенных преступлениях.

Опыт передовых прокуратур также показал, что особенно благоприятные условия для соблюдения кратких сроков расследования по делам создаются, когда в органах прокуратуры области (или города) остаток неоконченных расследованием дел не превышает примерно 25 процентов оконченных дел в течение месяца. Конечно, такой расчет не применим к работе одного следователя или даже прокуратуры района, где невелико число дел, так как возбуждение дел, как и раскрытие преступлений, не происходит по плану, и всегда может возникнуть

в конце месяца одно-три дела. Однако в целом по области или по органам прокуратуры крупного города, где значительно число уголовных дел, остатки их при коротких сроках расследования, не превышающих по большинству дел одного месяца, легко могут быть доведены до 25 процентов числа дел, оконченных следователями в течение месяца.

Естественно, что большое значение при всем этом имеет состав оставшихся неоконченными дел. Особенно важно, состоит ли этот остаток дел из обычных дел, расследование по которым ведется в короткие сроки, или из наиболее сложных дел, например дел о хищениях государственного и общественного имущества, требующих, как известно, большего вложения труда следователя. Скопившиеся в остатке сложные дела о хищениях не могли бы не сказаться на состоянии следствия по всем делам, в частности и на сроках расследования. В тех прокуратурах, где усилия следователей направлены на быстрое расследование хищений государственного и общественного имущества, сроки следствия краткие по всем делам и не превышают, как правило, месячного срока. Таким образом, можно уверенно сказать, что сокращение срока следствия по делам о хищениях государственного и общественного имущества, являющееся необходимым условием усиления борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, в то же время является основным звеном в цепи мероприятий по повышению уровня всей следственной работы органов прокуратуры.

Несмотря на достигнутые успехи в расследовании хищений государственного и общественного имущества, все еще имеется значительное число фактов чрезвычайно длительного расследования по делам, часты случаи явной волокиты и грубых ошибок следователей. Отдельные дела по несколько раз направляются в суды, откуда возвращаются из-за неполноты и недостатков произведенного следствия.

Как правило, сроки следствия зависят от следователя, его умения организовать расследование, выбрать правильное направление в следствии и быстро добиться успеха в результате искусно проведенных следственных действий. Однако практика показывает, что далеко не всегда задержка в расследовании хищений может быть отнесена к вине следователя. В ряде случаев еще до возбуждения уголовного дела и до передачи материалов следователю допускаются ошибки и недостатки в работе с первичными материалами, которые сказываются при расследовании по уголовному делу.

Подобные недостатки особенно сильно сказываются на расследовании по уголовным делам, возникающим по материалам ревизии отчетности, а к таким делам и относятся во многих случаях дела о хищениях социалистической собственности.

Нам представляется важным выявить эти причины и обсудить способы устранения препятствий на пути разрешения задачи сокращения сроков и повышения качества расследования хищений.

\* \* \*

Сроки следствия по делам о хищениях государственного и общественного имущества, возбужденным по ревизионным материалам, зависят в значительной степени от качества этих материалов, от своевременности оформления и передачи их органам расследования, от быстроты разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Деятельность ревизионных органов и прокуроров, осуществляющих надзор за соблюдением этими органами законности, а также действия прокуроров по рассмотрению и проверке поступающих к ним ревизион-

ных материалов и разрешению вопроса о возбуждении уголовного дела во многих случаях определяют ход дальнейшего следствия.

Затруднения при расследовании хищений, которые испытывает иногда следователь и которые предопределяют неудовлетворительность следствия, вызываются в ряде случаев поздней передачей материалов ревизий следователям, недоброкачеством ревизионных материалов или неправильными действиями прокурора при проверке этих материалов, произведенной для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В деятельности ревизионных органов и органов прокуратуры, относящейся ко времени до начала расследования по уголовному делу, допускаются ошибки, являющиеся источниками неудач при дальнейшем следствии. Вот здесь-то часто и коренятся причины длительных сроков следствия по делам о хищении.

Между тем при анализе причин недоброкачественного расследования хищений и при планировании мероприятий по ускорению расследования по делам этой категории мало обращается внимания на период доследственного собирания и подготовки материалов.

Ревизионные органы (органы государственного контроля, контрольно-инспекторского управления Министерства финансов, государственной торговой инспекции и др.), как правило, передают материалы ревизии после их полного оформления и утверждения выводов ревизоров вышестоящей администрацией. Ведомственные инструкции предусматривают определенные сроки (пять-десять дней) для передачи следственным органам материалов ревизий после их утверждения. Самая ревизия проводится часто в длительные сроки, а по окончании ее истребуются объяснения от ревизуемых по существу обнаруженных нарушений.

Этот порядок, удовлетворяющий обычным требованиям выявления и устранения недостатков в работе, непригоден в тех случаях, когда ревизоры обнаруживают очевидные доказательства хищений.

Обнаружив такие доказательства хищения, как, например, многочисленные подложные документы, факты незаприходования крупных денежных сумм, полученных наличными, уничтожения отчетности и пр., ревизоры должны без какого-либо промедления сообщить об этом органам следствия.

Ревизоры, обнаружив доказательства крупного хищения, не должны в таких случаях требовать объяснений от материально-ответственного лица, подозреваемого в хищении. Их действия должны согласовываться с органом следствия, которому сообщено о вскрытом хищении. Только при таких условиях можно предупредить побег преступников, рассчитывать на успех при производстве обыска, обнаружить похищенное, а также обеспечить возмещение ущерба, причиненного хищением. В подавляющем большинстве случаев уклонения растратчиков от следствия они скрывались до передачи ревизионных материалов в органы следствия.

Целесообразность указанного порядка непосредственного сообщения ревизорами органам следствия о вскрытых ими в процессе ревизии хищениях не вызывает сомнений. Между тем такой порядок не предусмотрен ни законом, ни ведомственными приказами и инструкциями, и не удивительно, что встречаются случаи, когда отдельные ревизоры, сталкиваясь с явными фактами хищения, не сообщают о них следственным органам, а преступники, пользуясь создавшимся в результате этого промедлением, укрывают свое имущество от описи, уклоняются сами, воздействуют на свидетелей или принимают другие меры, препятствующие быстрому привлечению их к ответственности и полному раскрытию совершенных хищений.

Необходимо, чтобы ведомства обязали своих работников — ревизоров, контролеров и инспекторов — непосредственно в процессе ревизии сноситься с органами расследования, сообщая о фактах вскрываемых хищений, чтобы дальнейшая ревизия производилась в контакте со следствием и с учетом его требований. Целесообразно, чтобы ревизоры информировали соответствующего прокурора о назначенной ими ревизии крупных хозяйственных объектов.

Отсутствие таких специальных указаний ведомств своим работникам, производящим ревизии, по нашему мнению, не лишает прокуроров права и возможности предъявить такие требования местным работникам контрольно-ревизионных органов. Порядок и условия сообщений ревизоров следственным органам о раскрываемых хищениях могут быть заранее обсуждены на созываемых прокурорами междуведомственных совещаниях в районах и областях, посвященных вопросам борьбы с хищениями.

Было бы неправильно, однако, ограничиваться убеждением работников контрольно-ревизионных органов. В тех случаях, когда промедление в сообщении прокурору о вскрытом хищении дало возможность преступникам уклониться от следствия, скрыть похищенное или свое имущество от взыскания, прокурорам следует входить в обсуждение вопроса об ответственности ревизоров, проявивших ротозейство или попустительство растратчикам.

Нужно предъявить большие требования к ревизорам и по существу производимой ими оценки устанавливаемых ревизией фактов. Ревизоры должны не только определять наличие тех или иных материальных ценностей, высчитывать размер недостачи или излишков и выявлять ответственность лиц, несущих материальную ответственность за причиненный ущерб, но и выяснять условия, создавшие возможность совершить хищения, а также указывать в своих актах лиц, попустительствовавших хищениям или оказавшихся ротозеями. Задача борьбы с хищениями государственного и общественного имущества может быть успешно решена, если будет обеспечена ответственность ротозеев, попустителей расхитителям, дающих возможность всякого рода проходимцам посягать на социалистическую собственность. Расследование хищений было бы значительно облегчено, если контрольно-ревизионные органы и ведомственные ревизоры в каждом случае выявления крупной недостачи материальных ценностей выясняли бы условия, способствовавшие хищениям, и давали бы заключение о правильности и хозяйственной целесообразности деятельности вышестоящих (над ревизуемыми) должностных лиц, обязанных обеспечить сохранность государственного или общественного имущества.

Другой очень серьезный вопрос, возникший на практике, — это вопрос о необходимости улучшения оформления материалов ревизий, что позволило бы повысить значение их как судебного доказательства, и, значит, о правах материально-ответственных лиц при ревизии их отчетности. Этот вопрос в ряде случаев решается неправильно, чему способствует отсутствие общих указаний ревизорам всех ведомств и наличие формальных требований со стороны некоторых судебных и следственных органов. Обязаны ли ревизоры обеспечить возможность материально-ответственному лицу присутствовать при ревизии его отчетности и давать объяснения? Можно ли принимать как доказательство акт ревизии, если материально-ответственному лицу не была предоставлена такая возможность?

Как часто только по причине несоблюдения этих условий дела возвращаются к доследованию для назначения повторных ревизий! Бы-

вают случаи, когда ревизии производятся по три-четыре раза, а следствие затягивается на очень длительный срок.

Иногда споры о правильности или неправильности обращения дела к рассмотрению для производства повторной ревизии переносятся в кассационную и надзорную судебные инстанции, и судебное решение дела затягивается еще долее.

При решении вопроса о правах материально-ответственных лиц в связи с ревизией их отчетности и о доказательственном значении ревизионного акта, нам кажется, необходимо исходить из следующего.

Ревизионный акт имеет большое значение для установления факта наличия или отсутствия материальных ценностей, вверенных тому или иному должностному лицу. Для уверенного вывода о недостатке материальных ценностей нужно не только точно определить наличие товара в натуре, но и проверить правильность приходо-расходных записей отчетности и, следовательно, правильность так называемого «книжного» остатка материальных ценностей. Присутствие материально-ответственных лиц не только при инвентаризации (определении фактического наличия ценностей), но и при проверке отчетности создает больше возможностей для тщательной проверки правильности выводов о наличии или недостатке товаров. То же следует сказать и о проверке отчетности, производимой с целью выяснения законности тех или иных хозяйственных операций.

Факт присутствия при проверке отчетности материально-ответственного лица, не заявившего каких-либо возражений по поводу действий ревизоров, лишает это лицо оснований впоследствии утверждать, что ревизоры неполно и неправильно проверили отчетность, и требовать производства повторной проверки. Следовательно, предоставление материально-ответственному лицу права присутствовать при проверке отчетности повышает значение ревизионного акта как доказательства.

Однако присутствие материально-ответственных лиц при ревизии не всегда возможно. Ревизуемые в ряде случаев не могут присутствовать при ревизии по независящим от них причинам (болезни, командировки и пр.). Немало таких случаев, когда некоторые из них, предвидя выявление фактов хищений, сознательно уклоняются от явки на ревизию, ссылаясь на различные предлоги, с тем, чтобы затянуть как можно дольше ревизию, или рассчитывая впоследствии опорочить выводы ревизии ссылкой на то, что проверка отчетности производилась в их отсутствие. Поэтому следует в каждом отдельном случае определять, насколько убедительны выводы ревизоров о недостатке материальных ценностей, о законности тех или иных хозяйственных операций и т. д., а также должны быть тщательно рассмотрены по существу доводы обвиняемых материально-ответственных лиц о неправильности выводов ревизоров.

Оценивать материалы ревизий следует с учетом всех других доказательств по делу и в соответствии с ними; только тогда можно сделать правильный вывод о достоверности сведений, содержащихся в акте ревизии. При убедительных доказательствах, собранных следствием, акт ревизии может и не играть большой роли в общей цепи доказательств, а в таких случаях и порядок производства ревизии не имеет большого значения. Только в тех случаях, когда акт ревизии является одним из основных доказательств, а собранные ревизией факты и выводы ревизора имеют большое значение, должны быть приняты все меры к тому, чтобы при ревизии строго соблюдался порядок, обеспечивающий наиболее достоверные выводы из проверки отчетности.

Поэтому, если ревизор и допустил ущемление прав материально-ответственного лица и не предоставил ему возможности присутствовать

при ревизии, но в то же время со всей очевидностью установил недостачу материальной ценности или какие-либо серьезные нарушения закона, а ревизуемый впоследствии, ознакомившись с актом ревизии, не мог дать удовлетворительных объяснений, акт ревизии безусловно может рассматриваться как одно из серьезных доказательств по делу.

Таким образом, нельзя формально решать вопрос о значении акта ревизии в качестве доказательства по уголовному делу, произведенной в отсутствие материально-ответственного лица. Судебные и следственные органы, оценивая все обстоятельства дела и собранные следствием доказательства, а также объяснения обвиняемых, могут удовлетвориться и таким актом ревизии, признать его достаточно достоверным и не требовать производства повторной ревизии.

Между тем на практике довольно часто имеют место случаи, когда суды занимают формальную позицию при рассмотрении дел, возникших по материалам ревизии. Некоторые суды рассматривают немотивированное заявление обвиняемых о том, что они несогласны с выводами ревизоров о недостачах ценностей, как вполне достаточный повод для того, чтобы отказаться от дальнейшего рассмотрения дела по существу и возвратить его на доследование с целью производства повторной ревизии отчетности.

Народный суд Радченковского района Воронежской области возвратил на доследование дело по обвинению некоего Сиденко только потому, что тот заявил, якобы ревизия произведена неправильно. После объявления этого определения Сиденко подал заявление, что он снимает свое ходатайство о возвращении дела к доследованию и назначении новой ревизии. И на этот раз Сиденко не привел никаких мотивов, заявив лишь, что «не находит нужной ревизию». После этого народный суд, не выполняя своего определения о возвращении дела к доследованию, вновь приступил к его рассмотрению и вынес обвинительный приговор. Народный суд Сковородинского района Амурской области возвратил к доследованию для повторной ревизии дело по обвинению Пичугова и Сумарокова в растрате по одному лишь заявлению Пичугова о несогласии с выводами ревизора. Пичугов никак не мотивировал своего несогласия. Он указал в своем заявлении, что не присутствовал при ревизии, так как в тот период времени был ежедневно пьян. В оценку собранных доказательств виновности Пичугова и Сумарокова суд не стал входить. Определения обоих народных судов были отменены.

Некоторые суды становятся на путь предъявления к ревизорам таких же требований, как и к экспертам, требуя, чтобы ревизоры назначались из числа работников другого «незаинтересованного» ведомства. Народный суд 2-го участка Дятьковского района Брянской области возвратил на доследование дело по обвинению Конопова, предложив «назначить ревизию не менее как из трех бухгалтеров из разных систем, т. е. учреждений и предприятий». Аналогичное определение вынесено народным судом Сталинского района г. Иваново по делу Сосипатрова. Суд вернул дело на доследование, предложив «провести повторную ревизию в присутствии обвиняемого за время его работы, привлечь для этой работы лиц из других организаций». Оба эти определения отменены.

Наличие формальных требований к ревизиям и оформлению ревизионных материалов создает условия для всякого рода крючкотворства и сутяжничества, чем пользуются некоторые обвиняемые, добиваясь затягивания судебного разрешения вопроса об их виновности.

Учитывая это и пытаясь предупредить возможность возвращения дела к доследованию по таким формальным поводам, некоторые следо-

вате  
бух  
мит

т. С  
раз  
мос  
няе  
виз

как  
к р  
ка  
В т  
воз  
пра  
сви  
Вер

рас  
над  
ное  
пер  
для  
воз

лат  
пре  
и  
виз  
фу

фа  
сво  
ро,  
то  
уж  
экс  
От  
но  
це  
ше

др  
бу  
ве.  
Ве  
пр  
си  
по  
ка  
от  
ор  
по  
са

ватели назначают без достаточных оснований ревизию или назначают бухгалтерские экспертизы с исключительной целью таким путем «оформить» материалы следствия.

Начальник следственного отдела прокуратуры Киргизской ССР т. Сахарский по уголовному делу о Игембердиеве и других поставил на разрешение бухгалтерской экспертизы вопрос, «является ли необходимо назначение третьей по счету ревизии, исходя из того, что обвиняемые Игембердиев и Болзобаев присутствовали при производстве ревизии, но подписать акт отказались».

Итак, в целях повышения качества расследования по делам, возникающим по ревизионным материалам, следует повысить требования к ревизионным органам и потребовать от них соблюдения такого порядка ревизий, который делал бы более достоверными выводы ревизоров. В то же время наличие значительного числа случаев неосновательного возвращения к доследованию уголовных дел о растратах в связи с неправильными требованиями судов о производстве повторных ревизий свидетельствует о необходимости руководящих разъяснений Пленума Верховного суда СССР по этому вопросу.

Как на одну из серьезных причин неудовлетворительного качества расследования по уголовным делам и медлительности их расследования надо указать на допускаемое в практике судебных и следственных органов смешение функций ревизии отчетности и бухгалтерской экспертизы: перед экспертами ставится задача проверить (обревизовать) отчетность для установления наличия тех или иных ценностей, т. е. на экспертизу возлагаются обязанности производства ревизии отчетности.

Такого рода требования к экспертизе неправильны и влекут нежелательные последствия. Обычно подобные требования к экспертизе предъявляются тогда, когда произведенная ревизия вызывает сомнения и возникает необходимость в повторной ревизии. Вместо повторной ревизии и назначается судебно-бухгалтерская экспертиза с ревизионными функциями.

Действия ревизора, функции которого заключаются в выявлении фактов нарушений порядка и работы или даже нарушений закона, по своему характеру имеют сходство с деятельностью следователя. Такого рода функции не могут быть возложены на эксперта, обязанностью которого является научное объяснение и объективная оценка тех или иных уже установленных расследованием фактов. Ревизор не может быть экспертом, так как нельзя совмещать функции ревизора и эксперта. Отсюда вытекает, что на эксперта не может быть возложена обязанность производства ревизии с сохранением положения эксперта в процессе, что назначение такого рода экспертизы представляет собой нарушение принципа объективности судебной экспертизы.

Неправильное возложение ревизорских обязанностей на экспертов, другими словами, производство повторной ревизии под видом судебно-бухгалтерской экспертизы, иногда практикуется в связи с уклонением ведомств и контрольно-ревизионных организаций от повторных ревизий. Ведомство обычно удовлетворяется первой ревизией, которая позволяет принять необходимые хозяйственные и организационные мероприятия: снять с работы лиц, допускающих злостные нарушения установленного порядка, передать материалы о них в следственные органы, укрепить кадрами предприятие, ввести дополнительные правила, гарантирующие от повторения нарушений, усилить контроль со стороны вышестоящей организации и т. д. В производстве повторной ревизии, которую могут потребовать следственные органы для более полного освещения вопроса об ответственности снятых с работы правонарушителей, ведомство



по кожевенному сырью, готовым изделиям и химикатам и вывести по ним остатки».

Видимо, в связи с отказами органов государственной бухгалтерской экспертизы выполнять такие поручения некоторые следователи незаконно привлекают в качестве бухгалтеров-экспертов лиц, не состоящих в штате или на учете филиалов Бюро государственной бухгалтерской экспертизы.

Органы прокуратуры должны устранить подобные факты, свидетельствующие о наличии кое-где порочной практики расследования хищений.

Анализ недостатков в расследовании по уголовным делам, возбужденным по материалам ревизий, показывает, что некоторые судебные и следственные работники явно переоценивают значение ревизии и бухгалтерской экспертизы как средства установления недостачи материальных ценностей.

Нередки случаи, когда все расследование сводится к установлению факта недостачи материальных ценностей, вверенных должностному лицу, обвиняемому по делу, и очень мало уделяется внимания выявлению других фактов, вскрывающих субъективную сторону состава преступления. Для установления же недостачи в качестве универсального средства применяются ревизии или экспертиза. При этом недооцениваются такие следственные действия, как осмотр следователем отчетности, изъятие и приобщение к делу документов отчетности.

Вопрос о наличии недостачи и ее размерах разрешается ревизорами и экспертами формально, исходя из бухгалтерских правил оформления оправдательных документов. Часто недостачей оказывается сумма, не оправданная надлежаще оформленными документами. Документ, не содержащий необходимых реквизитов, не принимается бухгалтерией. Эксперты-бухгалтеры не могут не придерживаться той же общей для работников учета и, несомненно, правильной точки зрения, т. е. тех же требований к оправдательным документам, а от этого зависит и определение размеров недостачи материальных ценностей.

Такой способ определения суммы денежных средств, за которую несет ответственность должностное лицо, было бы правильным и достаточным для гражданского дела, для определения только материальной ответственности, но совершенно недостаточно для уголовного дела о хищении. Между тем некоторые следователи, принимая без должной оценки заключения бухгалтеров, неправильно отождествляют основания для гражданского иска к материально-ответственному лицу с основаниями для предъявления обвинения по уголовному делу о растрате.

Ясно, что установление размера недостачи только методами бухгалтерской проверки и оценки документов отчетности не может быть признано достаточным, так как задачей расследования является выяснение подлинных причин образования недостачи имущества. Именно в этой части расследование по делам о растратах страдает неполнотой, которая не дает возможности разрешить в суде дело и вызывает возвращение его на доследование.

Агент по снабжению торфопредприятия Свиридов обвинялся в присвоении около 8 тыс. руб. из подотчетных сумм, полученных им для закупки продовольствия. Бухгалтерия торфопредприятия, рассматривая авансовый отчет Свиридова, не приняла четырех документов на сумму в 1600 руб., как вызывавших сомнения. Кроме того, Свиридов не сдал остатка от аванса в сумме 1390 руб., заявив, что эти деньги у него похитили. Следователь, разрешая спор Свиридова с бухгалтерией торфопредприятия по поводу четырех сомнительных документов, назначил

судебно-бухгалтерскую экспертизу. Эксперту был поставлен вопрос, следует ли принять к оплате представленные Свиридовым недостаточно оформленные документы (с отсутствием некоторых реквизитов), а именно: 1) расписки бригадира грузчиков Кожухова на 350 руб., якобы уплаченных за разгрузку вагона на железнодорожной станции и погрузку автомашины; 2) расписку шофера автомашины о получении 200 руб. за перевозку товаров со станции и др. В расписках отсутствовали адреса получателей денег, номера паспортов и номер автомашины. Эксперт дал заключение, что бухгалтерия правильно отказалась принимать документы. На этом основании Свиридов был предан суду по обвинению в растрате.

Суд возвратил дело на доследование, правильно указав, что следователь, помимо разрешения вопроса о форме документов, должен был проверить эти документы по существу, установив, отражают ли они действительный расход.

Приступив вновь к расследованию, следователь выехал на станцию, упоминаемую в сомнительных документах, и произвел ряд допросов работников товарной конторы станции и бригады грузчиков. Таким путем было установлено, что разгрузка вагона и погрузка на машину производились грузчиками станции. За выгрузку из вагона станция не взыскивала с торфопредприятия никаких сумм, а за погрузку на автомашину груза было получено по квитанции всего 38 руб. Расписка грузчика Кожухова оказалась фиктивной. Допросами грузчиков удалось установить машину, на которой перевозили грузы, разыскать шофера и допросить его. Выяснилось, что действительно за перевозку грузов он получил 200 руб. Шофер подтвердил подлинность и правильность расписки. Остальные два сомнительных расходных документа также были проверены и получили подтверждение. Из этого примера видно, что судебно-бухгалтерская экспертиза была проведена попусту, так как для решения вопроса о виновности Свиридова в растрате денег было важно установить, производился ли в действительности расход, указанный в оправдательных документах, и в какой сумме. Вопрос же о том, следует ли принять к отчету представленные Свиридовым документы, не имел значения. Необоснованное назначение экспертизы по этому делу повлекло промедление в расследовании.

Расследование по делам, возникшим по ревизионным материалам, характеризуется и такими ошибками, как недооценка следственных осмотров и других следственных действий, направленных на закрепление фактов, обнаруженных ревизией. Некоторые следователи ошибочно полагают, что если в акте ревизии или в заключении экспертизы указываются факты, на которые ревизоры или эксперты ссылаются как на установленные, то нет надобности производить какие-либо следственные действия для дополнительного закрепления этих фактов.

Например, ревизор записал в своем акте, что бухгалтерией была неправильно отражена операция по передаче со склада в магазин и затем обратно из магазина на склад партии вина; ревизор привел в акте данные из бухгалтерской отчетности. На этом основании следователь счел возможным не производить осмотра отчетности. Между тем впоследствии обвиняемые стали оспаривать полноту записей, воспроизведенных в акте, и представили документы отчетности, опровергающие ревизионный акт. На суде высказывались подозрения об искусственном изменении отчетности, однако доказать это не удалось — восполнить пробелы расследования было уже нельзя.

Итак, практика расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, возникших по материалам ревизий, выдвигает ряд вопросов,

от  
сте  
сту  
стени:  
зн:  
о 1  
со:  
ни:  
пе:  
ку  
ва:  
пр  
то:  
те:  
об  
де  
но  
3)  
те.но  
об  
ка  
щ:су  
ми  
ве  
С:  
ни  
ви  
м:  
и  
с:но  
ки  
ки  
м  
ри  
но  
те  
и  
к  
л  
у  
н  
вр  
у  
н

от правильного разрешения которых в значительной мере зависят качество и сроки расследования, следовательно, и успешность борьбы с преступлениями, главным образом, с хищениями социалистической собственности.

Сюда относятся, как видно из сказанного, вопросы: 1) о соблюдении ревизорами ряда требований, повышающих доказательственное значение ревизионных актов (о праве ревизуемых на отвод ревизоров, о праве присутствовать при ревизии, давать объяснения, о круге вопросов, которые обязаны осветить ревизоры, и т. п.); 2) о порядке сообщения органам следствия вскрываемых при ревизиях преступлениях, обеспечивающем успешность неотложных мер следователя; 3) о праве прокуроров и следователей при расследовании по уголовным делам требовать назначения повторных ревизий. Сюда же относится вопрос о неправильной практике некоторых судебных и следственных органов, которые: 1) не проводят четкой грани между ревизиями и судебно-бухгалтерской экспертизой, смешивая их функции и возлагая на экспертизу обязанность проведения проверки отчетности, т. е. по существу проведения ревизии под видом экспертизы; 2) назначают ревизии или судебно-бухгалтерские экспертизы, когда это не вызывается необходимостью; 3) оценивают материалы ревизий и экспертиз без учета других доказательств, собранных следствием.

Некоторые суды выдвигают формальные требования об обязательном присутствии при ревизии или судебно-бухгалтерской экспертизе обвиняемых и на этом основании, независимо от собранных по делу доказательств и обоснованности выводов ревизоров и экспертов, возвращают дела к доследованию.

Перечисленные недостатки и ошибки постепенно преодолеваются судебными и следственными, а также контрольно-ревизионными органами. Однако желательно более четко определить порядок ревизий и проверок отчетности. Желательно издание Пленумом Верховного суда СССР руководящих указаний судам по вопросу о практике рассмотрения дел, возникающих по материалам ревизий. Желательно, чтобы ревизиями и проверкам отчетности, акты которых являются очень важными доказательствами по многим делам, рассматриваемым уголовными и гражданскими судами, уделялось больше внимания в нашей юридической литературе.

Анализ недостатков следствия по делам о хищениях государственного и общественного имущества приводит к выводу, что эти недостатки в ряде случаев определяются неправильной постановкой работы некоторых органов прокуратуры по рассмотрению и проверке первичных материалов и сообщений о хищениях. Рассматривая первичные материалы и сообщения о совершенных хищениях социалистической собственности, прокурор должен немедленно возбудить уголовное дело во всех тех случаях, когда есть основания считать, что хищение действительно имело место. Расследование при этих условиях должно назначаться без какого-либо промедления, а неотложные следственные действия направляются на поиски похищенного имущества, обеспечение возмещения ущерба, пресечение виновным способов уклониться от следствия и суда, на закрепление тех доказательств, которые могли бы быть утрачены в случае промедления в расследовании.

Всякая задержка в возбуждении уголовного дела, несомненно, отрицательно сказывается на дальнейшем следствии, уменьшая шансы на успех. Такая задержка в возбуждении уголовного дела, притом часто на длительный срок, создается из-за необходимости произвести предва-

рительную проверку поступивших материалов и сообщений о совершенных хищениях.

Проверка оправдана только тогда, когда без нее нельзя прийти к решению о возбуждении дела. Как известно, для возбуждения уголовного дела необходимы данные лишь о том, имело ли место самое событие, самый факт хищения. Вопросы о том, кто совершил хищение, из каких побуждений и при каких обстоятельствах, могут быть выяснены позднее в процессе предварительного следствия, что и составляет задачу расследования. Проверка может производиться лишь путем самых простых кратковременных действий, как, например, вызов и получение дополнительных сведений от заявителя, ревизоров, материально-ответственных лиц или истребование документов и осмотр предметов или документов. Между тем в практике прокуроров встречаются случаи назначения проверки без необходимости в ней, когда самый факт хищения не вызывает сомнения и, таким образом, имеются достаточные данные для возбуждения уголовного дела. Некоторые прокуроры, исходя из того, что подчиненные им следователи имели достаточную нагрузку, искусственно задерживали возбуждение новых уголовных дел и назначали проверку, ставя перед собой задачу собрать все необходимые материалы, получить объяснения от многих лиц, выявить наиболее важных свидетелей и тем в какой-то степени заменить следствие и облегчить дальнейшую работу следователя. Такого рода действия прокуроров являются совершенно неправильными. Всякая попытка заменить активную деятельность следователя, направленную на изобличение преступников, проверочными действиями, влекущими задержку возбуждения уголовного дела, может лишь ослабить борьбу с хищениями и растратами.

Имели место и такие факты, когда проверки первичных материалов представляли собой по существу предварительное следствие, так как под видом проверки производились допросы, обыски и другие следственные действия. Подобные «проверки» представляют собой грубое нарушение закона.

Боязнь прекращения дела, как оказалось, и является основной причиной назначения проверки, не вызывающейся действительной необходимостью. Эта боязнь прекращения дела объясняется тем, что всякий случай прекращения следственного дела прокуратурой области рассматривался как показатель неудовлетворительного состояния следственной работы. Недоброкачественной работой следователя считалось в одинаковой мере и прекращение дела, свидетельствующее о неправильном привлечении кого-либо в качестве обвиняемого, и прекращение дела, которое предупреждало возможность неосновательного привлечения невиновных лиц к ответственности.

Конечно, всякое неосновательно возбужденное дело — явление отрицательное, так как заставляет следственный орган работать вхолостую и отвлекает трудящихся от их занятий. Однако замена расследования «проверками», которые по существу ничем не отличаются от расследования, не устраняет этих нежелательных последствий и несколько не улучшает постановки работы. Такие проверки дают возможность некоторым прокурорам уклониться от ответственного решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Чем же объясняется такое извращение в работе? На наш взгляд, основной причиной этого является неправильный формальный подход к оценке работы следователя, который и породил неправильные формы и методы работы, в частности широкую практику проверок, представляющих собой своеобразный суррогат следствия.

Такого рода извращения, имеющие место в практике некоторых ор-

ганов прокуратуры, особенно вредно сказываются при расследовании по делам о хищениях и другим делам, требующим быстрых первичных действий. Неправильная практика прокурорских проверок создает волокиту, которая не может не отразиться на результатах расследования по делу.

При рассмотрении материалов и сообщений о хищении социалистической собственности должно быть принято за правило, что во всех случаях наличия подложных документов, незаприходования полученных денежных сумм и других материальных средств, крупной недостачи денег по кассе, бесспорно установленной крупной недостачи материальных ценностей должно быть возбуждено уголовное дело без какой-либо предварительной проверки. По материалам ревизии должно быть возбуждено уголовное дело, если в материалах ревизии содержится достаточно данных хотя бы об одном факте совершенного хищения и несмотря на то, что акт ревизии в отношении всех других фактов был признан дефектным.

Сомнения обычно вызывают материалы о недостаче ценностей, когда самый факт недостачи не установлен должным образом. Только в таких случаях допустима предварительная проверка материалов, которая может выражаться в вызове для объяснений ревизоров или материально-ответственных лиц.

Повторная ревизия не может входить в число проверочных действий. Она может назначаться по предложению прокурора в случае возвращения им материала организации, его приславшей. Возвращая материал для дополнительной ревизионной проверки, прокурор обязан установить контроль над дальнейшими действиями той организации, которой возвращен материал, чтобы не дать возможности виновникам утраты, порчи, а тем более хищения социалистической собственности остаться безнаказанными.

За последнее время принят ряд мер к упорядочению работы органов прокуратуры по рассмотрению первичных материалов. Однако предстоит еще большая работа в этом направлении. Следует привлечь внимание каждого прокурора к значительному повышению качества подготовки материалов, являющихся основанием для возбуждения уголовных дел о хищениях государственного и общественного имущества.

Наведение порядка на этом серьезном участке работы, несомненно, будет способствовать улучшению качества и сроков следствия и тем самым усилению борьбы с преступными посягательствами на социалистическую собственность.

**НЕ ДОПУСКАТЬ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНА  
В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ**

От своевременного и правильного расследования того или иного преступления во многом зависит и правильное его разрешение в суде. Наш советский закон обязывает органы прокуратуры всесторонне исследовать обстоятельства совершенного преступления, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности (ст. 111 УПК РСФСР).

Закон гарантирует лицу, привлеченному к ответственности, его право на всестороннее исследование и проверку его объяснений до разбора дела в суде. Закон обязывает органы расследования доказать причастность обвиняемого к совершенному преступлению. Для этого в распоряжении органов расследования имеются все возможности: право исследования места преступления, истребование и проверка документов, вещественных доказательств, привлечение на помощь научных работников, допрос очевидцев исследуемого события и другие средства. Одновременно закон запрещает домогаться показаний или признания подсудимого путем насилия, угроз и других подобных мер (ст. 136 УПК РСФСР).

Всякое отклонение от установленных законом норм уголовного процесса или прямого его нарушение наносит вред советскому социалистическому правосудию и неизбежно ведет к затяжке рассмотрения дела, излишнему отрыву трудящихся от работы, к увеличению государственных расходов, мешает правильному разрешению дела в суде, помогает преступнику уклониться от наказания или, наоборот, ориентирует суд на вынесение неправоудного обвинительного приговора.

Передо мною дело по обвинению Кузина, Гладилина, Мартусевича и др. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Кузину, Гладилину и другим — всего их девять человек — вменяло в вину то, что они в 1949 году похитили с Троицкой суконной фабрики 500 метров драпа.

После длительного расследования это дело поступило в Московский областной суд, который при рассмотрении его в судебном заседании 14 августа 1952 г. установил, что расследование по делу велось с нарушением гарантированных законом прав обвиняемых. Так, старший следователь Московской областной прокуратуры Иващенко

поручил эксперту-бухгалтеру провести одновременно ревизию и экспертизу, не выяснил ряда обстоятельств по выдаче и получению товаров на фабрике, что имело существенное значение для правильного разрешения дела. В результате дело было возвращено на доследование. Прекратив производство по делу в отношении некоторых лиц, органы следствия привлекли к ответственности других лиц и передали дело в суд.

При новом рассмотрении дела в суде 9 февраля 1953 г. было установлено, что по обвинительному заключению количество расхищенного с государственной фабрики драпа оказалось значительно большим, а стоимость расхищенного обвиняемым не предъявлена. Ни ревизией, ни экспертизой первичные документы цеха фабрики на выпуск драпа не проверены и не сверены с количеством драпа, выданного со склада фабрики потребителю. В результате не установлены пути и методы хищения и не проверены объяснения обвиняемых о том, что хищение на фабрике вообще не имело места.

Кроме того, при расследовании были допущены грубые нарушения социалистической законности. На записке обвиняемой Мартусевич, написанной простым карандашом, сначала неизвестным лицом, весь текст был обведен чернилами, а затем дан эксперту для фотоувеличения и исследования. Проводили расследование одновременно и следователь Московской областной прокуратуры Иващенко, и следователь управления милиции Московской области Красноярский. Некоторых свидетелей допрашивал не следователь, а эксперт-бухгалтер по делу. Показания многих свидетелей записаны не в соответствии с данными ими объяснениями и неправильно. Из дела изъяты некоторые документы, оправдывающие действия подсудимого. Не приобщено к делу вещественное доказательство — халат, исследованием которого в суде можно проверить показания подсудимой и свидетеля. 27 октября эксперт-бухгалтер уже подписал свое заключение по проведенной экспертизе, а обвиняемым лишь 6 ноября 1952 г. объявили, что по делу назначена экспертиза и они якобы могут поставить перед ней свои вопросы. Хотя 22 ноября 1951 г. при допросе обвиняемой Мартусевич старший следователь Иващенко подробно записал в протоколе допроса, что следователь управления ми-

лиции допрос каких ждаает, рушены Все по суи возвра нес ча нами ( Несм стичес делу сковок битья вал р наличи Пра

Стат сит, ч непри жет б постан курор: Осоо ности требов курор: своей ектив: факты вильнс невинс Стат бует, следое тельст вающ: тельст щие ( ности.

От всегда ной ( рассм неоснс к уго содер) его ос

Нек судеби своей приво. попад

В м влянс виков ден J ствие проку было умело

лиции Красноярский применял к ней на допросах неправильные методы, но мер никаких не принял. Сама обвиняемая утверждает, что допрашивали ее с грубым нарушением ст. 136 УПК РСФСР.

Все это затруднило суду разрешить дело по существу, и суд вторично вынужден был вернуть дело на доследование. Суд вынес частное определение о нарушении органами следствия ст. ст. 111, 112 и 136 УПК.

Несмотря на явное нарушение социалистической законности, допущенное по этому делу органами следствия, прокурор Московской области т. Круглов пытался добиться отмены определения суда и настаивал рассмотреть дело по существу при наличии таких грубых нарушений.

Практика показывает, что по делам, где

предварительной мерой пресечения избрано содержание под стражей, отдельные прокуроры при рассмотрении дела в суде просят признать обвиняемого виновным при отсутствии к этому каких-либо доказательств. Такая боязнь признать свою ошибку за необоснованное содержание под стражей советского человека наносит еще больший ущерб делу укрепления социалистической законности в нашей стране.

Строжайшим соблюдением советских законов в повседневной деятельности работники следствия и суда должны укреплять социалистическую законность в нашей стране.

Член Московского областного суда

И. Барсуков

## СТРОГО СОБЛЮДАТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ

Статья 127 Сталинской Конституции гласит, что «гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Особой внимательности, особой осторожности в решении судьбы людей необходимо требовать от судебных и следственно-прокурорских работников, которые по долгу своей службы обязаны всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства и факты в каждом конкретном деле и правильно решить вопрос о виновности или невиновности человека.

Статья 111 УПК Белорусской ССР требует, чтобы при производстве следствия следователь выяснял и исследовал обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности.

От следователей, прокуроров и судей всегда необходимо требовать исключительной объективности при расследовании и рассмотрении дел. Совершенно нетерпимо неосновательное привлечение гражданина к уголовной ответственности, незаконное содержание под стражей, неосновательное его осуждение.

Некоторые следственно-прокурорские и судебные работники Полесской области в своей работе допускали ошибки, которые приводили к тому, что честный гражданин попадал на скамью подсудимых.

В мае 1952 года народным судом Наровлянского района (народный судья т. Новиков) совершенно неправильно был осужден Л. И. Логвин. Предварительное следствие по делу вели следователь Кан и прокурор района Митьковец. Следствие было проведено крайне поверхностно и неумело, а народный суд поверил необу-

дельным доказательствам и вынес необоснованный обвинительный приговор. Логвин обвинялся в том, что якобы при перевозке семенного овса со склада колхоза на поле для посева вечером 18 апреля 1952 г. похитил мешок овса, спрятал в лесу, а вечером забрал его домой. От начала до конца следствия Логвин отрицал факт похищения им овса и пояснял, что обнаруженный у него овес действительно колхозный, но он его не похитил, а привез ночью домой по указанию севщика Белойчука, с ведома нескольких трактористов, работавших совместно с ним до ночи на посевах овса. Овес, оставшийся от посева, был завезен к нему потому, что склад был закрыт. В этот же вечер Логвин об этом заявил бригадиру колхоза. Однако следователь и прокурор решили, что это безобидное действие Логвина и есть хищение колхозного имущества. По причине необъективности следствия областной суд отменил приговор народного суда и направил дело для рассмотрения в другой народный суд, предложив вызвать и допросить всех лиц, на которых ссылался обвиняемый и которых следствие почему-то не допросило. Народный суд Ельского района вынес обоснованный и правильный оправдательный приговор, который областным судом был оставлен в силе.

Но оказался задетым прокурор. И вот на поддержку и на защиту прокурорской точки зрения встает вся областная прокуратура во главе с прокурором Полесской области т. Захаровым. Оправдательный приговор был отменен, дело принял к своему производству областной суд и рассмотрел его, выехав на место. И опять приговор был оправдательный. Даже представитель обвинения прокурор т. Пермяков, видя несостоятельность обвинения, в суде отказался его поддерживать.

И опять прокурор т. Захаров с помощью бывшего начальника следственного отдела

областной прокуратуры т. Качеровского пишет протест в Верховный суд на оправдательный приговор. Но на этом и кончилось. Никто уж их больше не поддерживал.

Таким образом, вместо того, чтобы наказать виновных в необъективном ведении следствия по делу, прокурор области т. Захаров сам стал потворствовать им и любой ценой добиваться осуждения невиновного человека. Характерно, что это дело семь раз рассматривалось в судах различных инстанций.

Некоторые работники милиции в нашей области при расследовании допускали действия, противоречащие закону, грубо ущемляющие права обвиняемых.

Необъективное ведение следствия допущено оперуполномоченным Наровлянского районного отделения милиции Цибуленко. Вот уголовное дело по обвинению Н. А. Дорошкевича, приговор в отношении которого был отменен областным судом из-за неполноты и необъективности проведенного следствия, из-за нарушения следователем закона о производстве следствия и ущемления прав обвиняемого. Из дела видно, что Дорошкевич ходатайствовал перед прокурором района о поручении расследования по его делу работнику прокуратуры, а не милиции. Одновременно он заявил отвод оперуполномоченному Наровлянского районного отделения милиции Цибуленко, который вел расследование. Отвод этот заслуживал внимания. Однако в нарушение ст. 122 УПК Белорусской ССР это ходатайство обсуждалось не прокурором, а самим Цибуленко, который своим постановлением отказал в отводе и сам оканчивал расследование по делу. Такие действия являются грубейшим нарушением прав обвиняемого, нарушением закона, недопустимым при производстве расследования по уголовному делу.

Незаконное содержание под стражей было допущено в отношении А. Г. Федотова. Еще в 1950 году Федотов был осужден за ложные показания к шести месяцам

исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 20% заработка в доход государства. Он спокойно работал в колхозе после приговора до 27 мая 1952 г. и выработал не одну сотню трудодней, с которых инспекция бюро исправительно-трудовых работ вполне могла удержать 20% заработка по приговору. Не знал ничего Федотов о том, что без его ведома, в нарушение ст. ст. 461, 462 УПК Белорусской ССР, народный суд Наровлянского района по незаконным материалам инспектора исправительно-трудовых работ об якобы злостном уклонении Федотова от отбытия меры наказания вынес два определения: первое — об отбытии Федотовым шести месяцев исправительно-трудовых работ на общих основаниях; второе — о замене ему шести месяцев исправительно-трудовых работ шестью месяцами лишения свободы. Народный суд незаконно лишил свободы Федотова, ибо последний не уклонялся от работы, а инспектор исправительно-трудовых работ уклонился от своих обязанностей и не заметил сотни трудодней, выработанных за это время Федотовым. Суд нарушил процессуальные права Федотова и вынес незаконное определение.

Прокурор же области т. Захаров плохо осуществляет надзор за местами заключения. Так, Федотов содержался под стражей, а прокурор этого не знал.

Не заметили этого дела в народном суде Наровлянского района и работники управления юстиции Полесской области, ревизовавшие работу суда.

Эти факты говорят о том, что в Полесской области некоторые прокурорско-следственные и судебные работники допускают серьезные, совершенно нетерпимые нарушения социалистической законности.

Этим нарушением социалистической законности должен быть положен конец, а нарушители закона должны нести строгую ответственность.

Член Полесского областного суда  
А. Туминский

## ПОВЫСИТЬ КАЧЕСТВО ЗАКЛЮЧЕНИЙ ПРОКУРОРОВ В СУДАХ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Участие прокурора в суде по гражданским делам надо рассматривать как важную составную часть деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за законностью разрешения судами гражданских дел.

Ленин в письме «О «двойном» подчинении и законности», адресованном товарищу Сталину для Политбюро, указал, что прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом.

Исходя из этого ленинского положения,

задача прокурора, участвующего в суде по гражданскому делу, заключается прежде всего в том, чтобы оказать помощь суду в правильном разрешении дела. С этой целью Генеральный прокурор СССР в приказе № 106 от 1 июня 1950 г. обязал всех выступающих в суде прокуроров перед каждым выступлением тщательно ознакомиться с материалами дела и теми законодательными актами, на основе которых должны решаться эти дела. Тщательно ознакомившись с материалами дела, прокурор, выступая в суде, должен юридически

обосновать свое решение.

Поэтому вильямским районным прокурором линского района смоданс в 19 чене провой, 22 иние

Острые в сс за : ния пред по пре кон дол : О кур дел эти неа неп

Н ния воз ног кур лас ст. пол шен шал суд рит пав дит вит эти неп ско при Ст: Ми рос тре тво сто

обосновать свои выводы по делу, четко сформулировать свое заключение, правильно сослаться на закон.

Подавляющее большинство прокуроров выполняют эти требования и дают правильные заключения в суде по гражданским делам. Так, прокурор Подбельского района Куйбышевской области т. Симбьянок дал в суде заключения по 100 делам. По всем этим делам судом вынесены решения в соответствии с заключениями прокурора, и все они являются правильными. Ряд районных прокуроров Тульской области, в частности, помощник прокурора Ново-Тульского района т. Чистова, прокурор Кукинского района — т. Голев, Чекалинского — т. Костиков, дают квалифицированные заключения в судах по гражданским делам и этим содействуют устойчивости судебных решений. Так из 23 дел, рассмотренных судебной коллегией по гражданским делам Тульского областного суда в 1952 году, по которым были даны заключения в суде первой инстанции помощником прокурора Ново-Тульского района т. Чистовой, оставлены в силе решения суда по 22 делам, и только по одному делу решение народного суда было отменено.

Однако многие прокуроры еще не перестроили своей работы по участию в суде в соответствии с требованиями п. 3 приказа № 106 и продолжают давать заключения в суде по гражданским делам без предварительного ознакомления с делами, по которым они дают заключения, и без предварительного подбора и изучения законодательных актов, на основе которых должны решаться эти дела.

Отсутствие надлежащей подготовки прокуроров к участию в суде по гражданским делам приводит к тому, что заключения по этим делам часто оказываются юридически неаргументированными и по существу неправильными.

Наиболее часто неправильные заключения прокуроров имеют место по делам о возмещении колхозам ущерба, причиненного гибелью скота. Так, например, прокурор Слободского района Смоленской области т. Минин предъявил иск в порядке ст. 2 ГПК к колхозникам Мигалевым в пользу колхоза имени Чапаева о возмещении ущерба, причиненного гибелью лошади, а затем, участвуя по этому делу в суде, неправильно просил суд удовлетворить иск в размере балансовой стоимости павшей лошади, тогда как следовало исходить из трехкратной стоимости по заготовительным ценам. Суд, согласившись с этим заключением прокурора, постановил неправильное решение. Прокурор Сталинского района Днепропетровской области при рассмотрении дела народным судом Сталинского района по иску колхоза имени Микояна к Сталинскому отделению «Днепрсельэнерго» о возмещении стоимости трех лошадей дал заключение об удовлетворении иска, исходя из трехкратной стоимости по заготовительным ценам, тогда

как это правило в отношениях между колхозами и организациями не может быть применено. Кроме того, дело было рассмотрено в отсутствие ответчика, при отсутствии данных о вручении ему повестки, чем грубо нарушена ст. 116 ГПК Украинской ССР.

Неправильно в отдельных случаях прокуроры дают заключения по искам к колхозам о вознаграждении за работу, произведенную в колхозе лицами, не состоящими членами колхоза. Лосев обратился в народный суд Либкнехтовского района Ставропольского края с иском к колхозу «Красное Знамя» о выплате ему вознаграждения за работу в колхозе за 613 трудодней. Прокурор района т. Никитин, выступая в суде по этому делу, дал неправильное заключение об удовлетворении иска, а суд с его заключением согласился. По делу установлено, что Лосев не является членом колхоза, следовательно, в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. он при доказанности иска имеет право на вознаграждение за труд продуктами или деньгами применительно к существующей в данной местности заработной плате рабочих и служащих соответствующих категорий труда, но не в трудоднях.

В ряде случаев прокуроры дают неправильные заключения по делам об исключении из описи имущества. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 марта 1948 г. № 8/5/У «надлежащими ответчиками по этим делам являются должник и те организации и лица, по претензиям которых было описано у должника имущество. Если опись произведена в связи с приговором о конфискации имущества, то в качестве ответчика должен быть привлечен финансовый отдел». Суды же это правило нарушают, ответчиков в судебные заседания часто не вызывают, постановляют решения по неисследованным материалам дела. Прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, на эти нарушения часто не реагируют, дают заключения по необследованным материалам дела и по существу неправильные. Так народный суд 2-го участка Сталинского района Красноярского края по делу Сергеевой об исключении из описи имущества, описанного в связи с конфискацией, не привлек в качестве ответчика районный финансовый отдел, а прокурор того же района, участвовавший в суде по этому делу, на нарушения суда не реагировал, дал заключение об удовлетворении иска без достаточных к тому оснований.

С такими же нарушениями народным судом 3-го участка Сиабского района Самаркандской области было рассмотрено дело по иску Носимова об исключении из описи имущества. Прокурор района т. Курбанов, участвовавший в судебном заседании по этому делу, дал неаргументированное заключение, которое в протоколе судебного заседания записано так: «заявле-

ние истца о снятии ареста с имущества является основательным».

Отдельные прокуроры не только не разбираются в делах этой категории по существу, но и не понимают своей роли в судебном процессе. Характерным с этой точки зрения является дело народного суда 3-го участка г. Джамбула по иску Татарниковой и Дваченко об исключении из описи имущества. Прокурор г. Джамбула т. Мухамедов дал не только неправильное, но совершенно безграмотное заключение, которое в протоколе судебного заседания записано так: «В части коровы, так как у нее трое детей, то я не против, прошу исключить из описи имущества корову». Помощник прокурора г. Чернигова т. Кирьянова по делу Кундина об исключении из описи имущества, описанного в связи с конфискацией, дала следующее заключение: «Деньги и облигации принадлежат осужденному Могилевичу, которые подлежат конфискации, а в остальном полагаюсь на усмотрение суда».

Во многих случаях прокуроры, формально относясь к подготовке к выступлению в суде и давая неправильные заключения, не только не помогают судам, а, наоборот, иногда ориентируют их на вынесение неправильных судебных решений.

Народным судом Заокского района Тульской области 16 февраля 1952 г. рассмотрено дело по иску колхоза «Новая жизнь» к Рудневу о возмещении ущерба, причиненного гибелью лошади. В деле были две справки о стоимости погибшей лошади по предельно-закупочным ценам, тогда как колхозу следовало приобщить справку о стоимости погибшей лошади по заготовительным ценам. Прокурор этого района т. Красинский, участвовавший в судебном заседании по этому делу, должен был возбудить ходатайство перед судом об истребовании справки о стоимости погибшей лошади по заготовительным ценам, однако он этого не сделал и дал неправильное заключение о взыскании с ответчика денежной суммы в пользу колхоза. Суд с этим неправильным заключением согласился и вынес неправильное решение, которое областным судом было отменено.

Помощник прокурора г. Актюбинска Болыслаев в народном суде 2-го участка г. Актюбинска дал заключение об отказе в иске Зверевой А. Г. к Актюбинской базе «Маслопрома» о восстановлении на работе. Народный суд с заключением прокурора согласился и вынес по существу неправильное решение. Как установлено по делу, Зверева к моменту увольнения ее с работы была беременна на седьмом месяце, в силу чего согласно постановлению НКТ РСФСР от 8 августа 1922 г. она могла быть уволена только с разрешения органа охраны труда.

Из материалов дела народного суда Ша-

кяйского района по иску Якайтене к районному отделу здравоохранения о восстановлении на работе усматривалось, что исковые требования Якайтене были рассмотрены в РКК, где стороны пришли к соглашению, признали увольнение Якайтене правильным. При таком положении народный суд не имел оснований для принятия этого дела к своему производству. Однако дело было принято судом к своему производству. Участвовавший в суде при рассмотрении этого дела помощник прокурора Шакайского района т. Кожемекайтис не помог суду исправить допущенную ошибку и вместо заявления ходатайства о прекращении дела просил народный суд в иске отказать. Суд с этим заключением согласился и в нарушение ст. 169<sup>а</sup> Кодекса законов о труде вынес неправильное решение.

Народный суд Усть-Джегутинского района Ставропольского края 14 июля 1952 г. вынес частное определение в адрес помощника прокурора того же района т. Леуса, который явился в суд с опозданием, не ознакомился с делом, назначенным к слушанию, и в результате дал заключение по делу без ссылки на закон и на обстоятельства дела. Народный суд правильно определил участие прокурора Леуса не как помощь народному суду в правильном разрешении дела, а как «отбытие очереди» ради отражения в статистическом отчете «участия» в суде.

Нередки случаи, когда прокуроры, участвуя в суде по своим искам, не исправляют ошибок, допущенных ими при предъявлении иска. Например, прокурор Тумаковского района Смоленской области т. Кураевский предъявил иск к председателю колхоза «Красный Восток» Каудину, его заместителю Корешкову и бригадирам Майорову и Бабошкиной о возмещении за гибель картофеля, льна и овса в поле, не выяснив при этом причин гибели урожая и вины в этом ответчиков. Участвуя в суде при рассмотрении этого дела, т. Кураевский поддержал свой иск. Суд с его заключением согласился и вынес неправильное решение, которое по протесту Прокурора РСФСР Верховным судом РСФСР было отменено.

Большое значение имеет форма заключения прокурора. Прокурор не должен забывать, что он является представителем государства и обязан позаботиться о качестве своего заключения.

К сожалению, далеко не все наши прокуроры понимают это. Так прокурор Архангельского района Ставропольского края т. Проскурин, выступая по иску колхоза «Красный пахарь» к Шиякову И. И. и Подколзиной Г. Н. о возмещении 2400 руб. за порыв лесонасаждений, дал следующее заключение: «Я считаю, товарищи судьи, что это дело такое запутанное и так трудно понять, кто здесь виноват. Самым умным здесь оказался лесник, он обвел всех вокруг пальца... Вот уже пять

часов жем по ответственности в суде что суд мощь оправд

Если формал уверен ключен гласиле ние на го раз прокур ключен протест жет бы бо те дано в сеенное являетс всегда принци

Так, района в поря в полн возмеш коровы тель ке в гибе погибл: мы. П, дании, этом, не при га. Ка не мог. как сн вала к шел о ны Фн гласиле становл этого « конкре чение ствами протест было г

Прок ской с ГПК : Гайдар имени чиненн: седани: с его з: отказа: значит: ветчки: рябая, шение: района

Важн: го в с: цессуал:

часов мы с вами рассматриваем и не можем понять, кто же самый главный ответственный». А ведь т. Проскурин выступал в суде в порядке ст. 2 ГПК. Безусловно, что суд в данном случае надеялся на помощь прокурора, но надежды суда не оправдались.

Если прокурор, участвующий в суде не формально, а с надлежащей подготовкой, уверен в том, что им дано правильное заключение, а суд с его заключением не согласился, он должен опротестовать решение народного суда и добиться правильного разрешения дела. Между тем многие прокуроры в случаях расхождения их заключений с решениями судов не приносят протестов. Такое поведение прокурора может быть объяснено двумя причинами: либо тем, что заключение прокурора было дано неправильно, а решение суда, вынесенное в противоречии с его заключением, является правильным, либо тем, что не всегда прокуроры проявляют должную принципиальность.

Так, например, прокурор Сергиевского района Куйбышевской области предъявил в порядке ст. 2 ГПК иск к Филипповой в пользу колхоза «Вторая пятилетка» о возмещении ущерба, причиненного гибелью коровы. В судебном заседании представитель колхоза заявил, что вины Филипповой в гибели коровы нет, так как последняя погибла в результате обвала крыши фермы. Прокурор, участвуя в судебном заседании, поддержал иск, утверждая при этом, что Филиппова виновна в том, что не приняла мер к очистке крыши от снега. Как установлено по делу, Филиппова не могла предотвратить обвала крыши, так как снегопад, послуживший причиной обвала крыши, был ночью, и к утру произошел обвал крыши. Суд, не установив вины Филипповой в гибели коровы, не согласился с заключением прокурора и постановил решение об отказе в иске. Из этого следует, что прокурор, не установив конкретно вины Филипповой, дал заключение в суде в противоречии с обстоятельствами дела, и, конечно, по этой причине протеста по этому делу прокурором не было принесено.

Прокурор Носовского района Черниговской области т. Клева в порядке ст. 3 ГПК Украинской ССР предъявил иск к Гайдарову и Миквичеву в пользу колхоза имени Кирова о возмещении ущерба, причиненного гибелью телки. В судебном заседании т. Клева поддержал свой иск. Суд с его заключением не согласился и в иске отказал по мотиву, что в акте вскрытия значится телка красно-рябой масти, а ответчики заявили, что телка была не красно-рябая, а красная. Несмотря на то, что решение суда явно неправильное, прокурор района не принес протеста.

Важной задачей прокурора, участвующего в суде, является реагирование на процессуальные нарушения, допускаемые су-

дами при разрешении гражданских дел. Однако далеко не всегда прокуроры реагируют на процессуальные нарушения судов.

Народный суд Петропавловского района Днепропетровской области рассмотрел дело по иску колхоза имени Маленкова к Дулай Л. Ф. о взыскании 1483 руб. в отсутствие истца и при отсутствии данных о вручении последнему повестки о вызове в судебное заседание. Участвовавший в суде по этому делу прокурор того же района т. Бажин не реагировал на нарушение, допущенное судом.

Большое значение для вынесения правильного решения суда имеет протокол судебного заседания как документ, отражающий процесс судоговорения. Ст. 112 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик устанавливают, что участвующие в деле лица допускаются к обозрению протокола и могут не позднее трехдневного срока со дня его утверждения представлять замечания на него. Это право прокурорами исполняется крайне редко. Между тем в протоколах судебных заседаний заключения прокурора в суде по гражданским делам записываются очень кратко и в ряде случаев безграмотно. Среди сотен изученных дел, рассмотренных судами Красноярского края, только в одном протоколе судебного заседания найдено замечание прокурора. А ведь протоколы судебных заседаний Красноярского края оформлялись небрежно, нередко судьями не подписывались, в ряде случаев содержали неправильные записи, в том числе и заключения прокурора.

В протоколе судебного заседания народного суда Емельяновского района указанного края по иску прокурора района в порядке ст. 2 ГПК к Елесиной о возмещения ущерба колхозу, причиненного гибелью быка, заключение прокурора записано совершенно в искаженном виде: «возместить двум телятницам и сторожу, так как сторож не передал телятницам, а телятницы сторожу». Понять смысл такой записи заключения прокурора почти невозможно. Однако, несмотря на это исключительное искажение, прокурор, участвовавший в судебном заседании, не сделал своего замечания на эту запись.

В решении народного суда 1-го участка Центрального района г. Тулы по иску Ключкова А. Е. к районному финансовому отделу об исключении из описи имущества (описанного в связи с осуждением его жены Ключковой по ст. 107 УК РСФСР к семи годам лишения свободы с конфискацией имущества) заключение помощника прокурора Центрального района т. Федоровой записано в следующем виде: «Я с представителем райфо Центрального района согласна, прошу комод и диван не исключать из описи имущества за недоказанностью свидетелей; в отношении гардероба и ковра, также эти две вещи нажиты при совместной жизни с Ключковой, поэтому

следует разделить вещи между Ключковыми. Машину я прошу не исключать за недоказанностью свидетелей». Из беседы прокурора с народным судьей выяснено, что помощник прокурора т. Федорова дала квалифицированное заключение по указанному делу, но секретарь судебного заседания неправильно записал это заключение. Однако т. Федорова не внесла замечания по поводу неправильной записи ее заключения.

В ряде случаев заключения прокуроров в протоколах судебных заседаний вообще не записываются. Так в народном суде Дмитриевского района Черниговской области прокурор района т. Червяков выступал

по иску районного финансового отдела к Пархоменко, но в протоколе судебного заседания его заключение не записано.

Столь существенные недостатки свидетельствуют о том, что многие прокуроры формально относятся к своим заключениям в суде по гражданским делам, к выступлению в суде не готовятся. Это обязывает районных и городских прокуроров, как и прокуроров республик, краев и областей, в соответствии с требованиями приказа Генерального Прокурора СССР от 1 июля 1950 г. № 106, повысить качество заключений прокуроров в судах по гражданским делам.

А. Барышев

## АКТИВНЕЕ БОРЬБУ ЗА СОХРАННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 131 Конституции СССР возлагает на граждан СССР обязанность беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как источник богатства и могущества нашей родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся и устанавливает, что лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

Анализ преступности показывает, что хищения социалистической собственности сокращаются.

Однако они у нас еще полностью не изжиты. Нередко дельцы пользуются ротозейством тех, кому положено проверять служебную деятельность подчиненных лиц, а эти ротозеи, возглавляя учреждения и предприятия, утверждают заведомо незаконные документы — сделки, что создает у воров представление о своей безнаказанности и содействует им в беззастенчивом обворовывании государства.

Характерным примером расхищения государственных средств при ротозействе руководителя учреждения является дело об осужденных работниках Шекснинского пароходства: главном бухгалтере Болотове, юриконсульте Антонове, нагло залезавших в государственный карман, при прямом покровительстве начальника финансового отдела этого пароходства Куликова и при ротозействе начальника пароходства Еремина. Болотов и Антонов, ссылаясь на несуществующие законы, мошеннически получили из пароходства с ведома Куликова до 50 тыс. руб. Наглость их дошла до того, что Болотов, имея в личной собственности один дом в г. Вытегре, купил себе второй дом в г. Череповце за 28 тыс. руб., вселился в него, но затем решил, что эта коммерческая операция ему невыгодна, так как стоимость дома на деле вдвое дешевле,

и выплатил частнику эту крупную сумму за счет пароходства. Затем юриконсульт Антонов, идя навстречу своему приятелю Болотову, по просьбе последнего, предъявляет в народном суде иск об отобрании от Болотова этого дома и передачи его пароходству, поскольку оно фактически уплатило деньги. Замешая народного судью, Антонов под своим председательством вынес решение народного суда об удовлетворении этого иска. Между тем нужно было признать сделку противозаконной, деньги взыскать с Болотова, а дом обратить в доход государства. Такая мошенническая операция проходила на глазах у всех, в том числе у начальника пароходства, однако к мошенникам не только не было принято каких-либо мер, но некоторые товарищи даже из Министерства речного флота СССР пытались уладить «конфликт» мирным путем.

Борьба с хищениями социалистической собственности должна вестись всеми гражданами СССР и не только против самих расхитителей, но и против их прямых и косвенных пособников, подстрекателей, против тех, при попустительстве которых создаются или облегчаются возможности хищения государственных средств.

Еще в мае 1921 года Ленин в наказе Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям, внесенном на обсуждение III сессии ВЦИК, указывая на необходимость усиления ответственности за хищения государственной собственности в хозяйственных предприятиях, ставил вопрос: «Привлекаются ли к ответственности управляющие? Правления? Фабкомы? (за недостаточность борьбы с хищениями)» (Соч., т. 32, стр. 372).

Эти требования Ленина должны в точности соблюдаться и теперь, так как нельзя мириться с таким положением, когда

руководы и на их стоят сохранности.

Органы всякий телей здающ для х лицамности.

Что кателе ственн чаях, с дей ством Прези. 4 июнности, щества каться раться

Това владе зал на ления дарств эконо стичес мы до тании отношской с

Такс должн. Одним дебны что ко тов. М и пра пагад ков, хо меропр дей в в том и коог ляюще ным.

Реш: циалис здание к расх существ чие к нению

Общ ная дл луй, м тельно нежел

Това зывал ров «. kota (Соч.,

руководители учреждений и предприятий и наши общественные организации иногда стоят в стороне от активной борьбы за сохранность социалистической собственности.

Органы, которым положено непосредственно бороться с воровством, должны всякий раз выявлять роль руководителей учреждений и предприятий, создающих либо облегчающих возможности для хищения подчиненными им по службе лицами, и ставить вопрос об их ответственности.

Что же касается пособников и подстрекателей к хищениям социалистической собственности, то они всегда и во всех случаях, невзирая на лица и в соответствии с действующим уголовным законодательством и прежде всего на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества», должны привлекаться к уголовной ответственности и караться по закону.

Товарищ Г. М. Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии указал на необходимость неуклонного укрепления экономической мощи нашего государства, строжайшего соблюдения режима экономии, охраны и сохранности социалистической собственности. Он указал, что мы должны неустанно заботиться о воспитании советских людей в духе бережного отношения к общественной, социалистической собственности.

Такое воспитание советского народа должно идти во многих направлениях. Одним из них является популяризация судебных приговоров и пропаганда права, что ко многому обязывает советских юристов. Между тем наши юристы, теоретики и практики, почти не занимаются пропагандой права среди рабочих и колхозников, хотя она могла бы явиться серьезным мероприятием в воспитании советских людей в духе предупреждения преступлений, в том числе хищений государственного и кооперативно-колхозного имущества, являющегося священным и неприкосновенным.

Решающим в борьбе с хищениями социалистической собственности является создание атмосферы общественной ненависти к расхитителям народного добра, так как существующее во многих местах безразличие к этому делу не способствует искоренению хищений.

Общественный бойкот — мера очень важная для искоренения хищений, и его, пожалуй, можно считать по силе предупредительного воздействия даже большей мерой, нежели судебный приговор.

Товарищ Сталин еще в 1926 году указывал на необходимость создать вокруг воров «...атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики» (Соч., т. 8, стр. 136).

Если бы было лучше обеспечено проведение в жизнь этого указания товарища Сталина, был бы значительно больший успех в охране социалистической собственности от растаскивания ее ворами.

Как ни странно, но иногда еще имеют место факты, когда не только не создается вокруг воров атмосферы общего морального бойкота, а, наоборот, некоторые руководители учреждений и хозяйственных организаций берут под свою защиту расхитителей социалистической собственности. Это выражается либо в форме несообщения о выявленных растратах в органы следствия либо в форме всевозможных просьб пощадить расхитителя. А так как формы хищений социалистической собственности бывают разнообразными, то обычно такие ходатаи объясняют свое неправильное поведение каким-то непониманием юридических тонкостей в действиях привлекаемых к судебной ответственности лиц. Не так давно прокуратурой был привлечен к уголовной ответственности за растрату 18 тысяч руб., совершенную в 1949 году, капитан рыбной промышленности Цыганко. Кстати сказать, в 1951 году этот Цыганко был судим за аварию корабля с тяжелыми последствиями, которую он совершил, будучи пьян. И, несмотря на такое положение, бывший заместитель Министра рыбной промышленности СССР т. Кузнецов принимал различные меры к освобождению Цыганко от ответственности.

Нужно решительно бороться с неправильным отношением некоторых товарищей к охране и сохранности социалистической собственности. Нужно к расхитителям народного имущества неуклонно применять меры судебной репрессии, предусмотренные указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Нужно предпринять меры для того, чтобы с большей эффективностью осуществлять на практике указания товарища Сталина о создании атмосферы общего морального бойкота и ненависти к ворами.

К числу неотложных мероприятий, по нашему мнению, нужно отнести следующие:

1. Создать в районных центрах организацию по пропаганде советского права, первоочередной задачей которой считать ведение работы, связанной с охраной и сохранностью социалистической собственности.

2. Умело и широко популяризовать среди рабочих и колхозных масс судебные приговоры, карающие воров, проводить судебные процессы по такого рода делам в выездных сессиях в целях обострения и усиления общественного презрения к расхитителям социалистической собственности и их пособникам. В этих же целях, контактируя работу с местными партийными органами, судебные и прокурорские работ-

ники должны пользоваться страницами местных органов печати.

Борьба с расхитителями народного добра путем применения к ним установленного законом уголовного наказания и создание

атмосферы общего морального бойкота и ненависти к этим расхитителям и к их покровителям — вот наша задача.

А. Ренев

## ПРОПАГАНДА СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ — ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ

Прокурор г. Оша Киргизской ССР т. Копылова в своей заметке «Пропаганда советских законов» («Социалистическая законность» 1953 г. № 1) подняла очень важный вопрос об обязанности прокурорских и судебных работников выступать перед рабочими и служащими с лекциями о социалистической законности. Тов. Копылова правильно указывает, что журнал «Социалистическая законность» должен поставить перед юристами и в особенности перед прокурорами и судьями задачу всемерно пропагандировать советские законы среди наших трудящихся, и не только поставить такую задачу, но и оказать судебным работникам действенную помощь.

Лекционная деятельность юристов безусловно оказывает самое благотворное влияние на советских людей, они с охотой посещают лекции, задают большое количество вопросов. Усиление пропаганды советского законодательства будет не только способствовать сокращению преступности, но и в значительной степени уменьшит количество трудовых и жилищных споров в судах.

Работники прокуратуры г. Вологды, в особенности прокурор города и помощники городского прокурора, систематически читают лекции на предприятиях и в учреждениях города. Нередко можно увидеть в роли лектора и народного судью. Однако прокуратура города и народные судьи не могут обеспечить полностью больших запросов организаций и предприятий. К сожалению, в это важнейшее дело не включились многочисленные коллективы областной прокуратуры, управления Министерства юстиции и областного суда.

Серьезными недостатками в нашей лек-

ционной работе является то, что эта работа носит кампанейский характер, нет у нас продуманного плана систематической лекционной работы, и в этом в значительной мере повинны руководители юридической секции городского культпросветотдела.

Чтение лекций для трудящихся на юридические темы должно сопровождаться и неизменно сопровождается повышением идейно-политического уровня самих лекторов. Прокурор, судья, работник управления Министерства юстиции, готовясь к лекциям, сам обогащает свои знания, повышает свой кругозор, политическую подготовку и тем самым совершенствуется и в своей практической работе.

В связи с этим нельзя никак согласиться с т. Копыловой в той части, где она сетует на отсутствие готовых лекций. Там, где лекции, разработанные одним лектором, читаются другими товарищами по готовому тексту, допускается, по нашему мнению, грубая политическая ошибка, опошляющая столь благородное дело. Наши прокуроры и судьи — достаточно способные юристы, чтобы не только прочесть лекцию, но и самим ее разработать. Тов. Копыловой, которая жалуется на трудность самостоятельно написать лекцию, можно ответить, что быть воспитателем масс, конечно, трудно, но ради такой благородной работы можно и потрудиться.

В свете решений XIX съезда Коммунистической партии пропаганда советских законов прокурорами, судьями и другими юристами является одной из важнейших их задач.

Помощники прокурора г. Вологды

И. Полоцкий и В. Шестопалов

## О ТЕХ, КТО НЕ СЧИТАЕТ НУЖНЫМ ПРАВИЛЬНО И СВОЕВРЕМЕННО РАЗРЕШАТЬ ЖАЛОБЫ

Работа районного прокурора по рассмотрению жалоб граждан имеет огромное политическое значение. Оценку работы районного прокурора по рассмотрению жалоб, поступивших в прокуратуру, вышестоящая прокуратура и граждане, получившие ответы на свои жалобы и заявления, делают на основании правильности разрешения жалобы и своевременности ее рассмотрения.

«Советские люди обращаются со своими предложениями и просьбами в наши учреждения и организации как хозяева страны, участвующие в управлении государством, — писала «Правда» 18 апреля 1950 г. — Поэтому своевременное, правильное и чуткое рассмотрение писем, заявлений, жалоб трудящихся является обязанностью всех наших учреждений и общественных организаций. Руководитель любого советского

учреждения, любой организации должен постоянно помнить, что он призван служить народу, честно работать для народа, своевременно и правильно отвечать на запросы трудящихся».

Прокурор района в силу своих служебных обязанностей обязан рассматривать жалобы и заявления граждан в установленные законом сроки. Он обязан систематически в порядке общего надзора проводить в организациях, учреждениях и предприятиях в районе, своевременно ли и правильно ли рассматриваются жалобы. Особенное внимание должно быть обращено прокурором на жалобы о злостном уклонении родителей от уплаты алиментов на детей. Получив такую жалобу, прокурор обязан принять срочные меры, о чем сообщить заявителю.

Но некоторые прокуроры г. Киева не отвечают на жалобы граждан по несколько месяцев, грубейшим образом нарушают приказ Генерального Прокурора СССР от 28 января 1948 г. № 29 «об усилении надзора за точным исполнением законов о взыскании алиментов на детей».

В прокуратуру Туровского района Белорусской ССР 24 октября 1952 г. обратилась с жалобой гр-ка Михайшина К. У., проживающая в пос. Туров. В своей жалобе она сообщала, что обращалась с жалобой к прокурору Кагановичского района г. Киева о том, что ее муж Михайшин Иван Григорьевич с 15 июня 1952 г. не уплачивает алиментов на детей. Михайшина заявила, что она неоднократно обращалась в народные суды и к судебным исполнителям Кагановичского района г. Киева, но алиментов на детей не получала, а получила лишь от судебных исполнителей три ответа, в которых указывалось, что исполнительный лист направлен для исполнения, но в этих письмах не сказано, а какова же задолженность и как необходимо производить удержание до ликвидации задолженности, каковы причины задержки выплаты алиментов. Такие ответы — бюрократическая отписка.

В связи с тем, что Михайшина жаловалась на судебные органы и прокурора Кагановичского района г. Киева, мною ее жалоба 24 октября 1952 г. заказным письмом № 146кл/520 была послана прокурору г. Киева. Начальник гражданско-судебного отдела прокуратуры г. Киева Леонов 11 ноября 1952 г. направил за № 8(306—121м/1860) жалобу Михайшиной прокурору Кагановичского района г. Киева, на которого и жаловалась Михайшина. 11 ноября 1952 г. (№ 2/213) прокурор Кагановичского района Далинский направил жалобу судебному исполнителю народного суда 1-го участка Кагановичского района г. Киева. Судебный исполнитель народного суда 1-го участка Кагановичского района 17 ноября 1952 г. (№ 1300) направил ис-

полнительный лист главному бухгалтеру артели «Снабвзуття».

Жалоба Михайшиной продвигалась быстро: с 24 октября 1952 г. по 17 ноября 1952 г., т. е. за 24 дня, она прошла шесть инстанций — от прокуратуры Туровского района до артели «Снабвзуття». Но быстро двигалась только жалоба, а дети алиментов не получали. И лишь в середине декабря 1952 года Михайшина получила 546 руб. алиментов за октябрь и ноябрь 1952 года. А где алименты за вторую половину июня, июль, август и сентябрь 1952 года, Михайшина и до настоящего времени не знает. Она ожидала ответа, в котором было бы сказано, почему длительное время не высылались алименты на детей, когда будут высланы алименты и в какой срок ликвидируется задолженность. Ведь без ответа на все эти вопросы жалобу Михайшиной следует считать неразрешенной и до настоящего времени, что представляет собою грубейшее нарушение закона.

Постановлением ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. категорически запрещено пересылать жалобы на рассмотрение тех учреждений и лиц, на действия которых принесена жалоба, но прокурор г. Киева почему-то направил жалобу Михайшиной прокурору Кагановичского района, на которого она жаловалась, а прокурор Кагановичского района, не произведя проверки, направил жалобу судебному исполнителю, который в свою очередь направил жалобу без проверки дальше. В результате безответственного отношения к жалобе Михайшиной она с 15 июня 1952 г. по 25 февраля 1953 г. получила алименты лишь за два месяца. Больше она не получает ни алиментов, ни ответов.

Ко мне поступила новая жалоба от Михайшиной, пошло новое напоминание прокурору г. Киева заказным письмом от 15 декабря 1952 г., но и на это напоминание ответа нет.

13 января 1953 г. я послал заказное письмо прокурору Украинской ССР. Идут месяцы — и ни ответа, ни алиментов нет.

По всей вероятности, перечисленные в корреспонденции судебные и прокурорские работники не считают нужным выполнять постановление Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г., принятое по сообщению Генерального Прокурора СССР, и приказ Генерального Прокурора СССР от 28 января 1948 г. № 29 «об усилении надзора за точным исполнением законов о взыскании алиментов на детей», а злостно уклоняемся от уплаты алиментов на детей Михайшину Ивану Григорьевичу как раз и нужны такие судебные и прокурорские работники.

Прокурор Туровского района  
Полесской области Белорусской ССР

А. Макаренко

## БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ НАЧАЛЬНИКОВ ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, внесший существенные изменения в ранее действовавшую систему судебного надзора, установил, в частности, что право принесения протеста в порядке надзора принадлежит лишь Прокурору СССР или прокурору союзной республики, Председателю Верховного суда СССР и Председателю Верховного суда союзной республики (ст. 16). В связи с этим начальником областных управлений Министерства юстиции вообще не предоставлено право принесения протестов в порядке судебного надзора, а права местных органов прокуратуры в этой части ограничены только правом истребования дела в порядке надзора. Этим же правом обладают также председатели окружных, областных, краевых судов и верховных судов автономных республик.

Считая, что то или иное дело разрешено неправильно, районный или областной прокурор, председатель областного или соответствующего суда, равно как и народный судья, вправе сделать представление прокурору республики или председателю верховного суда соответствующей союзной республики, от которых и зависит окончательное разрешение вопроса о принесении протеста в порядке надзора.

Начальник областного (краевого) управления министерства юстиции также вправе сделать представление Председателю Верховного суда республики для опротестования незаконного или необоснованного, по его мнению, приговора, решения или определения. Однако право начальников областных управлений министерства юстиции делать представления по отдельным делам ограничено лишь случаями, когда незаконность или необоснованность приговора, решения или определения выявлена при реВИЗИИ суда.

Мы считаем, что председатель верховного суда республики обязан рассмотреть представление и в случае несогласия с доводами представления подробно мотивировать причины, по которым оно отклонено. Это особенно важно потому, что зачастую необоснованные представления являются результатом неправильного понимания закона работниками областного управления юстиции, которые по этой причине могут неправильно ориентировать народные суды. Верховный суд, являясь высшим органом правосудия в республике, призванным осуществлять надзор за судебной деятельностью судебных органов, должен указать на эти ошибки, добиться их устранения.

К сожалению, Верховный суд Украинской ССР не придает должного значения представлениям по отдельным делам и к рассмотрению их во многих случаях от-

носится формально. Нередко представления отклоняются без указания каких-либо мотивов: «ввиду отсутствия оснований к истребованию дела в порядке надзора». В ряде случаев представления отклоняются по явно несостоятельным мотивам, которые могут только дезориентировать суды. Тут же следует отметить, что ответы на представления приходят из Верховного суда Украинской ССР, как правило, спустя продолжительное время.

Вот один из характерных примеров. Народным судом 7-го участка Сталинского района г. Запорожья 21 февраля 1952 г. осуждены Шульга и Бондаренко по ст. 70, ч. 1, УК Украинской ССР к одному году лишения свободы каждый. Материалами дела установлено, что обвиняемые Шульга и Бондаренко, будучи в нетрезвом состоянии, набросились на проходившего мимо них Ефремова, избивали его и отобрали у него его вещи. Это обстоятельство подтверждено показаниями потерпевшего Ефремова и ряда свидетелей — Кузьменко, Денисенко, Волокитиной, Парчикова.

Начальник управления юстиции в своем представлении 24 марта 1952 г. поставил вопрос о неправильной квалификации действий обвиняемых, совершивших по существу разбойное нападение, а не хулиганство. Только 23 июня, т. е. через три месяца, заместитель Председателя Верховного суда Украинской ССР т. Уризенко ответил, что это представление отклонено за отсутствием оснований для опротестования приговора: «Суд правильно квалифицировал действия осужденных по ст. 70 УК, — говорится в ответе, — так как из показаний потерпевшего Ефремова и свидетелей, допрошенных в судебном заседании, усматривается, что Бондаренко и Шульга, будучи в пьяном состоянии, из хулиганских побуждений отобрали у Ефремова две бутылки водки и нанесли побой...» Получается, таким образом, что завладение чужим имуществом с применением насилия, совершенное из хулиганских побуждений, исключает ответственность по указу от 4 июня 1947 г. и должно квалифицироваться как хулиганство.

Такая позиция Верховного суда Украинской ССР представляется неправильной.

Заслуживает внимания дело по обвинению Романенко по ст. 56—30-а УК Украинской ССР. Определением Запорожского областного суда от 3 июня 1952 г. был отменен оправдательный приговор народного суда по этому делу. Романенко вменялось в вину нарушение трудовой дисциплины, выразившееся в том, что она, работая кондуктором моторного вагона, дала сигнал на отправление трамвая, не получив сигнала от кондуктора прицепного вагона, что при-

вело к  
Област  
доказа  
казани  
ко, Ка.  
свидете  
кондук  
что он  
сигнал  
Только  
что он  
Бочков  
дела,  
в осно  
заинтер  
дуктор  
бы дов  
то, воз  
нии к  
енко,  
изошел  
делу вс  
ственно  
ный слу  
ности,  
пешнего  
ва, Боч  
установ  
ся в не  
пьяный  
полным  
Следова  
счастно  
ного су  
оправда  
в соотв  
чальник  
поставил  
ластного  
говора  
менее п  
ло откл  
либо м  
Председ  
ССР т.

Такое  
(дело Т  
ко и др

В рав  
к рассм  
ской СС  
делам,  
без всяк  
правиль

После  
лы Смен  
СССР на  
20 июля  
в расп  
«Главгас  
сту рабо  
был на  
ста по  
республи  
не предо  
ствии с  
цок сове  
чение ук  
поражен

шло к несчастному случаю с Никитенко. Областной суд указал, что вина Романенко доказана как ее объяснениями, так и показаниями свидетелей Бочковой, Артеменко, Калашникова и других. Между тем все свидетели, за исключением Бочковой — кондуктора прицепного вагона, — показали, что они не помнят, давала ли Бочкова сигнал на отправление или не давала. Только Бочкова категорически утверждала, что она сигнала не давала. Показания же Бочковой, не подкрепленные материалами дела, вообще не могли быть положены в основу приговора, так как она является заинтересованной в исходе дела, как кондуктор прицепного вагона, ибо если было бы доказано, что Бочкова давала сигнал, то, возможно, встал бы вопрос о привлечении к уголовной ответственности не Романенко, а Бочковой (несчастный случай произошел в прицепном вагоне). По данному делу вообще не могла идти речь об ответственности работников трамвая за несчастный случай, ибо материалами дела (в частности, категорическими показаниями потерпевшего Никитенко, свидетелей Калашникова, Бочковой, Чоботы, Ищенко и других) установлено, что Никитенко, находившегося в нетрезвом виде, толкнул неизвестный пьяный гражданин, когда трамвай шел волным ходом, а не во время отправления. Следовательно, виновность Романенко в несчастном случае исключается, и у областного суда не было оснований для отмены оправдательного приговора, вынесенного в соответствии с материалами дела. Начальник управления юстиции обоснованно поставил вопрос об отмене определения областного суда и оставлении в силе приговора народного суда по делу. Тем не менее представление от 8 июня 1952 г. было отклонено Верховным судом без каких-либо мотивов (письмо и. о. заместителя Председателя Верховного суда Украинской ССР т. Ярославского от 16 сентября).

Такое же положение и по другим делам (дело Тараненко, Юрьеско И. Ф., Яковенко и др.).

В равной мере эти замечания относятся к рассмотрению Верховным судом Украинской ССР представлений по гражданским делам, которые также отклоняются часто без всяких мотивов, а иногда по явно неправильным мотивам. Приведу пример.

После окончания Высшей торговой школы Сметюк А. И. Министерством торговли СССР на основании удостоверения № 44 от 20 июля 1951 г. был направлен на работу в распоряжение Украинской конторы «Главгастронома» со сроком прибытия к месту работы 15 августа 1951 г. Сметюк прибыл на работу своевременно, но с 15 августа по 10 сентября 1951 г. Украинская республиканская контора «Главгастронома» не предоставляла ему работы в соответствии с назначением, вследствие чего Сметюк совершил вынужденный прогул в течение указанного времени, после чего распоряжением Министерства торговли

Украинской ССР был направлен на другую работу. Так как прогул им был совершен по вине Украинской конторы «Главгастронома», своевременно не согласовавшей вопроса о предоставлении Сметюку работы по назначению, он обратился в народный суд с иском о вознаграждении за вынужденный прогул. Народный суд иск удовлетворил. Судебная коллегия по гражданским делам Запорожского областного суда решение народного суда отменила и отказала Сметюку в иске. В обоснование своего определения судебная коллегия указала, что, так как Сметюк был назначен на должность управляющего Украинской конторой «Главгастронома», которая является ответственной работой, предусмотренной перечнем № 1, утвержденным постановлением НКТ от 13 октября 1929 г., народный суд не имел права рассматривать дело по иску Сметюка о вознаграждении за вынужденный прогул, так как эти споры подлежат рассмотрению в судебном порядке лишь в том случае, если увольнение ответственного работника признано вышестоящей организацией неправильным.

Но очевидно, что эти доводы к данному делу не имеют никакого отношения. В соответствии с постановлением НКТ СССР от 13 октября 1929 г. и п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. № 1 не подлежат рассмотрению в судах дела о восстановлении на работе лиц, должности которых предусмотрены в специальных перечнях, утвержденных НКТ СССР 13 октября 1929 г., а дела о взыскании за вынужденный прогул могут рассматриваться в судебном порядке лишь в случае, если увольнение признано вышестоящим органом неправильным. В данном же случае, как отмечено выше, причиной вынужденного прогула является не неправильное увольнение, а непредоставление истцу работы в соответствии с назначением Министерства торговли СССР. Следовательно, правило, установленное п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. № 1 «О судебной практике по гражданским трудовым делам», на эти случаи не распространяется, ибо здесь не было ни увольнения, ни восстановления в должности. Эти мотивы и были изложены в представлении начальника управления юстиции. Правильность этих мотивов не вызвала сомнений. Тем не менее и это представление было отклонено. Характерно, что в ответе Верховного суда повторены приведенные выше мотивы, но сделан явно неправильный вывод, что областной суд правильно отказал в иске. Обращает на себя внимание и нелогичность этого ответа: если данный спор неподведомствен судебным органам, то областной суд должен был прекратить дело, а не отказывать в иске.

Представление по данному делу было поддержано Председателем Верховного суда СССР, по протесту которого Верховный суд Украинской ССР все же рассмотрел

дело и отменил неправильное определение Запорожского областного суда.

В письме заместителя Председателя Верховного суда Украинской ССР т. Буйновича от 27 ноября 1952 г. указано, что к представлению должны быть приложены копии «обжалуемых судебных решений» и что невыполнение этого требования якобы является нарушением директивного письма Министра юстиции Украинской ССР от 7 февраля 1949 г. № Д—18. Это утверждение не соответствует действительности, ибо в упомянутом письме нет такого требования. И вообще было бы неправильным требовать обязательного приложения к каждому представлению копий приговоров решений и определений. Нельзя не проводить различия между жалобой в порядке надзора и представлением начальника управления юстиции по судебному делу.

И последнее замечание. Согласно п. 2 директивного письма Министра юстиции Украинской ССР от 7 февраля 1949 г. № Д—18 начальник управления юстиции вправе сделать представление Верховному суду Украинской ССР по судебному делу только в том случае, если незаконность или необоснованность приговора, решения и определения установлена во время ревизии народного суда. Верховный суд Украинской ССР прямо требует, чтобы представ-

ления делались только в связи с ревизией, проведенной в народном суде (см., например, письмо заместителя Председателя Верховного суда Украинской ССР т. Буйновича от 27 ноября 1952 г.). Мы считаем целесообразным и необходимым расширить круг случаев, когда начальник управления юстиции вправе войти с представлением в Верховный суд.

Управление юстиции регулярно обобщает судебную практику. Вправе ли начальник управления юстиции не реагировать на выявленные при обобщении случаи неосновательного оправдания преступников, неправильного применения мер наказания к расхитителям социалистической собственности и личного имущества граждан, к хулиганам и другим преступникам, а также случаи грубого нарушения закона при рассмотрении гражданских дел (особенно трудовых)? Мы считаем, что не вправе.

Вот почему мы считаем необходимым, во-первых, улучшить работу Верховного суда Украинской ССР по рассмотрению представлений начальников управлений юстиции по судебным делам, а во-вторых, расширить права начальников управлений юстиции в этой части.

Г. Крючков

## О КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ РАБОТЫ НАРОДНЫХ СУДОВ

О качестве работы народного суда по рассмотрению уголовных и гражданских дел судят обычно по проценту отмены приговоров и решений по отношению к обжалованным приговорам и решениям. Такой порядок учета качества работы судов нельзя назвать удачным, и поэтому он не может не вызвать ряд серьезных возражений.

Ведь это же по сути означает, что по части судят о целом: по соотношению отмененных приговоров и решений к обжалованным (части) судят о всех приговорах и решениях суда (в целом).

Логика подсказывает, и это считается общезвестной истиной, что качество работы обычно определяется в процентах к общему объему работ. Этот принцип применяем и мы, когда говорим, допустим, о сроках рассмотрения дел.

Но почему-то в отношении отмены приговоров и решений мы упорно не желаем прийти к правильному решению вопроса.

Управления Министерства юстиции при исполкомах областных советов переложили эту работу на областные суды, которые и дают сведения по судебным участкам о количестве обжалованных и количестве отмененных приговоров и решений. Между тем определение качества работы судов в смысле отношения количества отмененных приговоров и решений к общему количеству приговоров и решений, постановленных су-

дом за определенный промежуток времени, не вызывает затруднения, ибо областные управления Министерства юстиции ежемесячно получают от судов отчеты, где отражаются данные о количестве рассмотренных дел.

Если Министерство юстиции СССР считает почему-либо нецелесообразным сравнивать количество отмененных приговоров и решений к общему количеству дел, соответственно уголовных и гражданских, рассмотренных судом, то безусловно правильным будет сравнивать количество отмененных приговоров и решений с количеством дел, рассмотренных судом с постановлением приговоров и решений. Такие данные имеются в ежемесячных отчетах судов. Существующий же порядок учета качества работы судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел не отражает истинного положения дел в суде и вводит в заблуждение другие учреждения и ведомства, а также избирателей. Что это так, достаточно обратиться к корреспонденции А. Канасва «Облесполком и управление юстиции», опубликованной в газете «Известия» 10 февраля 1953 г. Говоря о качестве работы некоторых народных судов г. Ташкента по рассмотрению уголовных дел, автор приводит цифры, которые никак не могут относиться к общему количеству рассмотренных уголовных дел, а именно 40 и 30 процентов отмены приговоров, постанов-

ленные  
речь  
центы  
приго  
понде  
несвел  
ком  
работ  
час.  
шаюш  
истин  
Оче  
судье  
четны

При  
УПК  
нашей  
не ос  
наказ  
после  
вильн  
УП  
что с  
смотр  
по м  
жалоб  
более  
было  
«Осно  
и сок  
трива  
защит  
нии  
если  
турой  
РСФС  
произ  
лу ст  
ст. 26  
как с  
По  
судоп  
ция  
косты  
ционн  
дано  
говор  
обсто  
меры  
отмен  
поряд  
суда  
Наг  
казан  
ния с  
испра  
мого  
пода  
в ней  
второ  
лобе  
роднь

ленных народными судами, о которых ведет речь автор. Нет сомнений, что такие проценты взяты к количеству обжалованных приговоров. Пожалуй, здесь автора корреспонденции нельзя и винить, так как трудно несведущему человеку предположить о таком необычном порядке учета качества работы судов, какой существует у нас сейчас. В результате обнаруживаются устрашающие цифры, которые не соответствуют истинному положению дел.

Очень трудно в этих случаях народному судье говорить и с избирателями при отчетных докладах, ибо, чтобы разъяснить,

каково качество работы по рассмотрению дел судом, приходится разъяснять избирателям необычный порядок учета качества работы суда. Журнал «Социалистическая законность» поднимал этот вопрос. Однако он попрежнему не решен, и Министерство юстиции СССР почему-то предпочитает отмалчиваться и оставило без ответа предложения, выдвигавшиеся по этому поводу и в свое время на страницах журнала «Социалистическая законность».

Народный судья 1-го участка Юрьев-Польского района Владимирской области

А. Ширшиков

### НЕЯСНЫЙ ВОПРОС

При применении на практике ст. 424 УПК РСФСР возник вопрос, который в нашей юридической литературе надлежаще не освещен. Речь идет о повышении меры наказания при новом рассмотрении дела после отмены приговора по поводу неправильного состава суда.

УПК РСФСР предусматривает в ст. 424, что суд первой инстанции при новом рассмотрении дела после отмены приговора по мотивам, изложенным в кассационной жалобе осужденного, не может назначить более тяжкое наказание, чем то, которое было назначено по первому приговору. «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» в ст. 26 предусматривают, что «усиление меры социальной защиты, избранной при первом рассмотрении дела, допускается только в случае, если приговор был опротестован прокуратурой». Поскольку между ст. 424 УПК РСФСР и ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства» имеется расхождение, в силу ст. 20 Конституции СССР действует ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства» как общесоюзный закон.

По смыслу ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства», кассационная инстанция не может отменить приговор за мягкостью наказания при отсутствии кассационного протеста прокурора. Однако в данном случае речь идет об отмене приговора за его мягкостью. Как же будет обстоять дело с возможностью повышения меры наказания, если первый приговор отменен второй инстанцией в ревизионном порядке вследствие незаконного состава суда (п. 1 ст. 415 УПК РСФСР)?

Например, народный суд определил наказание подсудимому А. в два года лишения свободы, подсудимому Б. — в один год исправительно-трудовых работ, а подсудимого В. оправдал. Кассационную жалобу подал один только осужденный А., указав в ней на незаконность состава суда. Суд второй инстанции, рассмотрев дело по жалобе осужденного А., установил, что народные заседатели, участвовавшие в рас-

смотрении дела, не избраны в установленном законом порядке, а поэтому на основании п. 1 ст. 415 УПК РСФСР отменил приговор народного суда в отношении всех осужденных.

Возникает вопрос: может ли народный суд при новом рассмотрении дела повысить меру наказания против определенной по первому приговору.

Мы считаем, что суд первой инстанции при новом рассмотрении дела после отмены приговора по п. 1 ст. 415 УПК РСФСР может повысить меру наказания против определенной по первому приговору. Первый приговор, как вынесенный в незаконном составе судей, не является юридическим документом, могущим породить какие-либо последствия. Приговор по существу вынесен не в составе трех членов, а единолично народным судьей, ибо привлеченные в качестве заседателей лица не являлись судьями. Поскольку неправосудный приговор, отмененный вышестоящей инстанцией, не порождает никаких последствий, потеряв значение для дела, он и не может влиять на вторичное рассмотрение дела судом. При вторичном рассмотрении законный состав суда обязан тщательно исследовать все обстоятельства дела и основать свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании по своему внутреннему убеждению, как этого требует ст. 319 УПК.

Поэтому мы приходим к выводу, что суд первой инстанции при вторичном рассмотрении дела, приговор по которому отменен по п. 1 ст. 415 УПК, не может быть стеснен выводами первого приговора, а обязан в соответствии с материалами дела и тяжестью преступления определить меру наказания по своему внутреннему убеждению вне зависимости от того, будет ли наказание повышено или понижено против определенного по первому приговору.

Я. Ивасечко  
Б. Лелеков

## В ПОМОЩЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ

### МЕТОДИКА СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, ВОЗБУЖДАЕМЫМ В СВЯЗИ С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО

В нашей стране в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму, в связи с постепенной ликвидацией пережитков капитализма в сознании людей убийство из года в год становится все более и более редким явлением. Этому, разумеется, способствует и решительная борьба с этим серьезнейшим преступлением со стороны судебных и следственных органов.

Однако успешность этой борьбы в свою очередь зависит от повышения качества следственной работы. Известно, что расследование убийства ставит перед следователем ряд сложных задач. Это и понятно: подавляющее большинство убийств совершается без свидетелей-очевидцев. Документы, играющие решающую роль в расследовании должностных и хозяйственных преступлений, встречаются по делам об убийствах лишь в виде исключения. В итоге основное значение для расследования убийств приобретают косвенные доказательства, собранные, анализ и оценка которых сопряжены со значительными трудностями.

В этом свете особенно ответственна задача дальнейшего развития методики расследования убийств. Основанная на обобщении лучших достижений работников следствия, эта методика в результате ее постоянного совершенствования и углубления должна вооружить практических следственных работников методами и приемами, обеспечивающими раскрытие самых запутанных и тонко замаскированных убийств.

По методике расследования убийств в нашей криминалистической литературе имеется ряд специальных работ и статей. Значительное внимание уделяется этой теме и учебниками по криминалистике. Однако во всех этих работах преимущественно освещаются вопросы расследования лишь одной категории дел об убийствах — дел, возбуждаемых в связи с обнаружением трупа потерпевшего. Что же касается дел другой категории, возбуждаемых в связи с исчезновением того или другого лица, дел о так называемых «убийствах без трупа», то вопросы методики расследования таких убийств освещены в литературе совершенно недостаточно.

В общих работах по методике расследования убийств этим вопросам уделяется несоразмерно мало внимания, иногда меньше, чем особенностям расследования убийств, совершенных определенным видом

оружия, например огнестрельным или холодным. В большинстве же специальных статей, посвященных расследованию «убийств без трупа», приводится лишь опыт следственной работы по конкретным делам данной категории без попыток его обобщения. Однако отличия в методике их расследования не ограничиваются особенностями тактики проведения отдельных следственных действий (чем, например, расследование убийства путем удаления отличается от расследования убийства холодным оружием), а носят принципиальный характер.

Первое характерное отличие расследования «убийства без трупа» заключается в дополнительной задаче следствия — установить факт смерти потерпевшего, в чем нет необходимости при расследовании «убийств с трупом».

Еще более серьезное различие — это совершенно разный исходный материал, служащий основой при построении плана следствия. Таким материалом по делам об «убийстве с трупом», как известно, являются результаты осмотра места преступления, а также осмотра и вскрытия трупа. Данные, почерпнутые следователем из этих двух источников, не только определяют направление следствия, но, как правило, и решают его исход. Начиная же расследование «убийства без трупа», следователь лишен обоих этих источников: ему неизвестно, где было совершено убийство, где находится труп потерпевшего. Поэтому следователь вынужден пользоваться значительно более скудным материалом — показаниями лиц, знавших исчезнувшего.

Во многом различно и содержание версий. Достаточно сказать, что обычно не одна, а несколько версий выдвигается, исходя из предположения, что исчезнувшее лицо живо и по тем или иным причинам изменило свое местонахождение. Таких версий, разумеется, не может быть в плане следствия по делу об «убийстве с трупом».

Серьезным различием является и круг лиц, на которых может пасть подозрение в совершении преступления: круг таких лиц, значительно уже, чем по делам об «убийствах с трупом».

Из всего сказанного отчетливо видно, что следствие по делам об «убийствах без трупа» отличается от расследования «убийств с трупом» и должно поэтому вестись иными методами. Исчерпывающе ответить на естественно возникающий при этом вопрос — какими же именно методами и

прием  
в та  
специ  
вида

Сос  
бия  
крими  
значен  
нес:  
ных  
автор:  
матер  
катег  
щенн  
терату

Осн  
намет  
ление  
делам  
решен  
тельн  
основ

Пер  
будь  
случа:  
престу  
чается  
потери  
И вто  
перво  
не ре  
тельс  
харак

Отв  
копкр  
случа  
разно  
мотив  
мы на  
измени  
Этот  
ступни  
связи  
лично  
могут  
семьи,  
дьями,  
живца  
форме  
жертв  
нии п

Над  
вило,  
отрица  
того,  
терпев  
щих  
жет на  
терпев  
факт  
престу  
объяс  
смерти  
для пр  
И вот  
вить с  
смерти  
этой  
очеред

5 Соци

применения должен пользоваться следователь в таких случаях — означает разработать специальную методику расследования этого вида преступления.

Составление такого методического пособия включено в план работы Института криминалистики Прокуратуры СССР. Назначение же нашей статьи гораздо скромнее: ознакомить практических следственных работников с некоторыми выводами автора, сделанными на основе изучения материалов по конкретным делам данной категории, как освещенным, так и не освещенным в нашей криминалистической литературе.

Основная задача заключается в попытке заметить наиболее целесообразное направление для расследования по такого рода делам. Однако нельзя дать обоснованное решение этой задачи, не ответив предварительно на следующие, на наш взгляд, основные вопросы.

Первый из них: существует ли какая-нибудь закономерность в том, что в одних случаях труп убитого остается на месте преступления, а в других тщательно прячется убийцей, причем сам факт смерти потерпевшего скрывается от окружающих? И второй, непосредственно вытекающий из первого: если такое поведение преступника — результат случайного стечения обстоятельств, а обусловлено причинами общего характера, то каковы эти причины?

Ответ на первый вопрос дает анализ конкретных дел. Оказывается, что во всех случаях «убийства без трупа» при всем разнообразии их внешней обстановки и мотивов каждого отдельного преступления мы находим один общий признак, одно неизменно повторяющееся обстоятельство. Этот признак — наличие связи между преступником и его жертвой. Характер этой связи может быть в каждом случае различным. Так преступник и потерпевший могут быть супругами, членами одной семьи, родственниками, знакомыми, соседями, жильцами одной квартиры, сослуживцами и т. д. Но в той или в другой форме связь между преступником и его жертвой устанавливается при расследовании по любому делу данной категории.

Наличие между ними связи, как правило, широко известно, и потому пытаться отрицать ее было бы бесполезно. Более того, именно вследствие этой связи с потерпевшим преступник в глазах окружающих является человеком, который не может не знать о том, что произошло с потерпевшим. В этих условиях, если бы факт смерти потерпевшего стал известен, преступник был бы вынужден как-то объяснить причины и обстоятельства этой смерти. Сделать это обычно оказывается для преступника далеко не легкой задачей. И вот здесь принимается решение: избавиться от всяких объяснений по поводу смерти потерпевшего, скрыв самый факт этой смерти. Естественно, что в первую очередь для этого необходимо скрыть или

уничтожить труп. Исчезновение же потерпевшего преступник надеется либо объяснить более или менее правдоподобной причиной, либо просто отговориться незнанием этой причины.

Из сказанного ясен ответ и на второй вопрос: непосредственной причиной, определяющей выбор преступником данного способа сокрытия преступления, является необходимость для него объяснить окружающим и органам власти причину и обстоятельства смерти потерпевшего. Необходимость же эта в свою очередь обусловлена наличием связи между преступником и потерпевшим. Таким образом, эта связь в конечном счете и является основной причиной такой формы сокрытия преступления.

При выборе преступником этого способа сокрытия убийства немалую роль играют значительные трудности, неизбежно возникающие для него при попытках объяснить, как и почему умер потерпевший. Трудности эти связаны с необходимой в таких случаях симуляцией той или другой вымышленной причины смерти.

При этом преступник иногда пытается скрыть насильственный характер смерти потерпевшего, и тогда он симулирует естественную смерть, — например, от болезни. К такому виду симуляции он прибегает при отсутствии на трупе признаков насилия, в частности, при отравлении. Обычно, однако, скрыть признаки насилия оказывается невозможным, и преступник симулирует поэтому один из видов насильственной смерти: несчастный случай, самоубийство или убийство, совершенное будто бы другими лицами, — в последнем случае обычно инсценируется обстановка разбойного нападения.

Таким образом, маскировка убийства обусловлена теми же двумя причинами, что и сокрытие трупа: наличием связи между преступником и потерпевшим прежде всего и вытекающей отсюда необходимостью для преступника как-то объяснить причину смерти потерпевшего.

Из всего сказанного вытекает и решение задачи о наиболее целесообразном направлении следствия по делам об «убийстве без трупа». Поскольку к такому способу сокрытия преступления прибегают только лица, в той или иной форме связанные с потерпевшим, постольку очевидно, что именно среди таких лиц и следует искать преступника при возбуждении дела в связи с исчезновением потерпевшего. То же полностью относится и к убийствам, сопровождающимся симуляцией.

Такое сужение круга возможных подозреваемых в обоих случаях не только определяет общее направление следствия, но и обуславливает характер версий и содержание основных вопросов, подлежащих разрешению в процессе расследования. Все это, несомненно, должно облегчить работу следователя, в особенности при расследовании убийств, сопровождавшихся симуляцией: наряду с преимуществом в виде со-

кращенного круга возможных подозреваемых следователь пользуется в этих случаях и обычной исходной базой в виде результатов осмотра трупа и места происшествия. Опасаясь поэтому быстрого разоблачения в случае обращения к симуляции, преступники обычно предпочитают другой путь и надеются, что, скрыв труп, им удастся скрыть и преступление.

Следственная практика показывает, что и в самом деле как совершение убийства, так и сокрытие трупа остаются большей частью незамеченными окружающими. И все же подозрения родных, друзей и знакомых потерпевшего, как правило, падают именно на преступника. Почему? Да только потому, что версия, выдвигаемая преступником в объяснение причин исчезновения потерпевшего, воспринимается как недостаточно правдоподобная.

Все такие версии сводятся по сути дела к одному: потерпевший куда-то уехал (или ушел). В одних случаях преступники предпочитают не уточнять, куда и почему уехал потерпевший; они либо просто отговариваются полным незнанием, либо, когда такое заявление выглядело бы чересчур неправдоподобным, отделяются неопределенным объяснением: ушел куда-то и не вернулся.

В других случаях преступник указывает более или менее определенную причину, вызвавшую отъезд исчезнувшего лица. При этом фантазия преступника обычно оказывается довольно бедной. Так, «отъезд» одного из супругов объясняется тем, что он (или она) неожиданно сошелся (сошлась) с другой (другим) и бросил (бросила) семью. О личности этого другого преступник обычно почти ничего не может сказать, т. е. им сообщаются только такие данные, которые не дают возможности установить личность этого другого и его местонахождение.

Для придания версии об отъезде потерпевшего большей правдоподобности преступник по возможности приурочивает совершение заранее задуманного убийства к моменту действительного или намечавшегося отъезда потерпевшего. Тем самым преступник стремится использовать то обстоятельство, что окружающим от самого потерпевшего было известно об его предстоящем отъезде. Разумеется, что инициатива этого отъезда обычно принадлежит преступнику, умышленно создающему этим благоприятную обстановку для выполнения своего замысла. В тех случаях, когда потерпевший действительно уезжает, вместе с ним едет и преступник и совершает преступление либо в пути, либо вскоре по приезде к месту назначения. Если же преступник не едет с потерпевшим, он совершает убийство в день, намеченный для отъезда последнего.

Однако подозрения легко возникают у окружающих, когда потерпевший исчезает «досрочно», т. е. раньше намеченного им дня отъезда. Как правило, такие подозре-

ния полностью подтверждаются в процессе расследования.

Так, при расследовании по одному из дел соседи исчезнувшей К. при первом же допросе сообщили следователю, что К. всем говорила о своем отъезде на время отпуска в город Н., причем точно указывала время отъезда: в субботу вечером. В пятницу она помыла полы в квартире, объяснив соседям, что в субботу хочет иметь свободное время для сборов в дорогу. В пятницу вечером К. с мужем пошла на вокзал, отстоявший от города на расстоянии двух километров, узнать о порядке продажи билетов. Муж вернулся домой в 6 часов утра, а К. с тех пор уже больше никто не видел, и в город Н. она не приезжала. При допросе К. утверждала, что они с женой вернулись поздно вечером, и та рано утром вновь ушла на вокзал уже с вещами, чтобы заранее купить билет. Однако его показания были опровергнуты соседями, и в результате следствия и суда К. был признан виновным в убийстве жены с целью присвоить собранные той у знакомых и родственников деньги на покупку, а также поскольку она мешала его связям с другими женщинами. Ключом к раскрытию этого убийства послужило «досрочное» — на день раньше срока отъезда — исчезновение потерпевшей.

Для дел об «убийстве без трупа» характерно поведение преступника после совершения преступления. Всегда направленное на отвлечение от себя подозрений, оно вместе с тем принимает разные формы в зависимости от позиции, занятой преступником в отношении исчезновения потерпевшего. В тех случаях, когда преступник утверждает, что ему неизвестно, куда «уехал» или почему «не приехал» потерпевший, он, проявляя «беспокойство о пропащем», часто просит следственные органы помочь ему разыскать исчезнувшее лицо. Как правило, заявление в милицию по этому поводу поступает в таких случаях от самого же преступника. Практика показывает, что часто такие заявления делаются или слишком рано, или чересчур поздно.

Так, например, некто Х., получив в ответ на свое письмо жене с просьбой приехать к нему по месту новой службы телеграмму об ее выезде, приехал в город С. встретить жену на вокзале. Несмотря на то, что в телеграмме был указан лишь день выезда и что в пути жене предстояла пересадка, Х. на другой же день подал заявление в отдел охраны Министерства государственной безопасности об «исчезновении» его жены, которую он не встретил в день ожидавшегося приезда. Характерно, что к моменту подачи заявления он еще не получил ответа от родителей жены, которым он телеграфировал, высказывая беспокойство по поводу отсутствия жены.

Это пример чрезвычайной торопливости преступника (фактически Х. встретил жену и по дороге из города С. убил ее с целью избавиться от нее). Излишняя «то-

роплив  
да еще  
преуве.  
вать с  
потерп  
дений.

В пр  
да пот  
пуска  
лучил  
что К.  
об это  
Он под  
узнал,  
служив  
запозд

В др  
зывает  
направ  
мится  
ства т  
С этой  
о полу  
показы  
черк л  
преступ  
письма  
бегают  
ляющим  
черк п

В од  
мужа  
сельчан  
его от  
жен бы  
ствуюсь  
к тетке  
через с  
с промт

Следс  
лее сло  
ком ув  
певшего  
случае  
ла при  
ле ее «  
мо и ф  
нувшая  
жем, на  
вого бр.  
следова  
по один  
обоих с  
пестест  
пример,  
ше голо  
тень от  
сторону,  
и други  
жил и е  
ке-осмот  
исчезнув  
фотокар  
с изъяти  
тель на  
формата  
вплоть д  
нов с и.  
прислани

ропливость» преступника проявляется иногда еще и в том, что он чересчур рано и в преувеличенной форме начинает высказывать свое горе в связи с невозвращением потерпевшего и отсутствием о нем сведений.

В примере же, приведенном выше, когда потерпевшая К. по истечении срока отъезда не вернулась из Н., а муж ее получил сообщение от дочери, жившей в Н., что К. туда не приезжала, он не заявлял об этом в милицию в течение двух недель. Он подал заявление лишь после того, как узнал, что в милицию уже обратилась сослуживица жены. Естественно, что такое запоздание усилило подозрение против К.

В другом случае, когда преступник указывает определенную причину, а иногда и направление выезда потерпевшего, он стремится создать искусственные доказательства того, что потерпевший еще жив. С этой целью он, например, рассказывает о полученных от него письмах, а иногда и показывает их, поддельвая при этом почерк потерпевшего. Бывают случаи, когда преступник от имени потерпевшего пишет письма его родственникам. Еще чаще прибегает преступник к телеграммам, избавляющим от необходимости поддельвать почерк потерпевшего.

В одном случае убийства женой своего мужа преступница сначала читала односельчанам письма, будто бы полученные ею от мужа, из города К., куда он должен был поехать на работу. Не довольствуясь этим, она под предлогом поездки к тетке в город Я. поехала в К. и оттуда через свою подругу прислала себе посылку с промтоварами от имени мужа.

Следственная практика знает еще более сложные способы создания преступником уверенности у родственников потерпевшего в том, что тот жив. Так, в одном случае родственница исчезнувшей сообщила при допросе следователю, что уже после ее «отъезда» она получила от нее письмо и фотографии. На одной из них исчезнувшая была снята со своим новым мужем, на другой — с ним и детьми от первого брака. При осмотре этих фотографий следователь обратил внимание на абсолютное одинаковое изображение исчезнувшей на обоих снимках, а также на какую-то их неестественность. Голова исчезнувшей, например, оказалась на снимке гораздо больше головы снятого рядом с ней мужчины; тень от подбородка у нее падала в левую сторону, а у него — в правую. Такие же и другие странности следователь обнаружил и на второй фотокарточке. При обыске-осмотре на квартире у первого мужа исчезнувшей следователь нашел небольшую фотокарточку исчезнувшей. Сравнивая ее с изъятыми двумя фотографиями, следователь нашел, что, несмотря на различие формата, этот снимок в точности совпадает вплоть до отдельных технических недостатков с изображением исчезнувшей на двух присланных ею фотографиях.

Криминалистическая экспертиза установила, во-первых, что изображения исчезнувшей на всех трех фотокарточках представляют собой отпечатки с одного негатива и, во-вторых, что оба групповых снимка получены путем репродукции с предварительно смонтированных отдельных фотоснимков.

После того как «брошенный муж» признал себя виновным в убийстве, он подробно рассказал, как с целью рассеять подозрения родственников жены он, подбрав карточки жены и детей, а также случайно найденную на улице фотографию неизвестного мужчины, заказал знакомому фотографу репродукции с предварительно смонтированных фотоснимков, что тот и выполнил.

Таким образом, способы маскировки совершенного «убийства без трупа», применяемые преступниками, бывают самые различные. Однако, будучи выявлены следователем, они превращаются в серьезные косвенные доказательства виновности обвиняемого.

Рассмотренные особенности совершения и сокрытия «убийств без трупа» не охватывают, разумеется, всех черт, присущих этому виду преступления. Однако и сказанное убедительно подтверждает необходимость в особой методике расследования по делам этой категории.

После первых допросов заявителя, родных, родственников, соседей, сослуживцев и других лиц, знавших исчезнувшего, следователь обычно уже имеет достаточно материала для составления плана следствия, в частности, для выдвижения версий.

Одной из распространенных ошибок на этой стадии следствия является игнорирование версий о том, что исчезнувшее лицо действительно куда-то выехало и по тем или иным причинам не сообщает близким о своем новом местонахождении. В плане обязательно должны предусматриваться такие версии. В развитие их следователю целесообразно разработать подробный перечень мероприятий, направленных на розыск исчезнувшего лица. Содержание этих мероприятий немногим отличается от обычно применяемых при розыске скрывшегося преступника и не нуждается в раскрытии.

Наряду и одновременно, что особенно важно, с розыском исчезнувшего должен производиться и розыск его трупа. В план мероприятий по розыску трупа должны быть включены меры, направленные как на установление места сокрытия трупа, так и на выяснение того, не был ли труп исчезнувшего уже обнаружен кем-либо ранее и, оставшись неопознанным, похоронен. В частности, следователем обязательно должна составляться специальная розыскная карта на пропавшего без вести и направляться вместе с фотокарточкой исчезнувшего в Главное управление милиции СССР, где сосредоточиваются все данные о неопознанных трупах. Кроме того, необходимо запросить все отделения милиции,

больницы и морги в районах последнего места жительства исчезнувшего и мест его возможной смерти во всех случаях обнаружения трупов, оставшихся неопознанными.

Вопросу об установлении места сокрытия трупа потерпевшего во всех работах по криминалистике, освещающих расследование «убийств без трупа», уделяется особое внимание. Это вполне понятно, поскольку обнаружение трупа сразу вносит ясность в обстоятельства дела и дает много материала, важного для дальнейшего следствия. Однако авторы таких работ, как правило, не указывают конкретного направления, в котором следователь должен производить поиски трупа. Так, например, В. Громов в статье «Расследование дел об убийствах без трупа» («Социалистическая законность» 1947 г. № 7) писал: «В соответствии с фактическими данными, которые могут быть получены из этих (первичных. — Г. М.) показаний свидетелей, в большинстве случаев может быть составлена и достаточно правдоподобная версия о месте совершения преступления и нахождения трупа, определяющая направление, по которому следует искать труп». Почти в тех же выражениях формулирует эту мысль и И. Бутаков в статье «Методы расследования убийств, когда нет трупа» («Социалистическая законность» 1949 г. № 7).

Очевидно, что указания столь общего характера не могут помочь следователю определить «направление, по которому следует искать труп». Едва ли можно согласиться и с рекомендациями тех же авторов обязательно производить поиски трупа во всех случаях и при всех обстоятельствах. Нам представляется, что вопрос о целесообразности поисков трупа следует разрешать не огульно, а в каждом случае самостоятельно, в зависимости от конкретных условий и обстановки исчезновения потерпевшего.

То же относится и к направлению поисков трупа, если проведение их будет признано целесообразным.

В основу решения этих существенных вопросов должны быть положены собранные по делу данные о том, где, в какой местности живет подозреваемый и жил потерпевший перед исчезновением.

Так, если тот или другой жили в сельской местности или на окраине города, в отдельном доме, имеющем приусадебный участок или расположенном вдали от других домов, то, как показывает практика, чаще всего труп оказывается сокрытым либо в самом доме (например, зарыт в подполье, в погребе), либо в непосредственной близости от него. И это, разумеется, не случайное совпадение фактов. В описанных условиях преступник рассчитывает на то, что и совершение им убийства и сокрытие трупа не будут замечены другими жильцами дома или соседями. Поэтому организация в таких случаях следователем поисков трупа обязательна. С этой целью необходимо самым тщательным образом обы-

скивать весь прилегающий к дому участок. Подробно должны быть исследованы все постройки, погребца, колодцы, раскопки следует производить под домом, под хозяйственными постройками, а также в саду, во дворе, в огороде и т. д.

Следует иметь в виду, что преступник, зарыв труп вблизи дома, нередко стремится чем-то замаскировать это место: пересаживает деревья, разбивает клумбы, делает грядки и т. д. В отдельных случаях, чтобы избежать раскопок под строением, где зарыт труп, преступник переносит это строение (баню, уборную) на другое место, а иногда и совсем сносит его. Зачастую именно это обстоятельство и помогает следователю установить место, где зарыт труп. Так, например, т. Швалев, расследуя дело об убийстве А., выяснил, что вскоре после «отъезда» А. в г. Казань на лечение ее сожитель П. снес стоявшую во дворе баню и продал на топливо одному из соседей. При осмотре места, где раньше стояла баня, следователь обратил внимание на посаженные там два вишневых деревца. Оба они совершенно засохли и были им легко выдернуты из земли. Организовав в этом месте раскопку грунта, т. Швалев на глубине метра обнаружил труп «уехавшей на лечение» А.

Из этого примера ясно, что при поисках трупа на домовом участке следователь всегда должен выяснить, не произошли ли на данном участке какие-либо изменения со времени исчезновения потерпевшего.

Совершенно по-иному будет разрешаться вопрос о целесообразности поисков трупа, когда подозреваемый и потерпевший жили в большом городе, в многоквартирном доме с двором городского типа и т. п. В таких случаях предполагать, что труп скрыт в непосредственной близости от места жительства потерпевшего (или подозреваемого), уже нет достаточных оснований, поскольку в описанных условиях преступник не может надеяться, что сокрытие им трупа останется незамеченным жильцами дома. Следственная практика показывает, что чаще всего в таких случаях и убийство, и сокрытие трупа совершается за пределами не только домового участка, но и населенного пункта; в частности, преступник под тем или иным предлогом завлекает туда потерпевшего и, выбрав достаточно безлюдную местность (обычно лес), совершает там убийство и там же прячет труп, либо зарывая его, либо бросая в какой-либо долом.

Вполне понятно, что в таких условиях пытаться искать труп можно, лишь когда следствием собраны данные, более или менее точно определяющие местность, где могло быть совершено убийство. Не имея же таких данных, искать труп вслепую было бы явно нерационально. Поэтому в таких случаях усилия следователя должны быть направлены в первую очередь на собирание косвенных улик, изобличающих преступника, чтобы он, будучи разоблачен,

вспом-

сто  
В  
потер  
выех:  
ков  
мости  
если  
отдел  
тщате  
дробн  
ряде  
вание  
дует  
и обя

Есл  
десяти  
зация  
этого  
нител  
В эти  
навед  
ствую  
отдела  
и т. д  
рута,  
пах, с  
момен

В  
Некто  
женой  
дивину  
ревни.  
руги  
реке  
ней по  
жении  
милиш  
рез м  
слан  
ного  
рах от  
К про  
русск  
крест  
этим  
потерп

Если  
певше  
больш  
ным,  
нии са  
ка по  
редко,  
следов  
прави  
на и  
да. Эт  
ние в  
носа  
и пере  
серьез  
внима

Очев  
трупа  
безнад  
действи  
услови

впоследствии сам показал следователю место сокрытия трупа.

В тех случаях, когда подозреваемый и потерпевший непосредственно перед исчезновением последнего куда-либо вместе выехали, вопрос о целесообразности поисков трупа должен разрешаться в зависимости от протяженности их маршрута. Так, если речь идет о нескольких километрах, отделяющих одну деревню от другой, то тщательное ознакомление следователя с подробностями прилегающей местности, а в ряде случаев и так называемое прочесывание ее с помощью местных жителей следует признать не только желательным, но и обязательным мероприятием.

Если же длина маршрута исчисляется десятками и более километров, то организация поисков трупа на всем протяжении этого маршрута была бы столь же затруднительна, сколь и мало эффективна. В этих случаях приходится ограничиться наведением подробных справок в соответствующих органах (отделениях милиции, отделах охраны железной дороги, моргах и т. д.), расположенных вдоль всего маршрута, об оставшихся неопознанными трупах, обнаруженных за время, истекшее с момента исчезновения потерпевшего.

В практике автора был такой случай. Некто Ш. исчез после того, как выехал с женой на станцию железной дороги, находившуюся в сорока километрах от их деревни. Поскольку большую часть пути супруги должны были ехать по замерзшей реке и труп вполне мог быть сброшен убитой под лед, запросы о возможном обнаружении его были направлены в отделения милиции, расположенные вниз по реке. Через месяц из соседней области был прислан протокол вскрытия трупа, извлеченного весной из реки в семидесяти километрах от границ района, где жили супруги Ш. К протоколу были приобщены воротник от русской рубашки и шнурок с нателным крестом характерного рисунка. По всем этим данным была установлена личность потерпевшего Ш.

Если сокрытие трупа на дому у потерпевшего (или преступника) в условиях большого города можно считать исключительным, то этого нельзя сказать о совершении самого «убийства без трупа». Практика показывает, что такие факты хотя и редко, но все же встречаются. Сокрытие следов преступления в этих случаях, как правило, сопровождается расчленением трупа и вывозом его частей за пределы города. Это опять-таки находит себе объяснение в невозможности для преступника выноса из квартиры нерасчлененного трупа и перевозки его в городских условиях без серьезного риска сразу же привлечь этим внимание прохожих.

Очевидно, что и в этих случаях поиски трупа следователем были бы совершенно безнадежными. Единственным следственным действием, дающим возможность в таких условиях бесспорно установить событие

преступления, является осмотр помещения, где жил потерпевший перед исчезновением, а также помещения, занимавшегося подозреваемым, если он жил отдельно от потерпевшего. Такой осмотр отличается от обычного тем, что помещение не столько осматривается, сколько обыскивается для обнаружения скрытых следов преступления. Это объясняется тем, что со времени убийства к моменту возбуждения дела, как правило, проходит уже несколько месяцев, а иногда и более года. Поэтому следователь может рассчитывать на обнаружение лишь самых стойких следов, почему-либо оставшихся незамеченными и потому не уничтоженных преступником.

Так в случае с убийством М., совершенном ее родственниками в городской квартире, где они жили вместе с М., совершенные преступления и сокрытие его путем расчленения трупа и сожжения головы было установлено в результате обнаружения следователем т. Котиковской при осмотре-обыске в печке полусгоревших остатков зубов потерпевшей.

Из сказанного ясно, насколько продуманным и скрупулезным должен быть такой осмотр-обыск. Особенно тщательно следует разыскивать пятна крови. Учтявая, что они, вероятнее всего, окажутся уже замываемыми, следователь должен обращать внимание на все сколько-нибудь подозрительные пятна, хотя бы цвет их и не имел, казалось, ничего общего с обычным цветом крови. Пятна крови, не замеченные преступником, могут быть обнаружены на темных частях одежды и обуви, на темных обоях, на внутренних поверхностях сидений стульев, кресел, на ножках мебели, в щелях между половицами или паркетными плитками и т. д.

Значение осмотра-обыска помещения велико и в тех случаях, когда убийство было совершено вне его. При этом могут быть найдены орудия убийства, фотокарточки, дневники, переписка и другие письменные документы, играющие иногда решающую роль в изобличении преступника. Особое внимание должно быть обращено на письма, телеграммы, переводы и другого вида корреспонденции в адрес или от имени потерпевшего. В случае обнаружения такая корреспонденция подлежит направлению на графическую экспертизу.

Большое значение приобретает обнаружение при осмотре-обыске вещей, которые, будь исчезнувшее лицо живо, обязательно должны были бы находиться при нем. К их числу прежде всего относятся личные документы, а также предметы, с которыми, по словам родных потерпевшего, он никогда не расставался: кольца, часы, серьги и т. д.

Известен такой характерный случай: в связи с исчезновением одного старика в квартире, где он жил, был произведен осмотр-обыск. На полу за кроватью исчезнувшего были найдены запавшиеся очки. Соседи сообщили следователю, что старик

не мог обходиться без очков и никогда без них на улицу не выходил. Это же, осмотрев очки, подтвердил и эксперт-окулист. Хозяева квартиры не смогли удовлетворительно объяснить наличие очков исчезнувшего в квартире и, запутавшись в противоречиях, вынуждены были сознаться в убийстве старика.

Если осмотром-обыском по месту жительства потерпевшего или подозреваемого не удастся обнаружить вещей потерпевшего, которые должны были бы находиться при нем, следователь должен произвести обыски у наиболее близких подозреваемому лиц, которым он мог передать вещи потерпевшего на хранение или подарить. В случае безрезультатности и этих обысков следователю приходится путем допросов лиц, связанных с подозреваемым, выяснить, не видели ли они у подозреваемого после исчезновения потерпевшего вещей, принадлежащих последнему. Разумеется, что важность таких показаний будет зависеть от степени индивидуальной определенности известных свидетелям вещей.

Так при расследовании по делу, приведенному выше в качестве примера «досрочного» исчезновения потерпевшей К., одна из знакомых мужа К., молодая девушка А., сообщила при допросе следователю, что через месяц после исчезновения жены К. он в шутку обещал А. подарить ей кольцо и даже давал его примерить. А. подробно описала приметы этого кольца, сказав, что оно было массивным, гладким и, повидимому, золотым, хотя и без пробы. Из показаний родных и соседей К. следователь установил, что та постоянно носила такое обручальное кольцо, а у подозреваемого колец не было. На очной ставке с А. муж К. признал, что показывал ей обручальное кольцо жены, которое она будто бы забыла дома перед отъездом. Отсутствие этого кольца у него к моменту возбуждения дела К. объяснил продажей его на рынке неизвестному лицу.

В ряде случаев существенной уликой оказывается продажа подозреваемым вещей исчезнувшего в тот период, когда, исходя из версии, выдвинутой подозреваемым, у него еще не могло быть уверенности в том, что исчезнувшее лицо не возвратится. Такая торопливость выглядит особенно подозрительной, когда подозреваемый не имел никаких прав на имущество исчезнувшего.

Как уже отмечалось, первое сообщение об исчезновении потерпевшего нередко поступает в следственные органы от преступника. Учитывая такую возможность, следователь должен подходить к допросу заявителя особенно тщательно и осмотрительно. Как можно подробнее следует уточнить версию об отъезде исчезнувшего и исследовать характер взаимоотношений заявителя с исчезнувшим, обстоятельства их последних встреч и поведение каждого из них в дни, предшествовавшие исчезновению, и

в самый день исчезновения. Сказанное целиком относится и к допросу тех близких исчезнувшему лиц, у которых, по данным следствия, могла быть заинтересованность в смерти исчезнувшего.

Какими бы уликами следователь ни располагал в отношении подозреваемого в убийстве лица, при первых его допросах необходимо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не выдать допрашиваемому, чем располагает следователь, что ему уже известно из других источников. Поэтому никакие заявления и утверждения допрашиваемого не должны не только опровергаться, но даже открыто браться под сомнение, как бы неправдоподобны они ни были. Лишь на той стадии следствия, когда в распоряжении следователя будут бесспорные, неопровержимые доказательства виновности обвиняемого, следователь может и должен использовать эти доказательства, чтобы убедить обвиняемого в несостоятельности его аргументов и бессмысленности отрицания виновности.

Такой метод допроса особенно необходим тогда, когда, несмотря на убедительность косвенных доказательств, по делу отсутствует основное доказательство — труп потерпевшего, а обвиняемый отрицает свою виновность. В таком положении следователь должен с предельной целесообразностью использовать силу собранных доказательств, чтобы убедительно для обвиняемого опровергнуть линию его защиты и в итоге привести его к признанию себя виновным. Когда такой допрос производится тактически правильно и, что главное, основан на веских уликах, сплошной стеной окружающих обвиняемого, он обычно достигает цели. Обвиняемый, видя, что он изобличен, а доводы в его защиту полностью опровергнуты, сознается в совершении преступления и подробно рассказывает о том, как и где был им убит потерпевший и как и где был сокрыт его труп.

В связи с этим нельзя не признать ошибочным следующее утверждение В. Громова (в цитированной выше статье): «...многообразная следственная практика... показывает, что не было случаев, чтобы подозреваемые в убийстве... на основании косвенных улик открывали место нахождения скрытого ими трупа убитого».

Именно практика работы наших следователей и доказывает обратное. Более того, она показывает, что, если по делам об «убийствах без трупа», совершенных в городских условиях, в процессе следствия обнаруживается труп, этому почти всегда предшествует указание места его нахождения обвиняемым. И, напротив, самостоятельное обнаружение трупа следователем в этих условиях является редчайшим исключением. Это полностью объясняется отмеченным выше обычным в таких случаях отсутствием у следователя сколько-нибудь точных данных не только о возможном месте, но даже о районе совершения убийства и сокрытия трупа.

До  
успел  
обвин  
лени  
закре  
на м  
трупа  
быть  
обвин  
Пр  
домо  
следс  
одног  
телу  
в вод  
орган  
долж  
нейш  
убил  
зал с  
в при  
няеми  
трупа  
следо  
читать

Осс  
«убий  
новле  
обнар  
мым,  
вопро  
но ус  
ствам

Но  
следс  
па в  
связи  
и вне  
стоят  
как п  
от ме  
дозре  
косвен  
трупа  
этом  
скаже  
обязан  
ден т

Тре  
случа  
хода  
прави  
дения.  
чаев  
ными.  
послед  
ким сл  
ние вс  
одежд

Ряд  
в резу  
ного т  
крими  
ков тр  
потерп  
Особ  
чан об  
ния. (

Достигнутое в результате правильно и успешно проведенного следствия, признание обвиняемым своей вины подлежит закреплению, причем наилучшей формой этого закрепления является выход с обвиняемым на место совершения убийства и сокрытия трупа. Однако и здесь следователь должен быть настороже, не доверяясь объяснениям обвиняемого.

Практика знает отдельные случаи заведомо неправильного указания обвиняемым следователю места сокрытия трупа. Так, по одному делу обвиняемый показал следователю место на берегу озера, где он бросил в воду труп убитой им жены. Следователь организовал поиски трупа с помощью водолазов, но найти его не удалось. В дальнейшем было установлено, что обвиняемый убил также и ребенка. После этого он указал следователю совершенно другое место, в пригородном лесу. На указанном обвиняемым месте были вырыты из земли оба трупа. Обман со стороны обвиняемого преследовал здесь определенную цель — смягчить степень виновности.

Особое значение при расследовании «убийств без трупа» имеет вопрос об установлении личности трупа. Даже если труп обнаружен в месте, указанном обвиняемым, следователь не может считать этот вопрос решенным, пока не будет бесспорно установлено объективными доказательствами, чей это труп.

Но особенно важное значение для исхода следствия приобретает идентификация трупа в тех случаях, когда он обнаружен вне связи с указаниями обвиняемого, а иногда и вне всякой связи с данным делом. Самостоятельно следователь обнаруживает труп, как правило, в непосредственной близости от места жительства потерпевшего или подозреваемого. Эта близость, разумеется, косвенно подтверждает принадлежность трупа именно исчезнувшему лицу. Но и в этом случае следователь, обнаружив труп, скажем, в подполье дома подозреваемого, обязан установить и доказать, что им найден труп исчезнувшего лица.

Третий вариант обнаружения трупа — это случай, когда труп находят независимо от хода следствия по данному делу и, как правило, значительно раньше его возбуждения. В подавляющем большинстве случаев такие трупы и остаются неопознанными. Исключительное значение для успеха последующего следствия приобретает в таких случаях фотосъемка трупа и сохранение всех без исключения принадлежностей одежды.

Ряд «убийств без трупа» был раскрыт в результате идентификации ранее найденного трупа путем сопоставления экспертом-криминалистом опознавательных фотоснимков трупа с прижизненными фотографиями потерпевшего.

Особенную сложность представляют случаи обнаружения трупа в стадии разложения, исключающей возможность его опознания. Основным средством идентификации

становится тогда одежда, сохранившаяся на трупе, или хотя бы отдельные куски и лоскуты ее, могущие быть опознанными лицами, видевшими в свое время эту одежду на потерпевшем.

Что касается непосредственно трупа (а часто скелета), то в таких случаях индивидуальные особенности приходится отыскивать в строении черепа и состоянии челюстей. Материалом для идентификации часто служат следы лечения, удаления или протезирования зубов, сопоставляемые с данными истории болезни потерпевшего. Другой способ идентификации — наложение фотоснимка черепа от обнаруженного трупа на прижизненную фотографию исчезнувшего (так называемый метод «аппликации»). В последнее время практически исследуется вопрос о возможности применения в криминалистических целях метода восстановления лица по черепу (автор Герасимов).

Задача следователя — в любом случае найти наиболее надежный путь к идентификации трупа, возможный при данных условиях.

Было бы неправильно, однако, считать обнаружение трупа исчезнувшего обязательным условием раскрытия преступления и признания судом виновным лица, обвиняемого в убийстве. Наш суд не стеснен в выборе доказательственных фактов, на которых он основывает свой приговор. Поэтому, если суд, исходя из совокупности имеющихся в деле косвенных улик, придет к заключению, что исчезнувший убит подсудимым, то необнаружение трупа не может помешать вынесению обвинительного приговора.

Судебная практика подтверждает правильность этого положения. В частности, по некоторым из дел, приведенных здесь в качестве примеров, судами были вынесены обвинительные приговоры, оставленные в силе кассационными и надзорными инстанциями, несмотря на то, что труп потерпевшего не был обнаружен, а подсудимый отрицал свою виновность (дело по обвинению Х., встретившего вызванную им жену на вокзале; дело по обвинению К., убившего жену за день до намеченного ею срока отъезда в отпуск, и др.).

Подобные ситуации нельзя даже считать исключительными. Они обычно возникают в случаях, когда убийство и сокрытие трупа совершены вдали от места жительства потерпевшего или преступника. Поэтому безрезультатность розыска трупа не должна в какой-либо мере расхолаживать следователя. Напротив, это обстоятельство должно еще больше мобилизовать его на собирание других, косвенных улик, поскольку при отсутствии трупа потерпевшего необходимо доказать факт его смерти, а цепь улик, изблещающих обвиняемого, должна быть особенно крепкой и абсолютно исключать возможность иного истолкования составляющих ее звеньев.

Г. Мудьюгин

УЧИТЬСЯ ИСКУССТВУ ВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

«Идеологическая работа партии, — говорил на XIX съезде партии товарищ Г. М. Маленков, — должна сыграть важную роль в очищении сознания людей от пережитков капитализма, от предрассудков и вредных традиций старого общества. Надо и впредь развивать в массах высокое сознание общественного долга, воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и дружбы народов, в духе заботы об интересах государства, совершенствовать лучшие качества советских людей — уверенность в победе нашего дела, готовность и умение преодолевать любые трудности».

Наш, советский суд, воздействуя на разрушителей правопорядка и одновременно являясь глашатаем социалистической законности, воспитывает трудящихся, помогает им освободиться от пережитков капитализма в своем сознании и тем самым играет большую роль в осуществлении указаний XIX съезда партии об активизации идеологической работы.

В системе мероприятий, направленных на усиление воспитательного значения советского суда, большая роль принадлежит судебному процессу.

Однако в практике работы наших судов этому вопросу не уделяется такого внимания, которое соответствовало бы значению судебного процесса в работе суда.

У нас пишут о воспитательном значении суда, приводят ряд бесспорных положений на этот счет, но редко можно встретить указания о том, как же вести судебный процесс, чтобы он имел наибольшее воспитательное воздействие на присутствующих, как разбирать судебные дела, чтобы этот разбор, самое судебное следствие воспитывало присутствующих «в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития» (ст. 3 Закона о судостроительстве).

Для того чтобы правильно вести судебное следствие, нужна тщательно разработанная тактика ведения, нужно творческое отношение к каждому процессу судьи — председательствующего в судебном заседании. Однако без риска ошибиться можно сказать, что весь «багаж» знаний о тактике ведения судебного процесса сводится к шаблонному правилу: «Если подсудимый не признает себя виновным в предъявленном обвинении, судебный процесс целесо-

образно начать с допроса свидетелей; если же подсудимый признает свою вину, свидетелей целесообразно допросить во вторую очередь».

Это тем более странно, что вопрос о технике и тактике ведения предварительного следствия освещен в весьма крупном разделе криминалистики под названием «Частная методика». Вопросами же ведения судебного следствия, в особенности воспитательного воздействия судебных процессов, у нас не занимаются в научных юридических учреждениях, в органах юстиции также не изучается и не распространяется положительный опыт наших судей по ведению судебного процесса.

Наша задача — осветить в статье несколько судебных процессов, проведенных народными судьями г. Москвы. Достоинства и недостатки этих процессов поучительны.

Наш судья в особых условиях процедуры судебного разбирательства — активное лицо в процессе. Он агитатор за коммунистическую мораль, активный проводник советских законов, воспитатель масс. Эта роль народного судьи, председательствующего в судебном заседании, совместно с народными заседателями особенно возрастает при слушании дела без участия сторон, т. е. при слушании большинства уголовных дел в народном суде.

В этом отношении представляет интерес рассмотрение дела Молчановой по обвинению в спекуляции. Обыском у нее в квартире было обнаружено свыше пятисот метров различных тканей. Она не признавала себя виновной в спекуляции и утверждала, что мануфактуру в свое время обменивала на продукты, а теперь хранила их, по ее выражению, «на черный день». По ходатайству защиты в суд были вызваны четыре свидетеля — соседки подсудимой по квартире. Они должны были подкрепить позицию защиты о том, что Молчанова вела скромный образ жизни, кроме того, они не знали случаев продажи ею тканей. То ли по уговору, то ли по каким-нибудь другим причинам свидетели, насколько это зависело от них, старались помочь Молчановой, стремились умалить ее вину.

Председательствующая в судебном заседании народный судья 7-го участка Октябрьского района т. Л. И. Анисимова с большим тактом и умением провела допрос этих свидетелей. Тов. Анисимова построила допрос так, что каждый из свидетелей защиты сначала рассказал суду о своей жизни, о доходах и расходах семьи, о членах

семьи  
что у  
доход

—  
судья  
—  
знах

—  
Вот  
откла  
ко у  
Ци  
яное

—  
пить?  
обнар  
—  
детел

—  
должа  
одина  
Так  
свиде  
вызые  
своей

Тов  
воды  
судья  
прави  
ном к  
рой э  
нить,  
этом  
данно  
сущно  
суме  
так  
он са  
прису  
деле  
судом

Мы  
ва ет  
на т  
к от  
сут с  
умело,  
сумее

Так  
ком»  
сы от  
ка Ст  
ская.

В э  
по об  
престу  
магаз  
Москв  
мым  
В кач  
ее зна  
воду с  
бухгал  
газин,

—  
мне о  
яния  
я пла  
Из

семьи. Из ответов свидетелей следовало, что их доходы не намного отличались от доходов семьи Молчановой.

— А запасы есть у вас? — спрашивала судья.

— А зачем нам запасы? Всего в магазинах вдоволь.

— Как же так? А на «черный день»? Вот Молчанова на «черный день» ткани откладывала. (Смех в зале.) Знаете, сколько у нее обнаружено мануфактуры?

Цифра, сообщенная судом, приводила в явное смущение свидетелей.

— Вы могли бы столько тканей накопить? — и судья раскладывала образцы обнаруженных тканей, имеющихся в деле.

— Откуда же я возьму? — отвечал свидетель.

— Откуда же взяла Молчанова? — продолжала судья. — Ведь ваши доходы почти одинаковы.

Так постепенно суд раскрывал перед свидетелями истинное лицо преступника, вызывая осуждение ими же поступка своей соседки Молчановой.

Тов. Анисимова сделала правильные выводы из указаний М. И. Калинина нашим судьям: «Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку, сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения...

Мы мало учитываем, что суд оказывает огромнейшее влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих. Судья, который хорошо, умело, по-партийному ведет дело, всегда сумеет обеспечить и хорошую аудиторию».

Таким же уменьем в каждом «маленьком» деле поднять принципиальные вопросы отличается народный судья 3-го участка Сталинского района т. И. В. Гиляревская.

В этом народном суде слушалось дело по обвинению Грачевой в должностном преступлении. Грачева, работая директором магазина в одном из окраинных районов Москвы, отпускала муку различным знакомым через подсобное помещение магазина. В качестве свидетелей были вызваны эти ее знакомые. Особенно недоумевал по поводу его вызова в суд один из свидетелей, бухгалтер торгового предприятия, которому подчинялся магазин, где работала подсудимая.

— Что из того, — восклицал он, — если мне отпустили товар из подсобного помещения! Мы же вместе работаем. И деньги я платил!

Из допроса выяснилось, что этот свиде-

тель прекрасно знает правила торговли. Суд подробно расспросил его о плане распределения товаров по магазинам торгового предприятия (из всех присутствующих он один мог осветить этот вопрос).

— По какому принципу распределяются товары по магазинам?

— С учетом количества населения в каждом микрорайоне, обслуживаемом этим магазином, — и, понимая, к чему клонит судья, свидетель поспешил добавить:

— Конечно, распределение это условное.

Но судья продолжал:

— В каком же положении окажутся покупатели этого микрорайона, если треть товаров, предназначенная для продажи им, как на этот раз, будет отпущена на сторону?

Ответа не последовало, но он всем был ясен.

Другими вопросами т. Гиляревская и народные заседатели тт. Лебедев и Косматова убедительно показали присутствующим, что в результате преступления Грачевой определенная часть покупателей лишилась возможности приобрести необходимые товары, что такие, как Грачева, подрывают принципы советской торговли, что работа в одном ведомстве с директором магазина никаких привилегий для его сотрудников не дает. Народный суд заклеймил позором встречающихся еще у нас людей, которых в просторечии называют «блатмейстерами».

Что же касается самого приговора, то мера наказания, определенная Грачевой, — лишение свободы — явилась логическим продолжением судебного следствия. Она не была неожиданностью для присутствующих, встретивших приговор с одобрением.

Частным определением было доведено до сведения соответствующих организаций о неблагоприятных поступках работников торгового предприятия, использовавших свое служебное положение.

Особое внимание наших судей должно вызвать рассмотрение дел о расхитителях социалистической собственности. Чтобы выполнить указания товарища Сталина о том, что необходимо создать вокруг расхитителей «...атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики... создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра...»<sup>1</sup>, необходимо до тонкости изучить дело, продумать до слушания дела каждую мелочь, каждый вопрос подсудимым и свидетелям.

Пример такого подхода к слушанию этих дел дает народный судья 3-го участка Железнодорожного района т. П. П. Красникова.

Суд разбирает дело по обвинению Петренко и двух его сообщников в хищении

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 135 — 137.

ящика автомобильных лампочек. При приеме кладовщиком Петренко склада от старого кладовщика инвентаризационная комиссия ошибочно не включила в опись ящик лампочек. Он оказался вне инвентаризации, чем и воспользовался Петренко, пытаясь вынести его за пределы склада, но был задержан с поличным. Казалось бы, преступление налицо. Следователь построил обвинение на приобщенном к делу акте инвентаризационной комиссии и на показаниях свидетелей — очевидцев задержания Петренко с ящиком лампочек.

Но народный суд понял свою задачу шире. В подготовительном заседании он определил вызвать в качестве свидетелей всех членов инвентаризационной комиссии. Оказалось, что это уважаемые на складе работники, активисты, которым администрация доверила столь важное задание. Однако они формально отнеслись к порученной работе.

Не приходится говорить, какой предметный урок получили они, а также и начальник склада, присутствовавший в судебном заседании.

Убедившись, к каким последствиям привела их беспечность, народный суд под председательством т. Красниковой особенно поучительно провел эту часть судебного процесса, потребовав подробных объяснений от вызванных по инициативе суда свидетелей.

Осудив преступников, посягнувших на социалистическую собственность, народный суд вместе с тем помог избежать совершения подобного рода хищений в дальнейшем. Специальным представлением были извещены вышестоящие организации о беспорядках на складе.

Но не все наши народные судьи смотрят на судебные процессы как на школу жизни, не все они овладели труднейшим делом воспитания.

В практике нашей работы встречаются еще процессы бесцветные, неинтересные, когда не выполняется задача показать глубину морального падения человека, ставшего на путь преступлений.

Мы не всегда достаточно требовательны, довольствуясь в ряде случаев выяснением правильности вынесенного приговора и определенной преступнику меры наказания.

Слов нет, правильный приговор преступнику, мера наказания — решающий критерий в оценке работы народного суда. Но требовать от суда только этого — значит недооценивать всех его возможностей в деле коммунистического воспитания трудящихся.

В народном суде слушалось дело по обвинению Авдеева по ст. 88 УК РСФСР. Авдеев обвинялся в том, что, не расторгая брака, заключенного с Борисовой, он вступил в новый брак с Владимировой. Дело возникло по заявлению Борисовой.

Авдеев в совершенном преступлении признался. И когда председательствующий народный судья 7-го участка Железнодорож-

ного района г. Москвы т. Пономарев спросил Авдеева, в чем признает он себя виновным, ответ был: «Я не должен был регистрироваться с Владимировой, не расторгнув брак с Борисовой». После этого т. Пономарев, задав еще несколько вопросов подсудимому, поспешил закончить судебное следствие.

Такая поспешность отвечала и желаниям Авдеева, который, ознакомившись, очевидно, с санкцией ст. 88 УК, готов был уже отбыть полагающееся ему наказание (штраф или исправительно-трудовые работы) и стремился сократить неприятное для себя времяпрепровождение на скамье подсудимых. Вскоре за этим последовал и приговор. Авдеев приговоривался к штрафу в 300 руб. Между тем материалы дела давали основание для более глубокого и всестороннего его рассмотрения.

Из материалов дела следует, что Авдеев — человек невысоких моральных качеств. В свои 27 лет он уже в третий раз вступает в брак. Платит алименты на сына первой жене. Владимировой — комсомолка. Зная о том, что Авдеев не расторгнул брака с Борисовой, она все-таки дала согласие на регистрацию с ним брака. Все эти обстоятельства не заинтересовали суд. Авдеев даже не был допрошен по поводу этих фактов, ибо суд вполне удовлетворило признание Авдеева в совершенном преступлении.

Для присутствующих, да и для самого Авдеева было ясно, что нельзя сообщать ложные сведения органам загса, что нарушение этого правила приводит к наказанию, предусмотренному ст. 88 УК.

Но обязанностью суда было при разрешении этого дела показать, что преступление Авдеева не только подрывает идею государственной регистрации брака, но и все поведение Авдеева глубоко чуждо природе советского человека. Моральное воздействие на такого правонарушителя было крайне незначительным в судебном заседании. Возможно, что на предприятии, где работает Авдеев, даже и не узнают о полученной им судимости, Авдеев внесет штраф в банк и сочтет на этом дело законченным.

Народный суд должен был бы поставить вопрос и об общественном воздействии на комсомолку Владимирову, по сути дела соучастницу преступления Авдеева. Она осталась в стороне.

Глубоко правильно замечание М. И. Калинина: «Если вы возьмете человека, бывшего хотя бы раз под судом, то он вам скажет, и вы сами почувствуете, что процедура суда, само решение суда очень долго помнится этим человеком, оставляет навсегда след у него. А поскольку этот процесс оставляет след в памяти человека, постольку и влияние этого процесса на психологию человека, на его будущие поступки должно быть огромно.

И вот, когда вы все это учтете, то сами поймете, что судебный процесс в области

соци  
огро  
Ми  
оцен  
дейс  
на п  
Пр  
9-го  
г. М  
ное :  
нени  
ложи  
подс  
скам  
судей  
спец  
всего  
то в  
зани:  
редн:  
скам  
кссей  
эти  
В  
дела  
реры  
наро  
тель:  
сeday  
ле в  
участ  
тарь  
через  
рыва:  
расп  
то д  
воспр  
Оче  
ние А  
чая 1

Реп  
парти  
силь  
ского  
курор  
серьез  
круши  
целях  
ствием  
дачи  
предв  
ты в  
В 1  
год т  
было  
должн  
Сле  
М  
закоп

социалистического строительства имеет огромное значение»<sup>1</sup>.

Между тем отдельные наши судьи недооценивают значения процедуры суда, воздействия обстановки судебного заседания на психологию человека.

Председательствующая народный судья 9-го участка Железнодорожного района г. Москвы т. Алексеевко, открывая судебное заседание для слушания дела по обвинению Гавриловой в хулиганстве, не предложила подсудимой занять место на скамье подсудимых (в зале прекрасная мебель, скамья подсудимых находится направо от судейского стола и отгорожена от зала специальным барьером). В продолжение всего процесса Гаврилова находилась где-то в глубине зала и оттуда давала показания, окруженная посетителями. На передней скамье сидели свидетели, а на скамье подсудимых посетители. Тов. Алексеевко так и не обратила внимания на эти нарушения.

В этом же суде при слушании другого дела председательствующая объявила перерыв. Председательствующая и один из народных заседателей удалились в совещательную комнату, а другой народный заседатель так и оставался в судейском кресле весь перерыв. В народном суде 4-го участка Железнодорожного района секретарь суда во время слушания дела прошла через весь зал к судейскому столу и, прерывая судебное следствие, попросила судью расписаться и поставить печать на каком-то документе. Народный судья т. Рогов воспринял как должное просьбу секретаря.

Очень важным является для нас указание А. Я. Вышинского о том, что, «разоблачая в ходе судебного процесса не только

весь вред и опасность того или другого преступления для советского государства и интересов отдельных граждан, но и вскрывая на глазах у всех присутствующих в суде причины и корни преступления, вскрывая вместе с тем недостойные действия людей, совершающих эти преступления, показывая на конкретных фактах, как не должны были поступать эти люди и как, наоборот, должны в борьбе с преступными явлениями поступать честные советские граждане, суд осуществляет гигантскую воспитательную работу, которую не может проделать никакой другой государственный орган»<sup>1</sup>.

Если с этих позиций подойти к нашим судебным процессам, то нетрудно убедиться, что делается еще далеко не все, чтобы использовать эти возможности судебных органов в воспитательной работе.

\* \* \*

Мы осветили лишь некоторые стороны ведения судебного процесса. Мы делаем вывод: надо решительно повысить качество судебных процессов, их общественную значимость. Подобно тому, как у нас стенографируются и обсуждаются речи прокуроров и адвокатов, обсуждаются публичные лекции и уроки преподавателей в школе, работа суда, работа судьи в процессе должна быть подвергнута широкому, всестороннему обсуждению. Этого требуют задачи дня.

Ревизор управления Министерства юстиции РСФСР по г. Москве  
В. Лифшиц

## КАК МЫ ОБЕСПЕЧИВАЕМ ОКОНЧАНИЕ СЛЕДСТВИЯ В ЗАКОННЫЙ СРОК

Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза обязывают повысить уровень работы во всех звеньях советского государственного аппарата. На прокурорско-следственные органы ложится серьезная задача обеспечить нанесение сокрушительных ударов по преступности в целях ее искоренения. Серьезным препятствием в деле успешного решения этой задачи являются длительные сроки ведения предварительного следствия, факты волокиты в расследовании по уголовным делам.

В Шауляйской области Литовской ССР год тому назад положение со следствием было неблагоприятным и не обеспечивало должной борьбы с преступностью.

Следственный отдел областной прокура-

туры вынужден был резко перестроить свою работу по руководству следствием в смысле оперативного вмешательства в каждое дело, оказания конкретной помощи следователям в сочетании с жестким контролем над сроками проводимых ими следственных действий. Выезд на место, вызов следователей с делами, оказание им помощи в проведении ревизий, экспертиз и ускорении этапирования обвиняемых по делам решали быстрое и успешное расследование по делам.

Важно было упорядочить работу каждого следователя на основе четкого планирования и точного выполнения следственных действий, намеченных в плане, наладить ритмичную работу. Чтобы иметь учет и

<sup>1</sup> М. И. Калиниц, О революционной законности, 1934, стр. 8.

<sup>1</sup> А. Я. Вышинский, Судостроительство в СССР, 1940, стр. 79.

осуществлять успешный контроль над расследованием, завели своевременную высылку всеми следователями уведомлений о начале предварительного следствия и справок об окончании дел.

Я беру на учет на основе уведомлений следователей все без исключения дела, поступающие в их производство. Ежедневно сам и через прокуроров, контролируя ход расследования по делам, я знаю, у кого из следователей находятся в производстве дела, что это за дела и в каком они положении.

Дела в отделе учитываются не по конкретному журналу, а по контрольным районным спискам дел, составляемым на каждый месяц в отдельности. Остаток неоконченных дел по каждому району переносится в список на следующий месяц и оставляется место для последующего внесения и учета дел. Такой список представляется для учета дел и контроля над ходом их расследования больше удобства, чем один контрольный журнал, в котором накопление записей о делах за длительный период по каждому району затрудняет контроль над делами, оставшимися в производстве следователей от прошлых месяцев. В конце месяца, имея полные данные о движении дел по каждой прокуратуре, мы составляем по контрольному списку оперативную сводку и сличаем оперативные данные со статистическими.

При таком учете следственный отдел оказывает своевременную разностороннюю помощь прокурорам, следователям и обеспечивает своевременное и доброкачественное расследование по уголовным делам. В отделе вызываются молодые малоопытные следователи с делами, где последние изучаются зональными прокурорами, проверяется правильность планирования, после чего даются письменные указания и осуществляется контроль над их выполнением и своевременным расследованием по делу. Отдельные следователи, допускающие нарушение месячного срока и недоброкачественное расследование, заслушиваются в отделе. В районные прокуратуры, где положение со следствием оказывается тревожным, мы направляем специальные письма, обзоры, в которых указываем недостатки в работе и приводим положительные примеры работы народных следователей.

Особое внимание мы обращаем на то, чтобы следователи по каждому делу составляли планы проведения следственных действий и придерживались их выполнения. При повседневном контроле и помощи со стороны районных прокуроров и следственного отдела абсолютное большинство следователей области планирует свою работу по расследованию по уголовным делам. Обеспечив жесткий контроль над каждым делом, находящимся в производстве следователей, мы добились такого положения,

когда подавляющая часть дел в области оканчивается следователями в установленный законом месячный срок.

Что же сейчас препятствует расследованию всех без исключения дел в установленный законом срок?

Имеют место случаи, когда в результате поверхностного расследования дел последние судами возвращаются к расследованию и повторно оканчиваются уже с нарушением срока. Естественно, что возобновленные дела из числа приостановленных также оканчиваются с нарушением ст. 116 УПК. Но главное не в этом. Имеют место факты неорганизованности в работе и формального планирования по делам со стороны отдельных следователей области, что впоследствии приводит к затяжке следствия и недоброкачественному расследованию.

Вот пример: народный следователь прокуратуры Пасвальского района т. Максимов 9 декабря 1952 г. возбудил уголовное дело по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» против Мацкунас и Бальверис, плана проведения следственных действий по делу не составил и, несмотря на то, что уже в момент возбуждения дела было ясно, что необходимо провести графическую экспертизу, назначил последнюю только по истечении месяца после возбуждения дела. Прокурор района т. Калинаускас не контролировал работу т. Максимова и не потребовал составления плана по делу и своевременного направления материалов на экспертизу.

Большим препятствием к соблюдению месячного срока расследования является также и то, что дела, подследственные следователю прокуратуры, изымаются поздно из органов милиции, и следователь в оставшееся до конца месячного срока время не успевает их окончить.

Следственный отдел ежедневно с помощью отдела по надзору за органами милиции устанавливает все такие дела, возбужденные в районных и городских отделах милиции, и обязывает районных прокуроров своевременно изымать их и передавать в производство следователей.

Мы стремимся на деле путем надлежащего учета в следственном отделе уголовных дел, находящихся в производстве следователей, оперативного руководства следствием и своевременной помощи следователям, повседневного руководства следствием со стороны районных прокуроров обеспечить высококачественное расследование уголовных дел в установленный законом месячный срок.

Начальник следственного отдела  
прокуратуры Шауляйской области  
Н. Пчелинцев

П

В  
кон  
ва «  
П  
в ре  
след  
повл  
в пр  
отде.  
учет.  
Пр  
дак  
к тс  
в ор  
уже  
Пр  
ла, ч  
след  
собст  
«Гор  
ратур  
с ра  
проку

В  
т. Ст  
ступл  
Упр  
Сверд  
дакци  
ников  
адвок  
работ  
собра  
в кон  
боте  
работ  
Прези  
чески  
катов  
менто  
на пр  
провод  
ния с  
коллег  
совещ  
проса  
Мин  
в реда  
водитс  
контро

В Ж  
респон  
истреб  
вступл  
Прог  
в реда

## ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 11 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Зыкова «Устранить причины волокиты».

Прокуратура Минской области сообщила в редакцию, что ею приняты меры, чтобы следствие по делам проводилось в установленные сроки. Дела, находящиеся в производстве следователей, следственным отделом прокуратуры области берутся на учет.

Прокуратура г. Минска сообщила в редакцию, что ею принимаются все меры к тому, чтобы не допускать волокиты в органах расследования, и в этой части уже имеются ощутимые результаты.

Прокуратура Полоцкой области сообщила, что за проявленную волокиту при расследовании расхищения социалистической собственности и злоупотреблений в совхозе «Городец» старший следователь прокуратуры Полоцкой области т. Станкевич с работы снят и отчислен из органов прокуратуры.

В № 11 была опубликована статья т. Стрельникова «Улучшить качество выступлений прокуроров и адвокатов в суде».

Управление Министерства юстиции по Свердловской области сообщило в редакцию, что постановка вопроса т. Стрельниковым о качестве выступлений в суде адвокатов правильна. Вопрос о качестве работы адвокатов обсуждался на общем собрании адвокатов Свердловской области в конце прошлого года. В докладе о работе коллегии адвокатов вопросу качества работы было уделено основное внимание. Президиум коллегии адвокатов систематически проверяет качество выступлений адвокатов в суде и качество составления документов, результаты проверки обсуждаются на производственных совещаниях, которые проводятся регулярно. После опубликования статьи т. Стрельникова президиумом коллегии адвокатов проведено специальное совещание адвокатов с обсуждением вопроса о качестве работы адвокатов.

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что им в Новосибирске проводится кустовое совещание об улучшении контроля над качеством работы адвокатов.

В № 12 журнала была напечатана корреспонденция Абушкевича «Неправильное истребование прокурорами дел из судов до вступления приговора в законную силу».

Прокуратура Пинской области сообщила в редакцию, что в практике работы проку-

ратуры Пинской области случаев неправильного направления протестов и дел непосредственно в Верховный суд Белорусской ССР или в другую вышестоящую инстанцию, минуя суд, рассматривавший дело, больше не было.

Прокуратура Полоцкой области сообщила в редакцию, что все дела с протестами направляются в Верховный суд Белорусской ССР только через Полоцкий областной суд.

В № 12 была опубликована статья т. Серкова «Серьезнее подходить к назначению судебно-бухгалтерской экспертизы».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что им обращено внимание председателя Брянского областного суда на недостатки в судебной практике по назначению судебно-бухгалтерской экспертизы и предложено принять меры к их устранению.

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что т. Серков правильно критикует недостатки в работе судебных органов, вплоть до Верховного суда, которые в ряде случаев необоснованно требуют проведения судебно-бухгалтерских экспертиз в нарушение требования закона.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Болдырева «За дальнейшее улучшение работы народного суда».

Верховный суд РСФСР сообщил в редакцию, что т. Болдырев правильно указывает, что для обеспечения рассмотрения дел и устойчивости приговоров и решений народный судья и судебный состав должны тщательно знакомиться с делом. С предложением т. Болдырева о предоставлении народному судье права в каждом случае, когда он не согласен с решением суда второй инстанции, направлять дело в Верховный суд РСФСР согласиться нельзя. Существующий порядок, когда народный судья может об определении суда второй инстанции, которое считает неправильным, сигнализировать Председателю Верховного суда РСФСР, от которого зависит истребование дела, более правилен. Вызов народных судей на практику в Верховный суд РСФСР неосуществим, так как Верховный суд РСФСР не смог бы обеспечить практикой всех народных судей республик и такая мера была бы в ущерб прохождению практики в Верховном суде РСФСР работниками областных, краевых и верховных судов АССР.

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

### Б. С. Антимонов, *Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности*

Книга Б. С. Антимонова посвящена изучению одного из важных институтов советского обязательственного права. В практике судебных и арбитражных органов дела по искам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, встречаются довольно часто.

По своему характеру книга Б. С. Антимонова представляет довольно обширную (293 стр.) монографию, в которой автор стремится рассмотреть проблему с возможной полнотой и со многих точек зрения. Так, автор подробно исследует вопрос об основаниях повышенной гражданской ответственности, о понятии источника повышенной опасности, о понятии непреодолимой силы, о круге лиц, ответственных за вред, причиненный источником повышенной опасности, и обсуждает ряд других относящихся сюда вопросов. К изучению автором привлечена обширная судебная и арбитражная практика, как опубликованная, так и неопубликованная, причем решения судебных и арбитражных органов приведены за много лет. Автор подробно останавливается также на взглядах, которые были высказаны в советской литературе по тем вопросам, которые он рассматривает в своей работе, и дает не только обстоятельное изложение этих взглядов, но и их подробную критику. В конце работы помещен тщательно составленный алфавитно-предметный указатель. Так выглядит книга Б. С. Антимонова с внешней стороны.

Обращаясь к ее содержанию, приходится, однако, отметить, что книга Б. С. Антимонова вызывает серьезные возражения, притом по самым основным вопросам.

Прежде всего обращает на себя внимание обстоятельство, что почти ни по одному сколько-нибудь существенному вопросу автор не высказывает мнения, которому не противопоставлялась бы другая точка зрения автора. Автор как бы шеголяет тем, что он высказывает различные, порой взаимоисключающие положения, предоставляя читателю самому решать, какое из высказанных автором положений является выражением его взглядов. Вряд ли приходится доказывать недопустимость подобного метода изложения научных вопросов.

В работе приведена обширная судебная и арбитражная практика. При ближайшем рассмотрении приведенных автором решений оказывается, что многие из них относятся еще к первой главной фазе разви-

тия Советского государства и утратили для настоящего времени значение. Между тем автор использует некоторые из этих решений для конструируемых им положений, предназначенных служить нынешним потребностям.

Так же дело обстоит с обзором и критикой литературных мнений. Автор почему-то считает своей обязанностью излагать со всеми подробностями мнения, высказанные много лет тому назад и еще в то время лишенные какого-либо научного значения. В самом деле, какое значение для науки советского гражданского права имеет утверждение проф. А. Ратнера о том, что чековые операции кредитных учреждений являются источником повышенной опасности в смысле ст. 404 ГК? А между тем автор не только извлекает обширную цитату из статьи проф. А. Ратнера, но еще самым обстоятельным образом приводит теоретические соображения по поводу его совершенно недопустимого утверждения, будто у нас «в кипучем темпе банковской деятельности заложены моменты, облегчающие возможность получения денег по подложным чекам» (стр. 54, 55).

К числу общих недостатков книги относится и то, что автор не столько исходит из закона и руководящей судебной практики, сколько стремится найти в законе и в судебных и арбитражных решениях подтверждение собственных взглядов. Этим во многом и объясняются отмеченные выше противоречия в выдвигаемых автором положениях: установив и обосновав априорным путем то или иное положение, автор в последующем изложении принужден говорить в соответствии с законом. Поэтому и получается так, что правильными являются эти корректировочные положения, основные же положения автора, которые он стремится обосновать общими теоретическими соображениями, являются совершенно неприемлемыми.

В этом отношении книга Б. С. Антимонова представляет пример того отрыва теории от практики, который является характерным для многих работ по советскому гражданскому праву.

Вызывает удивление, каким образом Всесоюзный институт юридических наук, под маркой которого вышла книга Б. С. Антимонова, допустил ее издание, не предложив автору устранить содержащиеся в ней противоречия, несоответствия с законом и руководящей практикой по его применению.

После этих общих замечаний обратимся к рассмотрению отдельных выдвинутых автором положений.

Пр  
вива  
осно  
стве  
имек  
с на  
Ка  
исто  
окру  
ответ  
шего  
пов  
неюр  
за с  
на б  
ли  
ст. 4  
вред  
причи

На  
чае  
чение  
случа  
дусм  
зывает  
являе  
особе  
Стра  
особо  
ный  
по на  
ляется  
зван  
соста  
никно  
(стр.  
автор  
факто  
да до  
прави  
чаях»

Пре  
ра, ч  
как и  
по се  
несча  
денне,  
вае,  
чинен  
нина,  
прово  
вия п  
шесть

Вер  
го стр  
здоров  
следст  
ников  
исходи  
деятел  
спасис  
а пот  
шенно  
источн  
на их  
свое д  
кон ка  
стями  
деятел

Прежде всего возражения вызывают разбиваемые Б. С. Антимоновым взгляды на основания повышенной гражданской ответственности. Мы полагаем, что они не имеют ничего общего с советским правом, с нашей действительностью.

Как известно, за вред, причиненный источником повышенной опасности для окружающих, в ст. 404 ГК установлена ответственность без вины лица, причинившего вред. В связи с этим Б. С. Антимонов ставит вопрос, в силу каких особых, неюридических оснований, которые стоят за ст. 404 ГК, в этой статье установлена более строгая ответственность, нежели ответственность по предшествующей ст. 403 ГК, согласно которой причинивший вред отвечает только в том случае, если он причинил вред по своей вине (стр. 12).

На этот вопрос Б. С. Антимонов отвечает следующим образом: «Детальное изучение причин большого числа вредоносных случаев названного выше типа (т. е. предусмотренных ст. 404 ГК.— К. Я.) показывает, что определяющей их причиной является самый род деятельности, а не особенности конкретного случая» (стр. 35). Страницу спустя он пишет: «Основанием особой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, по нашему мнению, в советском праве является то обстоятельство, что использование такого источника само по себе составляет определяющую причину возникновения вредоносных происшествий» (стр. 36—37). «Очевидно,— утверждает автор,— что обнаружение определяющих факторов вредоносных явлений данного рода должно быть основанием для общего правила об ответственности в таких случаях» (стр. 36).

Прежде всего неверно утверждение автора, что «самый род деятельности, равно как использование такого источника «само по себе», составляет причину возникновения несчастных случаев. Делая такое утверждение, автор, хотя он на стр. 8 и указывает, что советский закон борется с причинением вреда жизни и здоровью гражданина, которое должно и можно устранить, проводит фаталистический взгляд на условия применения техники в советском обществе.

Верно, что в условиях капиталистического строя трудящиеся расплачиваются своим здоровьем и жизнью за вредоносные последствия, связанные с применением источников повышенной опасности. Но это происходит не потому, что соответствующая деятельность или источники повышенной опасности «сами по себе» причиняют вред, а потому, что владельцы источников повышенной опасности не склонны, вводя эти источники в эксплуатацию, нести расходы на их обезвреживание. Здесь проявляется свое действие основной экономической закон капитализма. И какими бы возможностями для устранения опасного характера деятельности ни обладала современная ка-

питалистическая техника, владельцы источников повышенной опасности ничего не сделают, если только это не сулит им максимальную выгоду.

Иное дело в СССР. Параллельно с введением в нашу экономику новых механизмов, установок, аппаратов Советское государство применяет все более эффективные меры для обеспечения охраны труда при пользовании ими. Это вытекает из требования основного экономического закона социализма, согласно которому обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих потребностей общества происходит на базе высшей техники.

В числе теорий, которые одно время имели распространение в нашей литературе, автор излагает также «теорию риска», иначе «теорию профессионального риска». Согласно этой теории несчастные случаи являются неизбежным результатом применения техники, а потому необходимо лишь учитывать убытки, которые связаны с выплатой потерпевшим соответствующих компенсаций и которые в капиталистических странах перекладываются на потребителей, т. е. на трудящиеся массы. Справедливо критикуя применение «теории риска» к истолкованию ст. 404 ГК, автор в действительности своей теорией «об определяющих факторах вредоносных явлений» снова возрождает в советской литературе эту буржуазную теорию.

В этом еще более убеждает читателя предложение автора исключить из советского законодательства понятие источника повышенной опасности. «В будущем ГК СССР,— пишет автор,— нецелесообразно сохранение примерного перечня случаев повышенной внедоговорной ответственности. Перечень случаев повышенной ответственности должен быть исчерпывающим, поскольку речь идет о специальной норме, устанавливающей в виде изъятия из общего правила ответственности особый правовой режим ответственности» (стр. 101).

Таким образом, автор как бы предлагает рассматривать некоторые виды деятельности как неизменно опасные. Автор не учитывает того, что, дав в ст. 404 примерный перечень лиц, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, ГК подчеркивает относительный характер того, что выражается понятием повышенной опасности деятельности. Осуществляя требования основного экономического закона социализма, XIX съезд партии дает директиву обеспечить дальнейшее улучшение охраны труда в промышленных предприятиях (Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы).

В директивах указывается на внедрение во все отрасли народного хозяйства передовой техники, улучшение организации труда и повышение культурно-технического уровня трудящихся для дальнейшего повышения производительности труда. Но разве эти факторы не являются влияющими

на дальнейшее снижение и без того низкого процента промышленного травматизма в СССР!

Но допустим на минуту, что учение автора об определяющих факторах вредоносных явлений правильно. Все же мы не получаем в этом учении объяснения на поставленный автором вопрос, в силу каких неюридических оснований по ст. 404 ГК установлена ответственность без вины.

Спросим со своей стороны, в силу каких неюридических оснований в одних случаях использования источников повышенной опасности установлена ответственность без вины (ст. 404 ГК) и даже за действие непреодолимой силы (ст. 78 Воздушного кодекса СССР), а в других случаях — ответственность за вину (ст. 413 ГК).

Автор понимает, что сделанная им ссылка на определяющие факторы недостаточна, и потому вынужден обратиться к характеристике служебной роли нормы, выраженной в ст. 404 ГК. Но здесь автор испытывает затруднения, так как, по мнению автора, безусловное воспитательное и предупредительное, а следовательно, и возмездное значение имеют только те нормы советского права, которые содержат в себе принцип ответственности за вину (стр. 16). В связи с этим автор задает чрезвычайно трудный для него вопрос: «о каком... воспитательном и предупредительном значении нормы, возлагающей обязанность возместить вред на конкретного причинителя, можно говорить, когда этот причинитель вреда не виновен» (стр. 17). И, подходя с этой стороны к разрешению вопроса о внутренних основаниях ответственности по ст. 404 ГК без вины, автор снова спрашивает: «В чем же, однако, внутреннее основание, по которому закон изменяет границу ответственности для некоторых случаев? Почему принцип вины, воспитательное значение которого вне сомнений, заменен в ст. 404 ГК другим принципом?» (стр. 34). Правильный ответ на этот вопрос вовсе не секрет для автора.

На стр. 43 автор пишет: «стимулировать, побуждать к деятельности можно и не обвиняя». Следовательно, можно думать, что автор признает то бесспорное положение, что всякая правовая норма, направленная на регулирование поведения людей, в том числе и норма, выраженная в ст. 404 ГК, имеет воспитательное значение и тем более действительное, чем более строгий принцип ответственности положен в основание соответствующей нормы. Вполне понятно, что ответственность без вины является более строгой, нежели ответственность за вину.

В главе второй, озаглавленной «Понятие источника повышенной опасности», автор так и пишет: «Регулирование ответственности по ст. 404 ГК построено... на стремлении законодателя независимо от фактора вины побудить владельцев «источника повышенной опасности» так организовать в будущем данную деятельность, чтобы сначала резко снизить вредоносность, а за-

тем и вовсе ее устранить» (стр. 53). Однако приходится констатировать, что это правильное положение, очевидно, не является выражением действительного мнения автора по этому вопросу. Главу первую, специально посвященную выяснению внутренних оснований ответственности по ст. 404 ГК, автор заканчивает совершенно другими словами: «...вскрытие вредоносных определяющих причин несчастных случаев мобилизует на борьбу с этими случаями, поскольку понятие определяющей причины не содержит в себе неизменности, неодолимости определяющего фактора» (стр. 43).

Автор исходит из того, что «с победой социализма объективные общественные закономерности полностью подпадают под контроль общества, контроль государства».

Приведенные слова находятся в прямом противоречии с учением И. В. Сталина о главных определяющих причинах и об объективном характере законов общественного развития.

Но что автор понимает под источником повышенной опасности, о котором говорится в ст. 404 ГК? Выяснению этого понятия посвящена глава вторая. На стр. 71 автор пишет по этому вопросу: «Источники повышенной опасности». В смысле ст. 404 ГК это не только движение, действие, — это определенный род деятельности. Представление о деятельности прямо подчеркнуто законодателем. Он так и начинает изложение ст. 404 ГК: «Лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих», а затем переходит к примерам деятельности этого рода. На стр. 100 автор утверждает: «...источник повышенной опасности в смысле ст. 404 ГК — это правомерная сама по себе деятельность или правомерное действие. Неправомерным закон признает лишь причинение вреда источником повышенной опасности».

Приведенные слова автора находятся в прямом противоречии с законом. В ст. 404 ГК есть два различных понятия, которые смешивает автор: а) понятие деятельности, которая связана с повышенной опасностью для окружающих, и б) понятие источника повышенной опасности. Автор же объявляет источником повышенной опасности деятельность. По автору, выходит, что деятельность железных дорог, трамваев, фабрично-заводских предприятий, следовательно, деятельность социалистического транспорта, социалистической промышленности и других отраслей советского хозяйства, является «сама по себе» источником повышенной опасности. Такое утверждение явно неправильно, неверно.

Статья 404 ГК говорит о деятельности, лишь связанной с повышенной опасностью. Вполне понятно, что не все стороны деятельности транспортных, промышленных и других предприятий связаны с такой опасностью. Повышенная опасность для окружающих появляется только тогда, когда

в де  
меня  
сти.  
об о  
прич  
ком  
влад  
ного  
тока.  
РСФ  
видн  
Уб  
повы  
иной  
мя г  
ности  
сма  
опас  
ния  
(стр.  
ности  
«ист  
и др

Ка  
опре  
вред  
испо  
ности  
треб.  
ной  
рода  
во в  
опре  
проц  
авто  
так:  
дель  
от с  
(стр.

Пр  
поня  
стан  
конц  
выш  
опре  
источ  
втор  
нию  
с за

Ка  
отка  
повы  
му,  
ляет  
ко в

Со  
деят  
ной  
за в  
шен  
вред  
силы  
само  
Ка  
непр  
само  
щими  
карт  
возн

б с

в деятельности соответствующих лиц применяются источники повышенной опасности. Поэтому судебная практика и говорит об ответственности по ст. 404 ГК: «за вред, причиненный не самим лицом, а источником повышенной опасности, которым он владеет» (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 21 мая 1928 г., протокол № 9, см. Гражданский кодекс РСФСР, Госюриздат, 1952, стр. 129). Очевидно, что владеть деятельностью нельзя.

Убеждая читателя в том, что источником повышенной опасности является тот или иной род деятельности, автор в то же время говорит об источнике повышенной опасности как о вещи, «работа которой рассматривается как «источник повышенной опасности» (стр. 258), о «понятии владения источником повышенной опасности» (стр. 259), о владении машиной, «деятельность которой закон рассматривает как «источник повышенной опасности» (стр. 270) и др.

Как было отмечено выше, в главе первой, определяющей причиной возникновения вредоносных происшествий автор считает использование источника повышенной опасности (стр. 36, 37). Очевидно, автор употребляет здесь термин «источник повышенной опасности» не в смысле определенного рода деятельности, как это он утверждает во второй главе, а в смысле свойств вещи, определенных видов энергии, технических процессов и т. п. В соответствии с этим автор назвал главу четвертую своего труда так: «Обстоятельства, освобождающие владельца «источника повышенной опасности» от обязанности по возмещению вреда» (стр. 127).

При столь противоречивых определениях понятия источника повышенной опасности становится непонятным, что же в конце концов автор понимает под источником повышенной опасности. Ясно только, что то определение, которое дает автор понятию источника повышенной опасности в главе второй, специально посвященной выяснению этого вопроса, не имеет ничего общего с законом и практикой его применения.

Как было отмечено, автор предлагает отказаться от общего понятия источника повышенной опасности. Считаю, повидимому, этот вопрос решенным, он не употребляет этого термина закона иначе, как только в кавычках.

Согласно ст. 404 ГК лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы либо умысла или грубой небрежности самого потерпевшего.

Как указывает Б. С. Антимонов, действие непреодолимой силы и виновное поведение самого потерпевшего являются привходящими обстоятельствами, которые меняют картину действий определяющей причины возникновения вредоносного происшествия

(стр. 37). В связи с этим автор в главе четвертой подробно останавливается на обстоятельствах, освобождающих владельца «источника повышенной опасности» от обязанности по возмещению вреда. В первой части этой главы автор говорит о непреодолимой силе, во второй части — о виновном поведении лица, потерпевшего вред.

Как же автор объясняет понятие непреодолимой силы? В этом вопросе автор присоединяется к точке зрения Д. М. Генкина, уже воспринятой некоторыми советскими цивилистами (проф. Л. А. Лунц). Согласно этой точке зрения, основанной, по словам автора, на большом обобщении судебной практики, «вина и казус лежат в ряду необходимой причинности, непреодолимая же сила связана с понятием случайной причинности». Исходя из этого, Б. С. Антимонов определяет непреодолимую силу как объективно случайное обстоятельство (стр. 168).

С этим определением согласиться нельзя. Определение непреодолимой силы как объективно-случайного обстоятельства не соответствует ст. 404 ГК. Ведь помимо того обстоятельства, на которое ответчик ссылается в качестве непреодолимой силы и наличие которой при определенных условиях влечет за собой освобождение его от ответственности по ст. 404 ГК, всегда бывает ряд других объективно-случайных обстоятельств, которые не оказывают никакого влияния на решение спора. Ст. 404 ГК устанавливает совершенно другое. Согласно этой статье, ответчик должен доказать, что вред возник вследствие непреодолимой силы. Поэтому между обстоятельством, квалифицируемым судом как непреодолимая сила, и вредом, по поводу которого предъявлен иск, должна быть объективно необходимая причинная связь. Причинная связь, притом объективно-необходимая причинная связь, является необходимым условием как для возложения ответственности за причинение вреда, так и для освобождения от ответственности, когда ответчик ссылается на то, что вред причинил не он, а вред произошел в силу действия непреодолимой силы или виновного поведения самого потерпевшего.

В вопросе о непреодолимой силе Б. С. Антимонов вслед за Д. М. Генкиным использует буржуазную теорию Экспера, согласно которой непреодолимой силой считается событие, внешнее в отношении сферы деятельности, представляющей повышенную опасность.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением автора, что непреодолимая сила понимается судебной практикой как действительно объективный случай для ответственности лица за событие (стр. 182). Такое определение понятия непреодолимой силы лишено всякого практического значения.

Следует категорически возражать против предложения автора изъять из законодательства термин «непреодолимая сила» и

заменить его термином «объективно-случайное обстоятельство» (стр. 168).

Переводя проблему непреодолимой силы в плоскость учения о причинной связи, автор исходит из тех соображений, что иначе все дело сведется к проблеме вины (стр. 176). Но автор прекрасно знает, что вопрос о непреодолимой силе ставится только в случае ответственности без вины, так как в случае ответственности за вину совершенно безразлично, наступил ли вредоносный результат в силу простого случая или действия непреодолимой силы. И при том и при другом условии, раз вины ответственного лица нет, оно освобождается от ответственности. Поэтому в ст. 403 ГК, устанавливающей ответственность за вину, нет упоминания о непреодолимой силе в качестве обстоятельства, освобождающего от ответственности по этой статье.

Необходимо также остановиться на том истолковании, которое автор дает ст. 413 ГК. Согласно этой статье наниматель, внесший страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования, не обязан возмещать вред, причиненный наступлением несчастного случая. Но если вред причинен по вине нанимателя и потерпевший не получает полного возмещения вреда в порядке социального страхования, потерпевший имеет право дополнительного пребывания к предпринимателю. Очевидно, что ст. 413 ГК предусматривает специальный состав правонарушения. В ней установлен круг ответственных и уполномоченных лиц, а равно условия и основания ответственности. По этой статье возмещается только вред, причиненный личности. Поэтому нельзя обсуждать ответственность по ст. 413 ГК одновременно с привлечением ст. 403 или ст. 404 ГК. Для применения ст. 413 ГК безразлично, причинен ли вред в связи с использованием источников повышенной опасности или без применения их.

Если встать на противоположную точку зрения, то получится, что на основании ст. 413 ГК в одних случаях, если вред в отсутствие вины нанимателя причинен на производстве источником повышенной опасности, например машиной, то иск потерпевшего подлежит удовлетворению, а в других случаях, если вред причинен на том же производстве не источником повышенной опасности, иск не подлежит удовлетворению.

В судебной практике время от времени встречаются решения, в которых суды ссылаются и на ст. 413 ГК и одновременно на ст. 403 или ст. 404 ГК. Однако такие решения содержат прямое нарушение ст. 413 ГК и руководящих указаний, которые Пленум Верховного суда СССР дал по применению этой статьи 10 июня 1943 г. Согласно этим указаниям «ответственность страхователя по ст. 413 ГК... наступает при наличии между сторонами трудовых отношений и когда вред возник в результате преступного действия или бездействия

страхователя, если при этом страхователь не докажет, что он не мог предотвратить вреда» (Гражданский кодекс РСФСР, Госюрисдат, 1952, стр. 127). Никаких указаний на одновременное применение ст. 403 ГК или ст. 404 ГК со ст. 413 ГК ни в самой ст. 413 ГК, ни в приведенном постановлении Пленума Верховного суда СССР не содержится.

Вопреки закону и руководящим указаниям Пленума Верховного суда СССР, Б. С. Антимонов на протяжении всей книги проводит мысль, что ст. 413 ГК сочетается или, как выражается автор, сопрягается в одних случаях со ст. 403 ГК, в других случаях со ст. 404 ГК. Такую точку зрения автор обосновывает разными доводами. На стр. 32 он указывает, что «по ст. 404 ответственность возложена лишь за действие (1?) «источника повышенной опасности», а по ст. 403 ГК ответственность возлагается за последствия виновного действия, но также и за виновное бездействие лица». «Отмеченное различие,— указывает автор,— учитывается и нашими судебными органами, которые, например, применяют ст. 413 ГК в одних случаях в сочетании со ст. 403 ГК, а в других случаях в сочетании со ст. 404 ГК» (стр. 32). Но это значит подводить под отдельные случаи неправильной ссылки на закон теоретическую базу. Согласно ст. 413 ГК, как уже указывалось выше, наниматель отвечает только в том случае, если вред причинен его преступным действием или бездействием, т. е. по его вине.

На стр. 121 Б. С. Антимонов утверждает: «то обстоятельство, что ст. 413 ГК не является нормой, самостоятельно применяемой, что подобно ст. ст. 414 и 415 ГК она применяется в сопряжении с основными нормами раздела XIII главы об обязательствах, т. е. со ст. ст. 403 и 404, не вызвало до сих пор сомнений в литературе». При этом Б. С. Антимонов в ссылке пишет: «В учебнике «Гражданское право» для вузов в 1944 г. (т. I) это положение прямо выражено только в отношении сопряженности ст. 414 либо со ст. 403 либо со ст. 404 ГК (стр. 347 § 503)» (стр. 121).

По поводу сказанного следует заметить следующее. Ст. 414 не решает вопроса, подобно ст. 413 ГК, кто и в каких случаях несет ответственность за причиненный вред. Так как в этой статье говорится лишь о праве на возмещение лиц, не застрахованных в порядке социального страхования причинителем вреда, то при применении этой статьи необходимо еще выяснить, обязано ли лицо, причинившее вред и не являющееся страхователем потерпевшего, возместить вред потерпевшему, не получившему полностью возмещение в порядке социального страхования. Этот вопрос решается на основании либо ст. 403 либо ст. 404 ГК, в зависимости от обстоятельств, при которых был причинен вред. Поэтому учебник, на который ссылается автор, правильно говорит о ст. 414, а не о ст. 413 ГК.

Вызы  
ра на  
легии  
суда  
к В.  
держ  
подле  
ст. 4  
ст. 4  
ст. 4  
С  
ние  
дела  
Г. В.  
В эт  
«суд  
выяс  
кака  
долж  
или  
летс  
ст. 4  
возме  
 социа  
не ка  
вооб  
возме  
Сст  
не им  
об от  
не м  
теори  
и ст.  
Взы  
ст. 4  
вины  
ст. 4  
толк  
ствен  
плата  
В  
ст. 4  
ме о  
и ст.

1 «  
опред  
СССР  
2 «  
опред  
СССР

Вызывает при этом удивление ссылка автора на стр. 122 на решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР к иску Е. Н. Михеева к В. В. Коновалову, в котором не содержится никаких указаний на то, что дело подлежало разрешению на основании ст. 413 ГК, тем более в сочетании со ст. 404 ГК<sup>1</sup>. Неправильной является и другая ссылка автора на стр. 121 на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Г. В. Кривошеева к колхозу имени Кирова. В этом определении коллегия указала, что «суд сослался только на ст. 415 ГК, не выяснив предварительно вопроса о том, какая основная статья данного раздела ГК должна быть применена к делу: ст. 403 или ст. 404 ГК»<sup>2</sup>. Указание коллегии является совершенно правильным, так как ст. 415 ГК регулирует вопрос о размере возмещения лицам, не застрахованным по социальному страхованию, но совершенно не касается вопроса о том, обязано ли вообще лицо, причинившее вред, к его возмещению.

Ссылки автора на ст. 414 и ст. 415 не имеют никакого отношения к вопросу об ответственности по ст. 413 ГК и никак не могут служить доказательством его теории о сопряженности ст. 413 со ст. 403 и ст. 404 ГК.

Ввиду того, что ответственность по ст. 404 ГК является более строгой (без вины), то предложение автора сопрягать ст. 413 со ст. 404 ГК означает на деле толкать суды к присуждению с государственных и других организаций сумм, выплата которых не предусмотрена законом.

В главе шестой об исковой давности по ст. 404 ГК автор, вновь возвращаясь к теме о сопряженности ст. 413 со ст. 403 и ст. 404 ГК, делает тот вывод, что по

ст. 413 ГК могут быть применены разные сроки давности, в зависимости от того, с какой статьей — 403 или 404 ГК, — как пишет автор, должна быть сопряжена ст. 413 ГК при разрешении того или иного дела (стр. 280).

За недостатком места мы не можем остановиться на других положениях автора, вызывающих возражения.

Подводя итог сказанному, следует прийти к выводу, что рассматриваемая книга Б. С. Антимонова страдает серьезными недостатками. Мнения автора об основаниях повышенной гражданской ответственности, истолкование им понятия источника повышенной опасности внутренне противоречивы. Утверждение автора, что использование источника повышенной опасности само по себе составляет определяющую причину возникновения вредоносных происшествий, и как вывод из этого предложение автора ввести в законодательство исчерпывающий перечень случаев повышенной внедоговорной ответственности ведет к возрождению «теории риска». Утверждение автора, что источник повышенной опасности — это определенный род деятельности, находится в прямом противоречии с законом. Утверждение автора о непреодолимой силе также находится в прямом противоречии с законом. Предложение автора отказаться от понятия непреодолимой силы и заменить его понятием объективного случая может принести вред на практике. Истолкование автором ст. 413 ГК в меньшей мере противоречит закону и руководящим указаниям по этому вопросу Пленума Верховного суда СССР. Воспитательная и предупредительная роль норм, регулирующих в советском праве ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, не получила в работе ясного освещения.

По этим основаниям книга Б. С. Антимонова, несмотря на ряд высказанных в ней интересных мыслей и правильных положений, вряд ли может оказать помощь лицам, изучающим институт обязательств из причинения вреда по советскому гражданскому праву.

К. Яичков

<sup>1</sup> «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1943 г.», 1948, стр. 182.

<sup>2</sup> «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 г.», 1941, стр. 232.

## ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

### ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

#### Незаконный приказ

Приказом Министра совхозов СССР была утверждена номенклатура должностей, по которой работники назначаются и освобождаются приказами министра. В эту номенклатуру были включены министры совхозов республик и их заместители.

Этот приказ является незаконным, ибо согласно ст. 83 Конституции СССР министры союзных республик входят в состав правительства республики, которое образуется Верховным Советом союзной республики. Присвоение министром общесоюзного министерства права назначать и освобождать министров союзной республики является не только произвольным расширением полномочий, предоставленных ему законом, но и нарушением суверенитета союзных республик, гарантированного им ст. 15 Конституции СССР.

Приказ Министра совхозов был опротестован Генеральным Прокурором СССР и удовлетворен бывшим Министерством совхозов.

#### Незаконное лишение льгот квалифицированных работников в сельских местностях и рабочих поселках

Секретарь ЦК профсоюза медицинских работников направил на места указание о том, что «если совместно с медицинским работником проживает член семьи (жена, сын, дочь, брат, сестра, родители), работающий и имеющий заработок, а по своей специальности не пользующийся льготами по закону от 10 июня 1930 г., то взывается стоимость квартирной платы и коммунальных услуг в доле, падающей на этого члена семьи, если жилая площадь и коммунальные услуги бесплатно предоставлены учреждением системы здравоохранения».

Это разъяснение является незаконным, так как согласно закону при отсутствии свободных квартир в домах, принадлежащих указанным исполкомам, учреждениям, предприятиям или организациям, необходимая и вполне годная жилая площадь с отоплением и освещением на работника и членов его семьи должна быть предоставлена в наемных помещениях с оплатой жилой площади, отопления и освещения за счет соответствующих исполкомов, учреждений и организаций по действительной их стоимости.

Это указание секретаря ЦК профсоюза медицинских работников было опротестовано Генеральным Прокурором СССР и отменено.

#### Незаконное лишение установленных законом льгот при временной нетрудоспособности

Начальник Главного управления спецсвязи Министерства связи СССР направил разъяснение уполномоченным Министерства связи в союзных республиках, начальникам краевых, областных и республиканских управлений связи, в котором сообщил, что, если во время очередного отпуска работник спецсвязи заболел и находился дома, не пользуясь стационарным лечением, хотя и имел больничный лист, отпуск ему на число дней болезни не увеличивается. Если работник спецсвязи, находясь в очередном отпуске, заболел и был принят в больницу, клинику или другое лечебное учреждение и находился там на стационарном лечении, то вопрос о продлении отпуска на число неиспользованных дней решает в каждом отдельном случае тот непосредственный начальник, которому предоставлено право разрешать очередные отпуска. Если же работнику после пребывания в больнице назначено санаторно-курортное лечение для восстановления здоровья, то в срок очередного отпуска не засчитывается только время санаторно-курортного лечения.

Это указание начальника Главного управления спецсвязи Министерства связи СССР является незаконным по следующим основаниям. Распространение на работников службы спецсвязи Министерства связи СССР Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР не означает, что на работников службы спецсвязи не распространяется трудовое законодательство о порядке предоставления очередных отпусков. Распространение порядка предоставления отпусков военнослужащим по аналогии на личный состав службы спецсвязи Министерства связи СССР не может быть произведено начальником Главного управления спецсвязи, так как для этого требуется специальное постановление Правительства СССР, поскольку работники службы спецсвязи Министерства связи СССР не являются военнослужащими. Предоставление работникам службы спецсвязи месячного отпуска и других льгот также не является основанием для ущемления их прав на продление отпуска в случае их болезни во время очередного отпуска, так как некоторым категориям работников и других

ведом  
ные и бо  
смац  
редк  
зовае  
Коде  
что  
по б  
очере  
не в  
По  
СССР  
Глави  
ства

Ру  
писте  
СССР  
за н  
в са  
кого  
Пр  
ным,  
внут  
Коде  
увол  
ка з  
По  
СССР  
мышл  
и ув  
ней

Неза

Ми  
ло н  
ло, ч  
рям  
пере  
прок  
тельс  
выда  
води  
ки у  
вок  
госуд  
сдач  
райо  
Эт  
СССР  
рабо  
ми с  
став  
поста  
поря  
ние  
от г  
суда  
ству  
Кром  
панс

ведомств также предоставляются очередные отпуска продолжительностью в месяц и больше, однако законодательство предусматривает в этих случаях продление очередного отпуска, если во время его использования трудящийся заболел. Статья 119 Кодекса законов о труде устанавливает, что отпуска, предоставленные трудящимся по болезни или по материнству, в счет очередных или дополнительных отпусков не входят.

По протесту Генерального Прокурора СССР незаконное указание начальника Главного управления спецсвязи Министерства связи СССР отменено.

#### Незаконное увольнение с работы

Руководитель одной организации Министерства химической промышленности СССР уволил с работы одного работника за недисциплинированность, выразившуюся в самовольном занятии комнаты, ордер на которую был выдан другому работнику.

Приказ об увольнении является незаконным, так как согласно Типовым правилам внутреннего трудового распорядка и ст. 47 Кодекса законов о труде не предусмотрено увольнение с работы за нарушение порядка заселения жилой площади.

По протесту Генерального Прокурора СССР Министерством химической промышленности незаконный приказ отменен и уволенный работник восстановлен в прежней должности.

#### Незаконное лишение права на получение регистрационных удостоверений на переработку давальческой шерсти

Министерство финансов СССР направило на места указание, в котором установило, что выдача некооперированным кустарям регистрационных удостоверений на переработку давальческой шерсти должна производиться после разрешения Правительством СССР продажи шерсти и что выдача таких удостоверений может производиться гражданам, представившим справки уполномоченного Министерства заготовок о выполнении ими плана сдачи шерсти государству, а также о выполнении плана сдачи шерсти государству в целом по району места нахождения промысла.

Это указание Министерства финансов СССР является незаконным, так как переработка шерсти гражданами, выполнившими обязательство по государственным поставкам или освобожденными от таких поставок, не запрещалась. Действующий порядок действительно содержит запрещение приемки шерсти в переработку, но не от граждан, а от колхозов, если план государственных поставок шерсти государству не выполнен в целом по району. Кроме того, указание Министерства финансов является неправильным и потому,

что оно обязывает кустаря, а не заказчика, как это предусмотрено действующим порядком, представлять справки районного уполномоченного Министерства заготовок о выполнении обязательства по сдаче шерсти государству и также неправильно обязывает кустаря представлять справку районного уполномоченного Министерства заготовок о выполнении сдачи шерсти по району в целом.

Это указание по протесту Генерального Прокурора СССР Министерством финансов СССР отменено.

#### Незаконное требование паспортов при направлении в школы молодежи

Бывшее Министерство трудовых резервов СССР направило своим местным органам указание о том, что лица, принимаемые в школу фабрично-заводского обучения, в том числе подростки детских приемников Министерства внутренних дел, должны обязательно иметь свидетельство о рождении, паспорт, а не временное удостоверение. Основываясь на этом указании, областные управления Министерства трудовых резервов отказывали в приеме в учебные заведения системы трудовых резервов воспитанников из детских приемников-распределителей со временными удостоверениями.

Это указание является незаконным, так как противоречит действующему порядку, согласно которому несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет, не имеющим документов на получение паспорта, выдаются временные удостоверения сроком на шесть месяцев, прописываемые по месту трудового устройства. Кроме того, согласно положению о паспортах временные удостоверения, выданные сроком на шесть месяцев, являются одним из видов паспорта.

Это указание по протесту Генерального Прокурора СССР было отменено Министерством трудовых резервов.

#### ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**В случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и который признает себя отцом ребенка, ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке**

Долгополова М. В. обратилась в суд с иском об алиментах с Букина А. А. на ребенка, родившегося 9 октября 1944 г. В исковом заявлении Долгополова указала, что ребенок родился у нее 9 октября 1944 г. 1 июля 1948 г. Букин и Долгополова зарегистрировали брак в органах загса. До 1949 года Букин принимал участие в содержании ребенка, высылая истце по 600 руб. в месяц. Из писем, приложенных

истцей к искомому заявлению, видно, что ответчик называл ребенка сыном. Решением народного суда 1-го участка Андреевского района г. Ашхабада от 11 июля 1950 г. иск Долгополовой был удовлетворен. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Туркменской ССР от 11 июля 1951 г. решение народного суда было отменено и дело прекращено за отсутствием у Долгополовой права на иск.

Генеральный Прокурор СССР принес протест на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Туркменской ССР, но этот протест определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 22 ноября 1952 г. отклонен.

Находя определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР неправильным, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, в котором просил отменить все состоявшиеся решения и определения по делу и передать дело на новое рассмотрение по следующим соображениям. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. предусмотрено, что в случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и который признает себя отцом ребенка, ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке, ему присваивается отчество по имени отца и с обоюдного согласия родителей фамилия отца. Из имеющегося в деле свидетельства о рождении видно, что отчество ребенку присвоено по имени ответчика. Доводы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР о том, что лицо, вступившее в брак с матерью ребенка после его рождения, может считаться отцом ребенка лишь при условии, что это лицо, признавая себя отцом этого ребенка, зарегистрировало его с согласия матери в органах загса, т. е. при условии, что присвоение отчества юридически оформлено, не вытекает из смысла указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. Согласно указу от 14 марта 1945 г. для того, чтобы признать ребенка, родившегося от лица, с которым мать этого ребенка не состоит в зарегистрированном браке, приравненным во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке, требуется: 1) вступление матери с этим лицом в зарегистрированный брак и 2) признание этим лицом себя отцом ребенка, родившегося до брака.

Соглашаясь с доводами протеста Генерального Прокурора СССР, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 13 февраля 1953 г. указал, что, поскольку требование Долгополовой о взыскании с Букина алиментов основано именно на этих предусмотренных в указе от 14 марта 1945 г. обстоятельствах, она имела права на предъявление к Букину иска об али-

ментах, и суд обязан был принять его к своему производству и рассмотреть по существу. Таким образом, указания Судебной коллегии Верховного суда Туркменской ССР и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР на отсутствие у Долгополовой в данном случае права на иск являются неправильными. Однако и решение народного суда по делу об удовлетворении иска Долгополовой не может быть оставлено в силе, так как оно вынесено с грубым нарушением ст. ст. 77, 80, 83 и 125 ГПК Туркменской ССР: ответчик в суд не был вызван и дело было рассмотрено в его отсутствие. Одновременно Пленум Верховного суда СССР указал, что для применения к делу указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. необходимо, чтобы признание отчества было или юридически оформлено в органах загса, например, путем соответствующего заявления при регистрации брака или выражено отцом ребенка иным путем, но в такой ясной и определенной форме, которая исключила бы возможность установления отцовства судебным порядком, вопреки ст. 20 указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.

Находя, что вопрос о признании Букина себя отцом ребенка Долгополовой народным судом в достаточной мере не выяснен, Пленум Верховного суда СССР отменял все состоявшиеся по делу решения и определения и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином его составе.

#### Неправильное разрешение дела о взыскании алиментов на ребенка

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 28 февраля 1953 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка г. Петрозаводска от 15 января 1952 г. по иску М-вой об алиментах.

По делу установлено, что в июне 1951 года М-ва предъявила в суде иск к М-ву о средствах на содержание дочери, рожденной 14 июля 1949 г., указав, что с ответчиком она состоит в зарегистрированном браке с 1941 года и М-в в свидетельстве о рождении ребенка записан его отцом. Народный суд 2-го участка г. Петрозаводска постановил иск М-вой удовлетворить. В кассационной жалобе на это решение М-в указал, что с 1944 года он с истицей совместно не проживал и с ней не встречался, что вследствие полученного ранения и контузии от него не может быть детей, что с 1943 года он состоит в другом зарегистрированном браке. В связи с этими обстоятельствами и ввиду рассмотрения дела в отсутствие М-ва он просил решение народного суда отменить. Верховный суд Карело-Финской ССР 7 января 1952 г. признал решение народного суда правильным, сославшись на то,

что  
пять  
ка :

В

иск

в к

о то

двиг

щив

акто

заво

27 и

тери

отца

одни

свое

такж

от 6

чило

нию.

смаг

2-го

1952

ребен

неде

прек

Ве

20 м

суда,

При

суд

удов.

неде

Эт

Финс

при:

23 о

что

втор

М-во

от 1!

Со

нерал

колле

по о

подж

ниям.

Рас

не со

виль

как

встре

тельн

имеет

делен

ССР,

лу В

возмо

алиме

ривал

опред

прекр

отцов

шенин

В с

гня

в одн

по эт

что доводы ответчика не могут быть приняты во внимание, поскольку запись ребенка на имя М-ва не оспорена.

В связи с этим М-в предъявил в суд иск о признании недействительной записи в книге актов гражданского состояния о том, что он является отцом ребенка, родившегося у М-вой 14 июля 1949 г., приобретив к заявленному справку бюро записей актов гражданского состояния г. Петрозаводска от 1 марта 1951 г. о том, что 27 июля 1949 г. в загсе по заявлению матери ребенка была произведена запись, что отца у ребенка нет, т. е. он родился от одинокой матери, а отчество ребенку присвоено другое. К заявлению М-в приобщил также судебно-медицинское свидетельство от 6 мая 1952 г., согласно которому значилось, что он не способен к оплодотворению. Это дело судебными органами рассматривалось неоднократно. Народный суд 2-го участка г. Петрозаводска 9 мая 1952 г. постановил запись М-ва отцом ребенка, родившегося у М-вой, признать недействительной, взыскание алиментов прекратить.

Верховный суд Карело-Финской ССР 20 мая 1952 г., отменив решение народного суда, передал дело на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела народный суд 3-го участка г. Петрозаводска вновь удовлетворил иск М-ва о признании записи недействительной.

Это решение Верховный суд Карело-Финской ССР 25 июля 1952 г. отменил, принял дело к своему производству и 23 октября 1952 г. прекратил его, указав, что дело не может быть предметом вторичного рассмотрения, поскольку иск М-вой к М-ву решением народного суда от 15 января 1952 г. удовлетворен.

Согласившись с доводами протеста Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия признала, что все состоявшиеся по обоим делам решения и определения подлежат отмене по следующим основаниям.

Раздельное рассмотрение указанных дел не создавало для суда возможности правильно оценить имеющиеся доказательства как по делу об алиментах, так и по встречному иску о признании недействительной записи об отцовстве. Кроме того, имеется противоречие между двумя определениями Верховного суда Карело-Финской ССР, так как в определении по одному делу Верховный суд республики не считал возможным отменить решение о взыскании алиментов с М-ва потому, что он не оспаривал записи об отцовстве, и, наоборот, определением от 23 октября 1952 г. суд прекратил дело об оспаривании записи об отцовстве, поскольку ранее с М-ва по решению суда были взысканы алименты.

В связи с изложенным Судебная коллегия постановила оба дела объединить в одно производство, а все состоявшиеся по этому делу решения и определения

отменить, передав дело на новое рассмотрение в Верховный суд Карело-Финской ССР по первой инстанции.

**Решение подлежит отмене,  
если оно основано на материалах  
неисследованного дела**

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев в заседании 11 марта 1953 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Ужгорода от 19 мая 1952 г., определение Закарпатского областного суда от 21 октября 1952 г. и определение Верховного суда Украинской ССР от 9 декабря 1952 г. по иску начальника городского жилищного управления к Голяку И. Г. о признании недействительным договора аренды дома и о выселении, установила, что решением народного суда 2-го участка Ужгорода от 19 мая 1952 г. постановлено договор аренды от 1 января 1948 г. между городским жилищным управлением и Голяком И. Г. признать недействительным, выселить Голяка из дома, взыскать с него квартирную плату за два года в сумме 1932 руб., дом передать в городское жилищное управление для использования по своему усмотрению. Судебные коллегии Закарпатского областного суда и Верховного суда Украинской ССР оставили в силе указанное решение народного суда.

Считая, что дело разрешено неправильно, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, которая этот протест удовлетворила по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что ответчик Голяк проживает в спорном доме по ордеру, выданному ему городским жилищным управлением 21 июня 1947 г. Из имеющегося в деле договора аренды жилого дома видно, что между Голяком и жилищным управлением 1 января 1948 г. был заключен договор аренды дома сроком на десять лет, при этом Голяк обязался произвести ремонт этого дома за свой счет согласно акту о дефектах от 16 июля 1947 г. Как в договоре аренды дома, так и в плане указано, что дом состоит из трех жилых комнат размером всего 55,9 кв. м. В апреле 1952 года жилищным управлением был предъявлен иск о признании договора аренды недействительным и выселении ответчика по тем мотивам, что договор этот фиктивный и что размер жилой площади в доме превышает 60 кв. м. Между тем в деле нет документов, подтверждающих, что размер жилой площади в доме превышает 60 кв. м, а, наоборот, в договоре аренды от 1 января 1948 г., в плане, составленном инженером жилищного управления, указано, что размер жилой площади в доме 56 кв. м, что не превышает размера домов, которые по закону от 25 ноября 1937 г. могут сдаваться в аренду.

Суд обосновал свое решение о признании договора недействительным тем, что размер дома превышает 60 кв. м, на показании одного свидетеля и безмотивно отклонил имеющиеся в деле письменные доказательства.

Договором аренды предусмотрено, что стоимость ремонта засчитывается в счет квартирной платы. Если Голяк ремонта не производил, то жилищные органы вправе требовать с него уплаты квартирной платы, но не выселения. Однако и этих обстоятельств суд не проверил должным образом.

Несостоятельно утверждение истца и о фиктивности договора, так как исполкому городского Совета было известно о заключении с Голяком договора аренды. Суд не учел, что ответчик Голяк вселился в спорный дом как демобилизованный офицер Советской Армии, прослуживший в летных частях более двадцати лет, и выселение его при указанных обстоятельствах было бы неправильным.

Соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда и последующие определения по делу, передав дело на новое рассмотрение в областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

#### Истец должен доказать, что недостача товарно-материальных ценностей образовалась по вине ответчика

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 18 февраля 1953 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда Розинского района Молдавской ССР от 12 мая 1952 г. и определение Верховного суда Молдавской ССР от 23 июня 1952 г. по иску Рыбинского сахарного комбината о возмещении с Жовтана П. С. 1438 руб. Судебная коллегия установила: Рыбинский сахарный комбинат предъявил иск к Жовтану о 1438 руб. по тем основаниям, что при передаче имущества жилищно-коммунального отдела другому лицу на сахарном заводе была обнаружена недостача четырнадцати простыней, трех одеял и другого имущества.

Считая решение народного суда и оставившее его в силе определение Верховного суда Молдавской ССР об удовлетворении иска сахарного комбината неправильными, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Протест Генерального Прокурора СССР удовлетворен Судебной коллегией по следующим основаниям.

Суд не выяснил действительных обстоятельств по делу, чем нарушил ст. ст. 7 и 138 ГПК. Из материалов дела видно, что искомая сумма в 1438 руб. складывается из недостачи двух кроватей, одной бочки и постельного белья. Единственным доказательством недостачи явилась сличитель-

ная ведомость. Однако эта ведомость составлена бухгалтером комбината без участия ответчика и поэтому является односторонним документом. В ведомости указывается, что недостающее имущество ввиду износа подлежит уценке на 50% и сумма недостачи определяется в 719 руб. Однако судом была взыскана балансовая стоимость вещей без уценки. В судебном заседании и в кассационной жалобе ответчик Жовтан указывал, что недостача имущества образовалась по вине бухгалтера комбината, который выдавал расчет уволенным рабочим и служащим без отметки в обходном листе о том, что уволенный сдал постельную принадлежность комбината. Суд, не проверив утверждения ответчика, принял во внимание объяснение истца и свидетеля, бухгалтера комбината, о том, что при определении недостачи была учтена претензия ответчика. Однако эти объяснения истца голословны и опровергаются приложенными к надзорной жалобе лицевыми карточками, из которых видно, что рабочие Понзырь, Кожухарь и другие при увольнении с работы и получении расчета не сдали постельных принадлежностей. При наличии таких обстоятельств взыскание с ответчика 1438 руб. является необоснованным.

Отменив решение суда и передав дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР предложила выяснить, кто виноват в нарушении порядка выдачи расчетов уволенным рабочим без требования от них обходного листка, и виновных в этом лиц привлечь в качестве соответчиков по делу.

**Лица, проживающие по договорам поднайма (временные жильцы), самостоятельного права на занимаемую площадь не имеют и подлежат выселению по искам о том самостоятельных пользователей жилым помещением (пп. 4 и 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.)**

Винничук В. М. в 1946 году разрешила Капцу вселиться к ней в комнату в качестве временного жильца. В 1948 году Капц женился, и в эту же комнату вселилась его жена. Ввиду того, что занимаемая сторонами комната имеет размер 14 кв. м и в связи с увеличением семьи Капца, у которых родился ребенок, проживание сторон в одной комнате стало невозможным, Винничук обратилась в суд с иском о выселении Капца.

Народный суд 2-го участка г. Винницы решением от 19 ноября 1952 г. удовлетворил иск Винничук и постановил выселить Капца после предоставления ему другой жилой площади Винницким городским жилищным управлением. Винницкий областной суд определением от 29 ноября 1951 г. изменил это решение и постановил произвести выселение Капца независимо от предоставления ему другой жилой площади.

Верх  
делени  
шение  
области  
чук о  
вания

Счит  
Украин  
ный  
в Суде  
лам I  
коллек  
СССР  
ваниям

Вини  
комнал  
шила  
времен  
ноким.  
совмес  
и его  
можил  
вил в  
споре  
стояте  
Украи  
казале  
являло

Суд  
лам I  
отмени  
Украи  
вив в  
Капца  
прича

П  
принц  
ния

По  
ка Ш  
сти К  
Недел  
УК Р  
боды  
вах

Кокче  
кабря  
остав

Суд  
что с  
торол  
в 194  
риали

Пр  
Прок  
дуюц

Де  
смац

В те  
нялс  
дела

тели  
Гачи  
Понс  
состе

Верховный суд Украинской ССР определенным от 7 марта 1952 г. отменил решение народного суда и определение областного суда и отказал в иске Винничук о выселении Капца, признав ее требования неосновательными.

Считая определение Верховного суда Украинской ССР неправильным, Генеральный Прокурор СССР принес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Судебная коллегия протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила по следующим основаниям.

Винничук является съемщиком одной комнаты в 14 кв. м и в 1946 году разрешила вселиться на эту площадь Капцу временно, в то время, когда Капц был одиноким. После увеличения семьи Капца совместное проживание истицы, ответчика и его семьи в одной комнате стало невозможным, поэтому суд правильно постановил выселить Капца и членов его семьи со спорной площади. При наличии таких обстоятельств доводы Верховного суда Украинской ССР о том, что истица не доказала обоснованности своих требований, являются неосновательными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила отменить определение Верховного суда Украинской ССР от 7 марта 1952 г., оставив в силе решение суда о выселении Капца и членов его семьи из комнаты, принадлежащей Винничук.

## ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

**Приговор отменен ввиду нарушения принципа непосредственности и рассмотрения дела судом в измененном составе**

По приговору народного суда 1-го участка Щучинского района Кокчетавской области Казахской ССР от 24 сентября 1948 г. Неделько Е. С. осужден по ст. 116, ч. 2, УК РСФСР к восьми годам лишения свободы с поражением в избирательных правах в течение трех лет. Определением Кокчетавского областного суда от 3 декабря 1948 г. приговор народного суда оставлен в силе.

Суд признал Неделько виновным в том, что он, работая старшим торговым инспектором орска станции «Курорт Боровое» в 1946 году, присвоил вверенные ему материальные ценности на сумму 13 482 руб.

Приговор по делу Неделько Генеральным Прокурором СССР опротестован по следующим мотивам.

Дело по обвинению Неделько судом рассматривалось 18, 21 и 24 сентября 1948 г. В течение этого времени состав суда изменялся: 18 сентября 1948 г. в рассмотрении дела принимали участие народные заседатели Пономарева и Гачина, 21 сентября — Гачина и Глазбная, 24 сентября — снова Пономарева и Гачина. Несмотря на то, что состав суда изменялся, судебное разбира-

тельство по делу не возобновлялось, как этого требует закон, а слушание дела продолжалось. 18 сентября 1948 г. судом с участием народных заседателей Пономарева и Гачиной были допрошены свидетели Немченко и Филиппова; 21 сентября при участии народных заседателей Гачиной и Глазбной были заслушаны показания свидетелей Еременко, Алексева, Александрова, Леонтьева и Борисенко; 24 сентября судом в составе с участием народных заседателей Пономарева и Гачиной был допрошен свидетель Иванова. Таким образом, народный заседатель Пономарева, принимавшая участие в вынесении приговора по делу Неделько, фактически не присутствовала при допросе свидетелей Еременко, Алексева, Александрова, Леонтьева и Борисенко, чем нарушен принцип непосредственности судебного разбирательства дел и рассмотрения дела судом в неизменном составе, предусмотренный ст. 42 УПК РСФСР.

Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене приговора и об обращении дела по обвинению Неделько к новому судебному рассмотрению.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила (определение № 02-18у-52 г.).

## Приговор отменен ввиду рассмотрения дела судом в незаконном составе

По приговору Верховного суда Дагестанской АССР от 16 июля 1951 г. осуждены по ст. 59<sup>3</sup> УК РСФСР и по ч. 2 ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» Магометов, Тайгин и Галимов Магомед к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества и последующим поражением в избирательных правах каждый. 21 сентября 1951 г. Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе.

Приговор и определение Верховного суда РСФСР по этому делу опротестованы Генеральным Прокурором СССР 3 февраля 1953 г. по следующим мотивам. Дело по обвинению Магометова и Галимова было рассмотрено Верховным судом Дагестанской АССР в составе под председательством члена Верховного суда Дагестанской АССР Хайбуллаева с участием народных заседателей Казиева и Алибекова. Между тем из сообщения Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР от 11 апреля 1952 г. и справки исполнительного комитета Хунзахского районного Совета депутатов трудящихся от 17 апреля 1952 г. видно, что ни Казиев, ни Алибеков народными заседателями Верховного суда Дагестанской АССР не избирались, и, таким образом, дело по обвинению Магометова и Галимова рассмотрено судом в незаконном составе, чем нарушена ст. 41 УПК РСФСР.

Генеральный Прокурор СССР в протесте просил отменить приговор Верховного суда Дагестанской АССР и определение Верховного суда РСФСР по делу Магометова и Галимова и обратиться к новому судебному рассмотрению.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР (определение № 4/19249-53 г. от 11 февраля 1953 г.).

**Необоснованный отказ верховного суда республики в рассмотрении кассационного протеста районного прокурора на приговор областного суда по делу, рассмотренному с его участием**

По приговору выездной сессии судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 25 августа 1952 г. Кувытченко и Сердюк осуждены по ст. 109 УК РСФСР к лишению свободы на два года каждый. Они же по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. по суду оправданы. Определением Верховного суда РСФСР от 29 сентября 1952 г., рассматривавшего дело в кассационном порядке, приговор оставлен в силе, а кассационный протест прокурора оставлен без рассмотрения. Кувытченко осужден за то, что он, работая председателем колхоза имени Ленина Семикаракорского района, без ведома правления и общего собрания колхозников продал кирпичному заводу, где директором был осужденный Сердюк, 2300 кг пшеницы, 600 кг ячменя, 500 кг кукурузы и 100 кг арбузов. Сердюк, злоупотребляя своим служебным положением, отпустил без нарядов колхозу за полученные продукты 47 000 штук кирпича.

Районный прокурор, выступавший по делу в качестве государственного обвинителя, признав неправильной квалификацию преступления осужденных по ст. 109 УК, так как колхозная продукция была отпущена по заниженным ценам, принес кассационный протест в Верховный суд РСФСР. Протест был оставлен без рассмотрения на том основании, что «протест на приговор областного суда может быть подписан только прокурором области».

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение Верховного суда РСФСР по следующим основаниям.

Согласно ст. 400 УПК РСФСР приговор областного суда может быть обжалован сторонами в кассационном порядке. Прокурор Семикаракорского района, подписавший протест, поддерживал государственное обвинение и потому является стороной в процессе по делу Кувытченко; следовательно, он по закону имел право на принятие протеста по этому делу.

Верховный суд СССР согласился с доводами протеста, отменил определение Верховного суда РСФСР и передал дело на новое рассмотрение в ту же коллегию в ином составе с соблюдением ст. 409 УПК РСФСР (определение № 02/2923-у-52).

**Неправильная квалификация преступления должностного лица, выразившегося в неоднократном получении взяток, по ст. 117, ч. 1, УК РСФСР**

По приговору народного суда Азовского района Крымской области от 10 апреля 1952 г. Линчук С. Д. осуждена по ст. 117, ч. 1, УК РСФСР к шести годам лишения свободы с конфискацией имущества. 19 апреля 1952 г. Крымский областной суд при рассмотрении дела в кассационном порядке переквалифицировал преступление Линчук с ч. 2 ст. 117 УК на ч. 1 той же статьи, сократив назначенный ей срок лишения свободы до двух лет и исключив из приговора конфискацию имущества.

Считая определение Крымского областного суда по делу Линчук незаконным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его по следующим мотивам.

Преступление, совершенное Линчук, выразилось в том, что, работая заведующей терапевтическим отделением Джанкойской больницы, она неоднократно получала взятки деньгами и продуктами от родственников лиц, находившихся на излечении в Джанкойской больнице, за создание им лучших условий ухода и лечения. Кроме того, Линчук за взятку в сумме 300 руб. выдала Чупилко О. А. справку о том, что последняя в течение нескольких дней ухаживала за больной матерью и, следовательно, не выходила на работу в колхозе по уважительным причинам. Крымский областной суд переквалифицировал преступление Линчук с ч. 2 на ч. 1 ст. 117 УК, сославшись на то, что в действиях Линчук отсутствует признак вымогательства. Между тем вымогательство взятки является не единственным квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 117 УК; указанная часть ст. 117 УК предусматривает и другие квалифицирующие признаки, а именно: ответственное положение должностного лица, принявшего взятку, наличие прежней судимости за взяточничество, неоднократное получение взяток. Материалами дела в преступных действиях Линчук установлен квалифицирующий признак в виде неоднократного получения взяток, и, следовательно, Крымский областной суд неосновательно переквалифицировал преступление Линчук на ч. 1 ст. 117 УК.

В протесте по делу Линчук Генеральный Прокурор СССР поставил вопрос об отмене определения Крымского областного суда, неосновательно изменившего квалификацию преступления, и о направлении в связи с этим дела на новое рассмотрение в кассационном порядке.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила (определение № 42-Д2-пр-128 от 13 ноября 1952 г.).

Неп  
пронс  
не явля

По п  
ка АС  
АССР  
РСФСР  
три го  
осужде  
строите  
ления  
21 мая  
вой ди  
за соб  
была у  
лица —

Геле  
вал пр  
основа  
приоби  
ния от  
тельны  
На пр  
ка, св  
ский д  
шофер  
зание

**Неправильная квалификация аварии, происшедшей по вине водителя машины, не являющегося работником автотранспорта**

По приговору народного суда 1-го участка Абзелидовского района Башкирской АССР от 4 августа 1951 г. по ст. 59<sup>3в</sup> УК РСФСР осужден к лишению свободы на три года Ковальский И. С. Ковальский осужден за то, работая шофером на строительном участке Челябинского управления Министерства путей сообщения, 21 мая 1951 г. допустил нарушение трудовой дисциплины на транспорте, повлекшее за собой аварию, в результате которой была убита работница Б., а другая работница — П. получила телесные повреждения.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по этому делу по следующим основаниям: Ковальский, как это видно из приобщенного к делу трудового соглашения от 14 мая 1951 г., поступил на строительный участок в качестве разнорабочего. На предложение главного механика участка, свидетеля по делу Шевцова, Ковальский дал согласие работать в качестве шофера, в связи с чем Шевцов дал указание заведующему гаражом проверить

квалификацию Ковальского как шофера и ознакомить его с объектом работы. 21 мая 1951 г. по предложению заведующего гаражом Малого (осужден) Ковальский, не будучи назначенным по приказу шофером, не имея документа на право управления автомашиной и путевого листа, выехал в рейс и совершил аварию. При этих условиях вина Ковальского заключается в том, что он, зная о неисправности автомашины и не имея шоферских прав, допустил преступную самонадеянность, взявшись за управление машиной, в результате чего произошла авария. Это преступление Ковальского, не являющегося работником автотранспорта, в соответствии со ст. 2, п. «б», постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» надлежит квалифицировать по ст. 139 УК РСФСР как неосторожное убийство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР с протестом согласилась и действия Ковальского переквалифицировала со ст. 59<sup>3в</sup> УК РСФСР на ст. 139 УК, оставив наказание без изменения (определение от 13 октября 1952 г.).

## ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

### Народному судье 1-го участка Кингисеппского района Ленинградской области

1. При предъявлении супругами или одним из них иска о разделе общего имущества государственная пошлина взыскивается с истца, исходя из стоимости спорного имущества (т. е. той части имущества, которую ответчик отказывается передать истцу в добровольном порядке). В случае удовлетворения иска с ответчика присуждается, в соответствии со ст. 46 ГПК РСФСР, в пользу истца, а если истец освобожден от уплаты госпошлины, то в пользу государства, единая государственная пошлина пропорционально размеру искомых требований, удовлетворенных судом.

2. В случае отказа ответчика в добровольном порядке исполнять решение суда о доставлении содержания родителям производится принудительное взыскание в соответствии с инструкцией о порядке исполнения судебных решений. К уголовной ответственности по ст. 158 УК РСФСР могут быть привлечены лишь лица, злостно уклоняющиеся от платежа алиментов на детей. Уголовная ответственность за уклонение от содержания родителей действующим законодательством не предусматривается.

### Народному судье Старо-Минского района Краснодарского края

1. В том случае, если суд во время совещания после прений сторон и последнего слова обвиняемого придет к выводу, что дело не доследовано, он имеет право и обязан вынести определение о направлении дела на доследование.

2. Согласно примечанию к ст. 53 УК РСФСР присоединенное к лишению свободы или исправительно-трудовым работам в виде дополнительного наказания денежное или имущественное взыскание приводится в исполнение на общих основаниях, независимо от того, что основная мера наказания определена условно.

3. Вопрос об оплате работника за время нахождения без работы вследствие отстранения от работы разрешен разъяснением Наркомтруда РСФСР от 21 мая 1925 г. («Известия НКТ» 1925 г. № 24), которое помещено в справочниках по трудовому законодательству.

### Прокурору Дробышевского района Омской области

Специального постановления о материальной ответственности лиц, виновных в гибели верблюдов, кроликов, гусей и

кур, принадлежащих совхозам и колхозам, нет. В случае гибели указанных животных и птиц, принадлежащих совхозам, по вине их работников материальная ответственность регламентируется ст. ст. 83—83<sup>1</sup> Кодекса законов о труде РСФСР в зависимости от обстоятельств дела.

### Судебному исполнителю Клиничевского района Саратовской области

При конфискации по приговору суда имущества члена крестьянского двора конфискации подлежит не все имущество двора, а только та часть, которая приходится на долю осужденного.

### Народному заседателю, замещающему народного судью Алексеево-Лозовского района Ростовской области

Если дети (родители которых развелись) остались при каждом из родителей, суд определяет размер алиментов с одного родителя в пользу другого родителя, менее обеспеченного материально, в денежной сумме в зависимости от материального положения, но в пределах, установленных постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. (п. 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г.).

### Помощнику прокурора Канибадамского района Таджикской ССР

Если брак между супругами не расторгнут, но фактически брачные отношения прекращены, суд не может отказать во взыскании алиментов на детей только потому, что брак между супругами не расторгнут. Размер подлежащих взысканию алиментов обязательно должен быть указан в резолютивной части судебного решения (п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г.).

### Помощнику прокурора Молоотовского района г. Киева

Вопрос о сносе строений, построенных самовольно, регулируется законодательством союзных республик. Например, в РСФСР постановлением СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах и рабочих курортных и дачных поселках» (СП РСФСР 1940 г. № 11, ст. 48) установлено, что самовольные застройщики,

прис  
жащ  
неме  
пись  
родс  
тнить  
срок  
сти  
невы  
треби  
испо.  
или  
ряже  
о сн  
или  
заны  
по п  
испо.  
Таки  
случ.  
селец

I

Ко  
гово  
колх  
труд  
с ш  
прои  
опре.  
дукт  
шест  
ной  
ству  
додн  
ховн

Кол

Со  
фина  
стави  
от с  
колх  
тивн  
в то  
хозо:  
рати:  
твор:  
ные  
и пр  
с от  
части  
стве:

В  
колх  
ляющ  
ми  
ветст

приступившие к строительству без надлежащего письменного разрешения, обязаны немедленно по получении соответствующего письменного требования исполкома городского или поселкового совета прекратить строительство и в течение месячного срока своими силами и за свой счет снести все возведенные им строения. В случае невыполнения самовольным застройщиком требования городского или поселкового исполкома о прекращении строительства или о сносе строений исполком дает распоряжение отделу коммунального хозяйства о сносе самовольно возведенного строения или части строения. Органы милиции обязаны оказывать необходимое содействие по приведению в исполнение распоряжения исполнительного комитета о сносе строения. Таким образом, органы прокуратуры в этих случаях санкции на административное выселение не дают.

**Прокурору Либкнехтовского района  
Ставропольского края**

Колхоз вправе заключать трудовые договоры с лицами, не состоящими членами колхоза, на условиях оплаты их труда по трудовым. При обращении таких лиц с исками о вознаграждении за работу произведенную для колхозов, суды должны определять вознаграждение за труд продуктами или деньгами применительно к существующей в данной местности заработной плате рабочих и служащих соответствующих категорий труда, но не в трудовых (п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.).

**Народному следователю  
Коми-Пермяцкого национального округа  
Молотовской области**

Согласно § 15 инструкции Министерства финансов СССР от 14 марта 1947 г. № 160 ставка пошлины в размере одного процента от суммы иска с заявлений по спорам колхозов с государственными и кооперативными организациями применяется и в том случае, если истцом в споре с колхозом является государственная или кооперативная организация. В случае удовлетворения иска колхоза полностью понесенные им расходы (государственные пошлины и прочие расходы по делу) взыскиваются с ответчика; если же иск удовлетворен частично, расходы присуждаются соответственно присужденной части иска.

**Прокуратуре Зырянского района  
Томской области**

В случае гибели скота, принадлежащего колхозу или совхозу, по вине лиц, не являющихся членами колхоза или работниками совхоза, ущерб возмещается в соответствии со ст. ст. 403—410 ГК РСФСР.

**Юридической консультации г. Кизел  
Молотовской области**

Следователь вправе предъявлять требование о выдаче любых документов, имеющих значение для дела, и производить выемку их независимо от того, в каком помещении или у какого лица находятся эти документы. Закон устанавливает особые условия производства обыска и выемки лишь для помещений, занимаемых дипломатическими представительствами (ст. ст. 175 и 178 УПК РСФСР). Любые действия следователя, в частности, связанные с изъятием документов, могут быть обжалованы в установленном законом порядке соответствующему прокурору.

**Народному заседателю, замещающему  
народного судью г. Мичуринска  
Тамбовской области**

В соответствии с приказом НКЮ СССР от 9 мая 1939 г. № 33 за народными заседателями из числа рабочих и служащих, на которых в соответствии со ст. 19 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик районным советом депутатов трудящихся возложено выполнение обязанностей народного судьи в случае временного отсутствия последнего (болезнь, отпуск, командировка на краткосрочные курсы, участие в учебных военных сборах и т. п.) сохраняется заработная плата по месту их работы согласно ст. 13 того же закона. В тех случаях, когда заработная плата, получаемая народным заседателем по месту его основной работы, ниже заработной платы народного судьи, разница доплачивается народному заседателю из средств народного суда. На все время исполнения обязанностей народных судей народные заседатели освобождаются от своей основной работы.

**Народному судье Караногайского района  
Грозненской области**

1. Районным исполкомам предоставлено право разрешать нуждающимся колхозам использование пастбищных угодий других колхозов, имеющих пастбища, при условии сдачи соответствующих поставок государству колхозами, в пользование которых предоставляются пастбища.

2. Если за переданную под пастбища землю заготовительными органами не было сделано перерасчета поставок и поставки внесены колхозом, которому принадлежит земля, то взыскание должно быть произведено в пользу этого колхоза в соответствии с п. «б» п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. № 9/8/У.

**Народному судье Укеянского района  
Курганской области**

Дела о взыскании не внесенных в срок штрафов, наложенных в административном порядке, должны рассматриваться в соот-

ветствии с инструкцией НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. № 7, п. 41 которой предусматривает, что к заявлению должна быть приложена расписка оштрафованного о вручении ему предупреждения о передаче дела о взыскании в суд. Если предупреждение о передаче дела в суд изложено в самом тексте постановления о наложении штрафа, то суд не требует от взыскателя представления отдельной расписки оштрафованного о вручении ему предупреждения. Предложение уполномоченного Комитета по делам мер и измерительных приборов явиться для дачи объяснения по месту ревизии измерительных приборов не может рассматриваться как предупреждение, поскольку нет еще решения о наложении штрафа.

**Слушателю девятимесячных юридических курсов в г. Свердловске т. Петухову**

Погашение недоимки по обязательным поставкам и наложенного на недоимщика штрафа производится на основании судебного решения путем обращения взыскания на имущество недоимщика. В соответствии с п. 8 инструкции от 24 ноября 1942 г. к заявлению, подаваемому в народный суд, кроме других документов, должен быть приложен акт описи имущества недоимщика. Если заявление подано районным уполномоченным министерства заготовок без представления необходимых документов, судья назначает ему срок для восполнения недостающих документов, если же документы не будут представлены, оставляет дело без движения (п. 9 инструкции). Отсюда следует, что суд может рассматривать дело только при наличии имущества у недоимщика и что взыскание может быть обращено только на имущество, а не на заработную плату.

**Начальнику управления юстиции по Гродненской области**

Наследники, принявшие наследство, но не оформившие своих прав на наследование, могут получить свидетельство о праве наследования, хотя бы они обратились за получением свидетельства по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Получение свидетельства о праве наследования является правом наследников, но не их обязанностью. Поэтому взыскать с наследников, не получающих свидетельств о праве наследования, государственную пошлину нельзя, поскольку она взыскивается только за выдачу указанных свидетельств. На основании п. 43 инструкции Министерства финансов СССР от 14 марта 1947 г. «О государственной пошлине» в тех случаях, когда имеется несколько наследников и каждому из них по их желанию выдается отдельное свидетельство о наследовании, пошлина исчисляется со стоимости всего наследственного имущества и взимается с каждого наследника, пропорционально причитающейся ему доле имущества.

**Народному судье 2-го участка  
Урицкого района Орловской области**

1. Если в деле участвует прокурор, то он выступает первым, когда им предъявлен иск. Если же прокурор вступил в дело (ст. ст. 2 и 12 ГПК), то он дает заключение после высказываний сторон.

2. Ответственность за вред, причиненный трактористу на работе в МТС, должна определяться по ст. 404 ГК РСФСР. При рассмотрении дела следует руководствоваться постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда».

**Народному судье  
Петровско-Роменского района  
Полтавской области**

Пунктом 2 инструкции НКЮ СССР, Наркомзага СССР и НКФ СССР от 24 ноября 1942 г. предусмотрен десятидневный льготный срок для погашения недоимки, и только по истечении десятидневного срока материал передается районным уполномоченным Министерства заготовок в народный суд для взыскания недоимок и наложения штрафа. Если недоимка погашена в десятидневный льготный срок, то нет оснований для предъявления иска. Пункт 11 указанной инструкции применяется в том случае, когда по истечении десятидневного срока материал о взыскании недоимки передан в суд и до рассмотрения дела судом ответчик представил суду документ, свидетельствующий о погашении недоимок. В этом случае суд выносит решение только о наложении на недоимщика штрафа за невыполнение обязательства в срок.

**Народному судье 1-го участка  
Калачинского района Омской области**

В соответствии со ст. 21 правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов дела, разрешенные РКК, не подлежат разбору в суде, кроме тех случаев, когда решение РКК отменено в порядке надзора. В законе нет исключений для дел, которые хотя и не подлежали обязательному рассмотрению в РКК, но были переданы на рассмотрение РКК по желанию сторон. Поэтому и в таком случае дело может быть передано в суд только при отмене решения РКК в порядке надзора.

**Народному судье Мирского района  
Барановичской области**

Налоговый агент, которому предоставлено право приводить в исполнение решение народного суда об изъятии имущества в погашение недоимок по государственным и местным налогам, пользуется теми же правами, что и судебный исполнитель.

**Наро**

**На  
27 но  
ния с  
парод  
делу  
в мес  
лем в  
зесту**

**Член**

**Гра  
ловно  
гражд  
явлен  
дела,  
основ**

**За,**

**На  
СССР  
устан  
и отве  
не ул  
тором  
медле  
ного  
ния п  
имуще  
срока  
если  
ный н  
штраф  
жен б  
в кот  
описи  
ствии**

**Пл**

**Выс  
истра  
всякое  
тывая**

**Народному судье Шевченковского района  
Гурьевской области**

На основании п. 5 инструкции от 27 ноября 1944 г. «О порядке рассмотрения судебных дел о расторжении брака» народный судья, принявший заявление по делу о разводе, производит публикацию в местной газете о возбуждении заявителем этого дела. Поэтому обращение в газету должно исходить от народного суда.

**Члену Верховного суда Литовской ССР**

Гражданские иски, вытекающие из уголовного дела, предъявленные в порядке гражданского судопроизводства и не заявленные при рассмотрении уголовного дела, оплачиваются пошлиной на общих основаниях.

**Народному судье 1-го участка  
Заднепровского района г. Смоленска**

На основании п. 44 инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. № 7, если суд установит, что штраф наложен правильно и ответчик в указанный ему срок штрафа не уплатил, то суд выносит решение, в котором должно быть указано: а) о немедленной описи имущества оштрафованного на сумму, необходимую для взыскания штрафа; б) об изъятии описанного имущества по истечении десятидневного срока со дня объявления решения суда, если в течение этого времени оштрафованный не внесет сумму наложенного на него штрафа. Поэтому по решению суда должен быть выдан один исполнительный лист, в котором должно быть указано и об описи и об изъятии имущества в соответствии с п. 44 инструкции.

**Прокурору Шурышкарского района  
Тюменской области**

Выселение из жилых помещений в административном порядке допускается во всякое время года. Однако прокурор, учитывая семейное положение выселяемого

и зимние условия времени, вправе предложить отсрочку на выселение.

**Прокурору Селивановского района  
Ростовской области**

Согласно ст. 42<sup>3</sup> Кодекса законов о браке, семье и опеке, лица, взявшие к себе детей на постоянное воспитание с иждивением, в случае отказа от них обязаны к платежу алиментов несовершеннолетним и нуждающимся нетрудоспособным детям. Указанные обстоятельства, дающие право на взыскание алиментов, устанавливаются судом при разрешении спора.

**Помощнику прокурора Казанского участка  
Верхне-Волжского бассейна**

Лицо, получившее по доверенности учреждения товар, в случае недостачи, происшедшей по его вине, несет материальную ответственность в размере действительного ущерба.

**Прокурору Волошинского района  
Ростовской области**

Иски третьих лиц об исключении имущества из описи подлежат рассмотрению суда на общих основаниях, независимо от того, совершена ли опись в исполнение решения по гражданскому делу или приговору по уголовному делу. Указание в приговоре о конфискации всего описанного имущества осужденного не лишает права третьих лиц предъявить иски об исключении имущества из описи. По делам об исключении из описи имущества, составляющего общую совместную собственность супругов или членов колхозного или крестьянского двора, суд обязан установить долю супруга или члена двора в общем имуществе, указать, какое конкретно из описанного имущества должно быть выделено на долю должника, и исключить из описи имущество, причитающееся другому супругу или другим членам двора (постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г.).

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Социалистическая законность на страже прав и интересов советских граждан . . . . .	1
— Гарантии прав личности в стадии судебного следствия . . . . .	8
Н. Якубович — За укрепление социалистической законности на предварительном следствии . . . . .	17
С. Бордонов — Важная задача . . . . .	25
В. Ачаркан — Роль советского трудового права в борьбе за повышение производительности труда . . . . .	30
Е. Долицкий — Расследование по делам о хищениях социалистической собственности . . . . .	37

### ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

И. Барсуков — Не допускать нарушений закона в предварительном следствии . . . . .	50
А. Туминский — Строго соблюдать социалистическую законность . . . . .	51
А. Барышев — Повысить качество заключения прокуроров в судах по гражданским делам . . . . .	52
А. Ренев — Активнее борьбу за сохранность социалистической собственности . . . . .	56
И. Полоцкий, В. Шестопапов — Пропаганда советских законов — одна из важнейших задач советских законов . . . . .	58
А. Макаренко — О тех, кто не считает нужным правильно и своевременно разрешать жалобы . . . . .	58
Г. Крючков — Больше внимания представлениям начальников областных управлений Министерства юстиции по отдельным делам . . . . .	60
А. Ширшиков — О качественных показателях работы народных судов . . . . .	62
Я. Ивасечко, Б. Лелеков — Неясный вопрос . . . . .	63

### В ПОМОЩЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ

Г. Мудьюгин — Методика следствия по делам об убийствах, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего . . . . .	64
---	----

### ОБМЕН ОПЫТОМ

В. Лифшиц — Учиться искусству ведения судебного процесса . . . . .	72
Н. Пчелинцев — Как мы обеспечиваем окончание следствия в законный срок . . . . .	75

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ . . . . .	77
-------------------------------------	----

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. Яичков — Б. С. Антимонов, Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности . . . . .	78
---	----

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ . . . . .	84
---	----

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ . . . . .	92
--	----

РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ

С. А. Бордонов (редактор), С. В. Бакшеев,  
А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев, Д. С. Карев,  
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06  
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
Москва, Товарный пер., 19, тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-02754 Сдано в производство 20/IV 1953 г. Подписано к печати 11/VI 1953 г. Уч.-изд. л. 10,1  
Тираж 26 030 экз. Бумага 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub> = 3 л. бумажных, 8,22 печатных листов. Заказ 196. Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР, Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Р.

1  
8

17  
25

30

37

39

1

2

3

3

3

3

3

### ПОПРАВКА

На стр. 58 № 5 журнала (и в оглавлении) заголовки статьи И. Полоцкого и В. Шестопалова следует читать: «Пропаганда советских законов — одна из важнейших задач советских юристов».

Зак-196

13-я типография  
Главполиграфиздата  
при Совете Министров СССР.  
Москва, Гарднеровский пер., 1-а.  
При обнаружении брака в книге, просим  
возвратить книгу вместе с этим ярлыком.

Цена 3 руб.

63  
ПЕТР. РАЗУМОВСКАЯ  
Д. 10 КВ. 2  
ФЕЙН Е. А.  
С 1 6 ССР ЗАК

**МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**  
**МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР**

**ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ**  
**В ОЧНУЮ АСПИРАНТУРУ**

по специальностям:

1. ИСТОРИЯ КПСС
2. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
4. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
5. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
6. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СССР
7. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО
8. СОВЕТСКОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
9. СОВЕТСКОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО
10. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
11. СОВЕТСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
12. СОВЕТСКОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО
13. СОВЕТСКОЕ ЗЕМЕЛЬНОЕ И КОЛХОЗНОЕ ПРАВО
14. СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
15. СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО
16. СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
17. КРИМИНАЛИСТИКА

**И В ЗАОЧНУЮ АСПИРАНТУРУ**

по специальностям:

1. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СССР
2. СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО
3. СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
4. СОВЕТСКОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО
5. СОВЕТСКОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

**Прием заявлений с приложением документов**  
**и реферата до 31 августа**

**Приемные испытания — с 1 по 15 сентября**

За справками обращаться по адресу: Москва, ул. Герцена, 11